

Зарубежная

фантастика

Баррингтон Бейли
Семя зла

Баррингтон Бейли Семя зла

Зарубежная

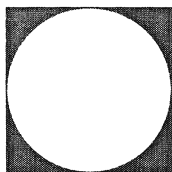

фантастика

Barry Bayley

Зарубежная

фантастика

Баррингтон Бейли

Семя зла

Сборник рассказов

Амбер
«Виталион»
2014

УДК 821.111(73)-312.9

ББК 84 (7 Вел)-44

Б 413

Barrington J. Bayley

The Seed of Evil

1979-11-00

ISBN 0-85031-313-9

Allison & Busby Publisher, 175 p. hc

Cover by John Harris

На странице 2 – фото 1983 года и автограф

Семя зла

Сборник рассказов

Наперегонки с чидами

— Да ты только посмотри на него, — возражал Брэнд.
— Живого места нет. Смысла никакого.

Рюгер что-то проворчал в ответ и опустил глаза на останки их товарища. Живого места нет, все правильно; тошнотворное зрелище, кровь лужей. Пилокот, на которого они охотились, фактически нашинковал Весселя. В изувеченном теле, однако, еще оставалось много крови, поскольку сердце перестало биться почти сразу, когда кот разорвал грудную клетку. Рюгер возлагал надежды на это обстоятельство.

— Не можем же мы тут стоять сложа руки, — ответил он, разглядывая тропу, по которой скрылся кот из-под их лихорадочного обстрела. Ружье самого Весселя валялось поблизости: первый же удар жуткого окровавленного когтя зверюги вывел оружие из строя. Рюгера бесила мысль, что хищник оказался лучше их. Интересно, почему отравленные дротики не подействовали? Возможно, застряли в толстой коже, а яд распространялся медленно. В таком случае следует ожидать, что и туша самого котяры где-то недалеко.

— Мозг не поврежден, — настойчиво заговорил он. — Пошли. Делай, что я говорю: быстрее заморозим его, пока разлагаться не начал.

Рюгер был широкоплечий мужчина с грубыми чертами лица. Речь его изобиловала напористыми ударе-ниями, и в ней сквозил отрывистый акцент, который Брэнду так и не удалось идентифицировать.

Помедлив, Брэнд сдался под напором оптимиста. Он подошел к мертвому Весселю и не без труда взял себя в руки, когда в ноздри ему ударила тошнотворная смесь резких запахов крови и изувеченной плоти. Опустился на колени, открыл аптечку и вытащил синий цилиндр. Из цилиндра вырвался лавандовый туман, окутал тело и распространился вдоль него, а потом исчез. Могло показаться, что мертвая плоть впитала его, как впитывает губка воду.

— Без специального оборудования заморозить не получится, — сообщил он Рюгеру. — Вода закристаллизуется и разорвет все клетки. Эта хреновина предохранит плоть от разложения, но лишь на двенадцать часов. Гелеобразная суспензия, блокирующая химические процессы.

— Он не заморожен?

— Нет. — Брэнд поднялся. — Ты понимаешь, что я имею в виду? Ближайший госпиталь, где есть все необходимое, в шести неделях пути. И даже тамошние хирурги вряд ли сподобятся ему помочь. Он останется калекой до конца жизни: скорее всего, будет полностью парализован. Думаю, ему это не понравится.

Рюгер ответил не сразу, а сначала посмотрел на небо, словно прикидывая масштаб межзвездных расстояний.

— А что, если податься к чидам? У них базовый лагерь на другом конце континента. Ты знаешь их репутацию.

Брэнд гневно захлопнул аптечку.

— Ты спятил? Тебе не хуже моего известно, что к чидам лезть нельзя.

— Заткнись и помоги перенести его на сани.

Они молча занялись этой неприятной работой. Рюгеру подумалось, что на санях следовало транспортировать тушу пилота, но он удержался от искушения закончить погоню и убедиться, что тварь мертва. Его разумом завладело другое искушение, более настойчивое; он был не из тех, кто легко признают поражение, если осталась хоть какая-то надежда на успех, а Вессель при жизни проявил себя добрым другом.

Сани воспарили на пару футов над острой широколиственной растительностью, покрывавшей большую часть суши этого мира. Возвращаясь к кораблю, Рюгер снова взглянул на небо. Солнце опустилось далеко под горизонт, но подлинной ночи эта планета не знала: в центре скопления М4 звезды так плотно понатыканы, что даже в середине формальной ночи освещенность аналогична погожим осенним сумеркам на Земле. Многоцветное сияние не угасало никогда, заполняя небеса не только ночью, но и днем, когда оно примешивалось к свету местного довольно бледного солнца.

Скопление кишело (если это слово уместно применять к такой огромной территории) изыскателями-

фрилансерами: они тут рыскали в поисках всего сколько-нибудь редкого или нового, что можно загнать по выгодной цене после возвращения на цивилизованные миры. Экзотические меха и шкуры, неизвестные драгоценные камни, чужацкие минералы и химические соединения, снадобья с неожиданными биологическими свойствами: охота за редкостями шла полным ходом. Если попадалось что-либо новое, желательно уникальное, и потенциально полезное, его цена взлетала до небес. К примеру, мех пиллокота украсил бы гардеробы не менее дюжины исключительно богатых модниц.

И не все изыскатели принадлежали к роду человеческого. В скоплении обреталось несколько местных разумных рас, но слетелись сюда и представители десятков других видов: их влекли слухи о богатствах или какие-то менее очевидные цели. У разумных было заведено вежливо игнорировать друг друга: в обычной обстановке Рюгер бы это лишь одобрил, ведь если с некоторыми известными человечеству чужаками (а было их на свете столько, что о большей части видов имелись лишь отрывочные данные) общение трудностей не представляло, то с другими следовало держать ухо востро.

Существовали и такие расы, чьи обычаи и манеры, по людским меркам, были так химеричны, что центральное правительство наложило строгий запрет на любые формы взаимодействия с ними.

Именно к таким относились чиды.

Вернувшись на корабль, Рюгер разыскал официальный справочник по чужацким расам. Каталогная записка, относящаяся к чидам, была, как и во многих дру-

гих случаях, снабжена примечанием: *Не контактировать ни при каких обстоятельствах.* Информация, приведенная там, не проясняла причин такого запрета, но Рюгер все же внимательно изучил ее. Сведения социологического характера помещались после координат родной звезды чидов и сферы их влияния. Они были отрывочны и, по всей видимости, записаны со слов какого-то одинокого волка, исследователя, посетившего исходный мир чидов и поделившегося наблюдениями с министерством внеземных дел. Рюгер помнил, однако, что дальнейшие контакты между чидами и людьми усилили впечатление о чидах как своенравном и эксцентричном народе.

Отличительной особенностью цивилизации чидов, читал он, является их медицинское искусство. Продвинутой хирургией там занимаются даже в домашних условиях, и самому опытному земному хирургу нечего и думать тягаться мастерством с обычным чидом; эта раса гордится своими хирургическими умениями так, как человек может гордиться умением самостоятельно починить свою машину. Хирургические технологии у чидов так повсеместно распространены, вероятно, потому, что возникли на заре времен, еще до открытия огня.

Хирургии даже в первобытные времена отводилась видная роль в чидском фольклоре; это иллюстрируется следующим эпизодом из предания о древнем герое Гаторе. Оказавшись во вражеском окружении на чужой земле, он приказал своим приверженцам рассеять его тело и пронести через вражеские кордоны по куточкам, «размерами не крупнее фаланги пальца». Ко-

гда Гатора собрали воедино, он возобновил борьбу за освобождение своего народа из рабства.

Чиды любят игры и спортивные состязания, они очень азартны. Помимо этих черт, у чидов мало общего с человеком. Более того, чидская ментальность настолько чужда человеческой, что контакт с ними представляет значительную угрозу. Тем, кто окажется в присутствии чидов, не рекомендуется вступать с ними ни в какие взаимоотношения, поскольку при этом вы почти наверняка истолкуете намерения чужаков неверно. Напротив, рекомендуется как можно скорее покинуть чидское общество.

Рюгер закрыл справочник и медленно отложил его.

Выйдя наружу, он обнаружил, что Брэнд сидит и смотрит в ночное небо.

— Мы отправляемся к чидам, — сказал Рюгер решительным тоном.

Брэнд вскинулся.

— Ты отдаешь себе отчет, как это рискованно?

Рюгер кивнул.

— Взаимодействие с запретной расой чужаков. Штраф в двадцать тысяч рабочих кредитов или пять лет каторжных работ. Или и то, и другое.

Правительство в таких вопросах было скрупулезно.

— Я не об этом думал, — ответил Брэнд, — а о самих чидах. Эти запреты, вероятно, наложены для нашей же пользы. Возможно, мы вляпаемся в такое, откуда выбраться сами не сумеем.

В голосе Рюгера прозвучало глухое упрямство.

— Я из буров, — произнес он. — Этот народ знал, что такое цепляться за жизнь любыми способами. Я разде-

ляю их традиции. Имеет смысл рискнуть, когда выбор стоит между жизнью и потерей жизни.

Он в последний раз окинул взглядом поляну, испытав мимолетную досаду, что не выкроил времени добыть-таки шкуру пилокота.

— Нет смысла тут торчать. Давай лапами шевели.

— Я так думаю, — говорил Рюгер, пока они летели над буро-бежевым континентом, — настолько одаренные в хирургии существа не могут оказаться совсем уж злыми. Они исцеляют больных и увечных: *такое* поведение я не считаю непостижимым. Возможно, чинуши из правительства поторопились от них отмахнуться.

Брэнд не ответил.

Вскоре появился лагерь чидов. Он был раскинут на равнине у самого края двухсотфутового обрыва, почти отвесно уходившего к острым камням и пенному морскому прибою. Лагерь состоял всего из трех объектов: пятиугольной хибары, крытой, по всей видимости, местными папоротниками, чидского звездолета, больше всего напоминавшего земной городской трамвай, и маленькой темной рощи в овальной впадине ландшафта (Рюгеру не показалось, что она естественного происхождения; возможно, подумал он, чиды обустроили ее тут в качестве парка или сада, привезя растения и деревья со своей планеты).

Они опустились на приблизительном периметре лагеря. Немного посидели вместе в рубке, молча разглядывая лагерь на экранах. Никаких признаков жизни. Но спустя полчаса из хибары появились два высоких чид

и устремились к роще; на земной корабль они, впрочем, не обратили ни малейшего внимания.

Рюгер и Брэнд напряженно наблюдали за ними. Спустя долгое время чиды вернулись, разведя в стороны листву и выбравшись на свет из сырых глубин леса. И неторопливо направились обратно к хижине, крытой папоротниками.

— Кажется, они большую часть времени проводят там, а не на корабле, — заметил Брэнд.

— Возможно, на корабле чидов больше.

— Он невелик. Вряд ли их там бы много поместилось.

— Да, верно. — Рюгер грыз костяшки пальцев. — Они нас игнорируют.

— Это разумно. Мы поступили бы так же, опустишь они по соседству. Возможно, даже бы перенесли лагерь. Они же этого не делают.

— Тогда придется нам сделать первый шаг. — Рюгер поднялся и взглянул на Брэнда. Оба так нервничали, что сводило кишки. — Пойдем выясним, чем они могут нам помочь.

Они пристегнули пушки в кобурах к поясам под рубашками так, чтобы на первый взгляд казаться безоружными. Залитое гелем тело Весселя осталось лежать на санях. Они вывели сани с корабля и направили над короткой тропой к лагерю чидов. Местность походила на саванну.

Хижина выглядела такой примитивной, что легко было обмануться, приписав ее дикарям. Земляне остановились в нескольких футах от двери, которая, как и стены, была сделана из ветвей местного дерева и скреплена переплетающимися папоротниками.

Рюгер рассудил, что разумнее будет общаться в основном жестами. Выразить таким образом можно лишь простейшие и самые очевидные желания, а значит, и опасность недопонимания уменьшится.

Он засунул большие пальцы за пояс и крикнул:

— Эй! Есть кто?

Потом опять:

— Эй! Есть кто? Мы земляне!

Дверь открылась внутрь. Там было сумрачно. Рюгер поколебался и, чувствуя, как пересохла глотка, вошел. За ним последовал Брэнд, тянувший сани.

— Мы земляне, — повторил он в некотором замешательстве. — У нас трудности. Нам нужна ваша помощь.

Больше он ничего не сказал, поскольку зрелище захватило его. Два чиды, которых люди видели ранее, выкрутили глаза посмотреть на гостей. Один чужак возлежал на чем-то вроде диванчика, но так, как мог бы валяться труп, который туда небрежно отшвырнули: конечности разбросаны по сторонам, голова свисает, едва не касаясь истоптанного и неровного земляного пола. Второй наклонился вперед, всем весом опираясь на двойной гамак, крепящийся к стропилам крыши. Голова его тоже свисала до земли, а ноги волочились сзади.

В этих позах было что-то смутно неприятное. Рюгер, впрочем, предположил, что чиды просто отдыхают.

Размерами они несколько превосходили людей, но казались вялыми, расхлябанными в движениях. Серая кожа кое-где переливалась зеленым и оранжево-коричневым. Из одежды на чидах имелись короткие штаны и подобие слякнявчика, пристегнутого к подтяжкам на плечах. Как и у многих гуманоидов, их лица ка-

зались карикатурами на людские — в данном случае выражали граничащую с гротеском тупость. Рюгер напомнил себе, что важно не поддаваться этому, без сомнений, совершенно ошибочному впечатлению.

На полу валялись трудноопределимые инструменты. Взгляд Рюгера скользнул по ним и дальше в сумрак хижины. Человека сотрясла дрожь. Постройка напоминала лавку мясника первобытной эпохи: на стенах висели куски плоти — конечности, внутренности, разные органы, а еще органические компоненты и вещества, которых он не опознал. Все это было, очевидно, добыто у множества незнакомых ему созданий. Чидов, несомненно, интересовала и ботаника: среди образцов чисто животных тканей попадались и растительные — обрезки ветвей, плоды, ленты коры и так далее. В воздухе висел влажный гнилостный запах, но что было его источником — мрачноватая экспозиция или сами чиды, — Рюгер не понял.

Брэнд не нашел на полу свободного места и оставил сани парить в воздухе. Рюгер показал на тело. Он надеялся, что цель визита ясна.

— Наш товарищ. Он тяжело ранен. Мы пришли... спросить, не согласитесь ли вы его вылечить.

Чид, опиравшийся на гамак, покачался из стороны в сторону.

— *Верри-верри-верри-верри...* — произнес он, или, во всяком случае, так почудилось Рюгеру. Потом чужак замолчал, а когда заговорил снова, то уже, к большому удивлению землян, на почти идеальном английском.

— С великой равнины прибыли к нам гости! А спорт вас не интересует?

— Мы пришли попросить вас о помощи, — ответил Рюгер и снова показал на сани. — Нашего друга изувечил пилотот — опасный зверь, который водится на этом континенте.

— На некоторое время органические процессы, протекающие в его плоти, удалось затормозить гелевой суспензией, — вмешался Брэнд. — Но когда гель перестанет действовать, наш друг умрет. Если ничего не предпринять...

— Чиды славятся своим хирургическим мастерством, — добавил Рюгер.

Чид отстранился от гамака и кособокой побегой приблизился к саням, расшвыривая металлические предметы на полу. Рюгер автоматически отпрянул. Непривычность происходящего угнетала. Трудно представить, что это настолько продвинутые существа, как говорят...

Чид склонился над санями и потыкал длинным пальцем в неподвижное тело Весселя. При этом чужак испустил ехидный смешок, подобный звучанию корнета.

— Вы можете ему помочь? — спросил Рюгер.

— О да. Без проблем. Простая нарезка. Нервы, мышцы, кровеносные сосуды, лимфатические каналы, кожа — вы даже швов не заметите.

Людей накрыла теплая волна облегчения.

— Значит, вы его прооперируете? — настойчиво уточнил Рюгер.

Чид распрямылся и посмотрел прямо на него. Рюгер впервые увидел его глаза вблизи — выглядели они жутко, будто вареные яйца.

— Я слышал, что земляне умеют покидать свои тела и перемещаться без них. Так ли это?

— Нет, — сказал Рюгер после паузы, не сразу поняв, к чему клонит чид. — Вы спрашиваете, способна ли душа покинуть тело? Это не так. Это религиозное поверье. Вы знаете, что такое религия? Одни побасенки.

— Но как замечательно было бы покинуть свое тело и оказаться способным к перемещениям без него! — Чид вроде бы обдумывал услышанное. — Вы спорт любите? — спросил он внезапно. — Гонки?

— Мы хотим только помочь нашему товарищу.

— О да, но вы должны будете поиграть с нами.

— После того, как нашему товарищу станет лучше, — медленно произнес Рюгер, — мы сделаем все, что захотите.

— Отлично, отлично! — Чид снова рассмеялся на свой манер, но теперь гораздо громче: звук был резкий и вселял нервозность.

— Мы можем на вас положиться? — настойчиво уточнил Рюгер. — Сколько времени это отнимет?

— Недолго, недолго. Оставьте его с нами.

— А нельзя ли нам остаться и посмотреть?

— Нет-нет! — Чид, казалось, оскорбился. — Это было бы неучтиво. Вы наши гости. Уходите!

— Хорошо, — сказал Рюгер. — Когда нам вернуться?

— Мы пришлем его к вам, когда он будет готов. Вероятно, завтра утром.

— Хорошо. — Рюгер неуверенно поднялся. Его тянуло поскорее сбежать из хижины, и вместе с тем он почему-то медлил.

Чид на диване игнорировал землян, не считая одного взгляда в момент, когда они только появились в хижине. Чужак лежал совершенно неподвижно, будто мертвый.

— Тогда до завтра.

— До завтра.

Люди, неловко переминаясь, выбрались наружу. Рюгер пришел к выводу, что человеку чиды представляются психологически нестабильными типами. Невротики, склонные к эрратическому неприятному поведению. Но это впечатление, вероятно, было ошибочным, как и иллюзия идиотизма в выражении лиц.

На корабле Рюгер нарушил молчание:

— Ну, пока все идет неплохо. Если тот чид сдержит свое обещание, нам не о чем переживать.

— А этот разговор про игры и состязания? — тревожно отозвался Брэнд. — Чего они от нас ожидают?

— Неважно. Как только получим Весселя назад и убедимся, что с ним все в порядке, мы просто улетим.

— Мы их должники. Они могут попытаться задержать нас.

— У нас пушки.

— Ну да... да, наверное, с нами-то все будет в порядке, но с Весселем? Не похожа эта хибара на операцию. Почему-то не верится, что они на это способны.

— Они работают не так, как мы. Но все знают, каковы результаты. Они, можно сказать, чудеса творят. Сам увидишь. В любом случае, у Весселя появился шанс. А раньше не было и этого.

Они умолкли.

Спустя некоторое время Рюгера одолела непоседливость. Пересекая континент, они догнали солнце; снова вечерело, и до рассвета оставалось еще часов восемь. Рюгеру спать не хотелось. Он предложил прогуляться.

Брэнд, колебавшись, согласился. Выбравшись наружу, они направились к чидской роще, поскольку обоим интересно было, что там внутри. Люди пробирались по опушке и отгоняли неприятное чувство, что чиды, не исключено, наблюдают за происходящим, и чужакам может не понравиться, что незваные гости влезли в их личный сад, если это был он.

Не приходилось сомневаться, что растительность рощи инопланетного происхождения. Она ничем не напоминала буш, покрывающий большую часть континента. Местные флора и фауна вели буйный образ жизни, и в них преобладали яркие легкие оттенки — бежевые, оранжевые, желтые; роща же была темная и гнетущая, неестественно молчаливая и неподвижная, словно бы прикипавшая к земле. Кора деревьев — скользкая, оливково-зеленая, блестящая, а листва почти черная.

Когда хижина чидов осталась позади, Рюгер развел руками доходявшую до плеч растительность, которая закрывала происходящее за деревьями, и протиснулся между высоких тонких стволов. Люди тихо и осторожно продвинулись на несколько ярдов в гущу леса. Свет был тусклый и рассеянный, и хотя он просачивался через кроны деревьев, те, по впечатлению, нависали вплотную, образуя полностью замкнутое микроокружение. Впрочем, несмотря на то, что деревья росли тесно, внутри рощи было больше свободного пространства, чем по периметру, который Рюгеру напомнил барьер

или шкуру. Здесь царил тот же влажный гнилостный запах, что и в хижине чидов. Воздух был влажный и на удивление жаркий; возможно, растительность задерживала тепло или обогревалась искусственно.

Почва постепенно понижалась к центру роци, и ее устилал ковер мха, скользкий и неприятный на ощупь. Рюгера поразила мертвая тишина этого места — хоть бы листок шелохнулся, хоть бы ветерок пролетел... но нет. Они крались все дальше, спускаясь в недра леска, и быстро заметили, как меняется растительность кругом. Среди тонких стволов в изобилии попадались другие, непривычные растительные формы. Раскидистые, с широкими листьями, откуда по каплям стекала желтоватая сиропообразная жидкость. Похожие на питонов лианы переплетались с верхними ветками деревьев и едва заметно пульсировали. Паразитические растения цвета желчи, вроде гигантских виноградных гроздей или раковых новообразований, ниспадали по чешуйчатым стволам, иногда полностью скрывая их из виду.

Все это вызывало ассоциации с полными жизни чужацкими джунглями в миниатюре. И... неподвижность как рукой сняло. Слышались звуки — не шелест листвы или шорох веток, а неприятные глуховатые бульканье и чмокание. Изумленный Рюгер остановился при виде секции гнилостного растительного ковра, которая внезапно зашевелилась прямо перед ним. Из подлеска выбралось существо, напоминавшее розовато-серый клубок внутренностей, быстро заползло на ближайший ствол и начало вытеснять оттуда паразитическое растение, свисавшее с веток. Это последнее обладало ге-

леобразной консистенцией: двое тряслись и колыхались, словно гротескное желе.

— Взгляни-ка, — шепнул Брэнд.

Рюгер проследил его взгляд. Из невысоких кустов у подножия дерева выползло небольшое животное. Больше всего оно напоминало обнаженный мозг млекопитающего, средних размеров, может, тигра или собаки, и за ним волочилось что-то вроде обрывка позвоночного столба.

Земляне наблюдали за ним, пока оно не скрылось с глаз. Еще через несколько ярдов оказалась поляна. Ее занимало одинокое дерево, не похожее на остальные в роще: с толстым грушевидным стволом, ритмично сокращавшимся, будто внутри билось сердце. С кроны дерева свешивались тонкие сучкообразные отростки. Когда двое ступили на поляну, из скопища отростков внезапно брызнули красные капли.

Люди отскочили в сторону. Рюгер присмотрелся к каплям, попавшим на его куртку, голову и руки. Жидкость была липкой, словно кровь. Или желчь.

Земляне с омерзением принялись оттирать ее с обнаженных участков кожи.

— Хватит с меня этого, — заявил Брэнд. — Пойдем обратно.

— Подожди, — настаивал Рюгер. — Так далеко забались — стоит ведь осмотреть до конца.

Они приближались ко дну впадины, занятой леском, и Рюгер полагал, что там может найтись нечто особенное. Вонь стала такой густой, что их нешуточно подташнивало, но уже через несколько ярдов, за плотной

порослью щупальцеобразных склизких растений, они увидели искомое.

Деревья склоняли над ним свои ветви, образуя смыкающийся шатер: маленькое озеро из крови... Рюгер не сомневался, что это кровь. Она выглядела и обонялась, как кровь, хотя запахом отличалась от человеческой. На берегу прудика собрались десятки существ, чтобы напиться оттуда: сегментированные, размером с лобстеров, и похожие на мозги, как уже виденное ими создание, а еще — кластерно-трубчатые, словно скопления вен и артерий. И даже сама роща питалась кровью из пруда, высасывая ее через растительные шланги, опущенные по деревьям и раскинутые по кустарникам.

Рюгер и Брэнд ошеломленно наблюдали. Значит, у чидов это сойдет за миниатюрный рай? подумал Рюгер. Он насилу оторвал взгляд от блистающей алой поверхности озера. Лесок, покрытый слизью, с его скользкими стволами, разбухшими кустами и пульсирующими питонообразными трубками, ни животными ни растительными на вид, теперь вовсе не напоминал ему земную рощицу. Полностью замкнутая, самодостаточная природа этого места наводила на ассоциации с тем, что происходило внутри его собственного тела.

Рюгер толкнул Брэнда в бок и проворчал:

— Возвращаемся.

Они медленно двинулись в обратный путь вверх по склону чашеобразной впадины, к открытому пространству и звездному свету.

Спустя несколько минут после возвращения на корабль прибыл первый из чидских даров.

Они не поняли тогда, что это подарок, а если б и поняли, то в любом случае не знали, как его принять. Дар имел форму животного, которое целеустремленно преодолело расстояние от чидской хибары до земного звездолета и стало слоняться перед ним на задних лапах. Оно немного напоминало собаку, размером было с дога, а кожа оказалась безволосая и желтая.

Рюгер навел на него внешний сканер и приблизил изображение. В теле животного имелись щели. Когда зверь двигался, их края расходились, обнажая внутренности. Брэнда замутило, и он отвел глаза.

Какое-то время животное слонялось у входа, прыгая взад-вперед.

— Не видел я такой зверюги у чидов в хижине, — заметил Брэнд.

— Наверное, они ее сделали.

Рюгер наблюдал за животным, пока то, казалось, не устало от бесполезности своих стараний и не ускало обратно тем же путем, после чего скрылось в хижине.

— Я устал, — заявил Рюгер. — Поспать бы немного.

— Давай.

Брэнду же не спалось. Его терзало беспокойство. Он нервно зарядил себе полный перколятор кофе и устался на дисплей наружного сканера.

Время от времени из хибары появлялись звери и устремлялись к кораблю. Ничего особенно чужацкого в их облике не было, если не считать общей способности выставлять напоказ внутренности при движениях. Одно отдаленно напоминало свинью, другое — безволосую

ламу, третье — кенгуру. А вдруг это на самом деле одно и то же животное, которое раз за разом переделывают, составляя из тех же фрагментов?

Лучше бы чиды не пытались и Весселя починить таким же способом, злобно подумал Брэнд. Он задумался, какой реакции инопланетники ждут от них с Рюгером, посылая этих тварей. Но ответа не нашел и решил не предпринимать ничего, рассудив, что так безопаснее.

По небосклону ползли звезды, озарявшие ландшафт бестенным сиянием. Вскоре после восхода бледного солнца в каюту снова приплелся Рюгер.

— Что-нибудь происходило?

Брэнд поделился с ним кофе и рассказал о визитах животных. Рюгер сел рядом с ним, уставясь в экран, и стал прихлебывать из стакана.

Брэнд к этому моменту устал, но его нервозность не ослабевала.

— Думаешь, все будет в порядке? — спросил он тревожно.

— Конечно, все будет в порядке, — огрызнулся Рюгер. — Меньше думай про тот лесок. У чидов наверняка вся планета такая.

Это впервые они упомянули лесок в разговоре между собой.

— Послушай, — начал Брэнд, — я подумал про тех животных, которых они присылают раз за разом...

Рюгер вскрикнул. На экране появился Вессель. Он постоял немного у открытой двери чидской хижины и нерешительно переступил порог.

— Вон он! — выдохнул Рюгер хрипло. — Они сдержали слово!

Он вскочил и вылетел из каюты. Брэнд последовал за ним. Двое высочили наружу, устремились по жесткой траве навстречу Весселю, который шел к ним сам, но не обычной своей походкой. Ноги его были точно свинцовые, двигался он неуверенно и неуклюже, руки безвольно свисали по бокам, лицо обмякло.

Тем не менее земляне радостно подскочили к нему, и улыбка на лице Рюгера омертвела. Глазницы Весселя были пусты. Веки ничего не закрывали, отсутствовали даже глазные орбиты. И Брэнд понял вдруг, что безглазый Вессель движется не к кораблю, а к обрыву на некотором расстоянии от него.

— Вессель? — мягко окликнул он. А потом заметил кое-что еще. В нескольких ярдах за спиной Весселя полз округлый сероватый объект размером не больше ботинка. Он имел складчатую поверхность, изобилующую извилинами. По тыльной части проходила глубокая расщелина, и вся поверхность поблескивала, точно покрытая прозрачным гелем.

Существо перемещалось на манер улитки, на единственной широкой ножке. За Весселем оно едва поспевало, хотя и прилагало значительные усилия. Брэнд с Рюгером тупо уставились на процессию. На передней поверхности ползущего создания имелись два белых шара. Точнее, не вполне белых: однообразие белизны нарушалось аккуратными цветными кружками. Эти шары, несомненно, представляли собой человеческие глаза, и им полагалось бы сейчас находиться в глазницах Весселя. А серая масса, как ни невероятно это

предположение звучало, наверняка была мозгом Весселя, живым, бестелым и обретшим способность к самостоятельному передвижению.

Тут тело без мозга споткнулось и упало. Мозг устремился к нему. Не успело тело подняться, как мозг достиг его и вскарабкался по ноге. Тело встало и возобновило перемещение, но мозг не отлипал от него, словно пиявка. Он карабкался все выше. Тело дернулось к обрыву; мозг еще ускорился. Действия его поражали своим проворством: он преодолел бедра, взобрался по спине, достиг плеча, на мгновение угнездился там... И тогда затылок Весселя разошелся посередине, словно створки двери. Обнажилась пустая черепная коробка. Мозг юркнул туда, как мог бы рак-отшельник протиснуться в ничейную раковину или жирная серая крыса спуститься по норе, и череп снова сомкнулся.

Тело Весселя внезапно остановилось. Его сотрясла дрожь. Оно застыло в неподвижности лицом к морю.

Рюгер и Брэнд переглянулись.

— *Господи Иисусе!* — хрипло выдохнул Рюгер.

— Что нам делать?

Бросая друг на друга робкие взгляды в поисках моральной поддержки, земляне приблизились к Весселю. Глаза Весселя вернулись на места и выглядывали из глазниц. Вид у них был нормальный, хотя и чуть покрасневший. И самого Весселя можно было сейчас принять за нормального человека, но глубоко-глубоко контуженного.

Рюгер в гневе выхватил пистолет и оглянулся на хижину чидов.

— Я ублюдкам этого так не оставлю, — пригрозил он.
— Они его соберут как надо.

— погоди, — сказал Брэнд, поднимая руку. Он повернулся к Весселю.

— Вессель, — тихо проговорил он, — ты меня слышишь?

Вессель поморгал.

— Конечно, — ответил он.

— Как долго ты был без сознания?

Ответа не последовало.

— Двигаться можешь?

— Конечно, — Вессель повернулся и шагнул к ним. Рюгер попятился, словно нечистого увидел. Но Брэнд не сделал такой попытки.

— Можешь вернуться на корабль? — спросил он.

— Наверное.

— Тогда пойдем.

Вессель присоединился к Брэнду, зашагав немного естественней, чем прежде. Они медленно направились к блестящему на солнце звездолету.

Рюгер опять оглянулся на чидскую хижину. Потом убрал оружие в кобуру и пошел за ними.

Поднявшись на борт, они усадили Весселя в каюте. Тот сидел пассивно, ничего не предпринимал, ни на что в особенности не смотрел.

Брэнд сглотнул.

— Ты помнишь, как находился вне своего тела? — произнес он.

— Да.

— И как это?

Вессель ответил тусклым монотонным голосом:

— Все в полном порядке.
— И это всё, что ты можешь рассказать?

Вессель промолчал.

— Хочешь что-нибудь есть или пить?

— Нет.

— Ты *узнаёшь* нас, ведь правда?

— Конечно.

Брэнд тревожно оглянулся на Рюгера, потом мотнул головой, показывая на дверь.

Оставив Весселя, они удалились в рубку.

— Ну, не знаю, — высказался Брэнд. — Думаю, с ним все будет хорошо.

— Все будет *хорошо*? — Рюгер, аж красный от ярости, недоверчиво глядел на него. — Господи, ты только *посмотри*, что с ним случилось!

— Он сейчас не в себе. Но мозг уже восстановил связь с телом. Он полностью контролирует его. Швы... шрамы... Ни следа. Фантастика.

— Это чудовищная, гротескная, извращенная... — Рюгер запнулся. — Не понимаю я тебя. Ты что, принимаешь это как должное?

— Нас *предупреждали* насчет чидов, — заметил Брэнд. — Их пути — не наши пути. Возможно, они так пошутили, не имея в виду ничего плохого. В конце концов, Вессель снова *цел*. Он восстановился. Его собрали заново.

Рюгер вздохнул, признавая поражение.

— Если хочешь. Но я... я поверить не могу в то, что видел. Это невозможно.

— Ты имеешь в виду — невозможно, чтобы мозг вел самостоятельное существование снаружи тела?

Рюгер кивнул.

— Но ведь это не слишком экстраординарно. На Земле, в госпитале, я видел мозг, в котором поддерживалась жизнь. В стеклянном баке.

— Да, но это в больничных условиях, со всеми мерами предосторожности, а тут...

— Тут, — криво усмехнулся Брэнд, — это проделали два чужака в хижине, крытой папоротниками, среди грязи и мусора. И этот мозг действительно способен ползать сам.

— Вот это меня и потрясло. Может, это вообще не Весселя мозг? Что, если чиды нас дурачат?

— Думаю, это именно Вессель, все в порядке. И нам лучше примириться со странностями. Чидам без необходимости стерильные или больничные условия, потому что у них уже решены все досаждающие нам технические проблемы. А насчет мозга, который движется сам по себе... несколько простых мускулов, конфигурация снабжения кислородом... скорее всего, это не так сложно, как звучит, если уж хватило безумия захотеть. — Он помолчал, размышляя. — Знаешь, мне кажется, что чиды воспринимают тело не целостным образованием, в отличие от нас. Тот лесок, куда мы забрели... У меня такое впечатление, что это были мозги, желудки, пищеварительные тракты, все эти фрагменты двигались самостоятельно. Такое впечатление, что чиды автономизируют телесные органы.

— Это ж полуживотные, — проворчал Рюгер. — Мерзость какая.

— С нашей точки зрения — да.

Повисло долгое молчание. Наконец Рюгер спросил:

— Ну ладно, а дальше что?

— Безопаснее всего, я полагаю, сейчас же улететь. Но, вероятно, лучше подождать немного, посмотреть, оправится ли Вессель. У него что-то вроде послеоперационного шока. Надеюсь, он не был в полном сознании, когда находился вне своего тела. Ты только представь, каково это.

— Я даже слышать не хочу о том, чтобы мы улетели. Пока он не пойдет на поправку.

— Не следует затягивать. Чиды вскоре появятся, чтобы получить то, чего хотят от нас по уговору. В конце концов, они *спасли* его жизнь. Если возникнут проблемы, наши наверняка порешают.

— Э, нет. — Рюгер постучал по стволу пушки. — Если чиды нам напакоостили, они поплатятся.

— Давай лучше надеяться, что успеем улететь до заката, — ответил Брэнд.

После обеда Вессель снова покинул свой череп.

Это произошло прямо на глазах у Брэнда, который сидел, наблюдая за Весселем. Вессель большую часть времени проводил, равнодушно созерцая переборку, и они молчали весь день.

Затем его голова распахнулась, но теперь со стороны лица, без всякого предупреждения. Внутри, как животное, скрывающееся от охотников, показался мозг с глазами, все еще покрытый защитной гелевой оболочкой. Ножка тут же уцепилась за подбородок Весселя, и мозг начал выбираться наружу, роняя бледно-розовые капли.

Рюгер прибежал на дикий вопль Брэнда. Когда он появился в каюте, мозг, казалось, впервые осознал, что за ним наблюдают. Глаза задергались, мозг поспешно отступил в костяную пещерку, лицо сомкнулось, глаза на миг исчезли, потом проворно закатились в глазницы.

Вессель снова уставился в стену ничего не выражающим взглядом, игнорируя двух бывших друзей. Не было заметно ни малейших следов шва там, где его лицо распахнулось.

Брэнд озадаченно застыл.

— Ну? — выдохнул Рюгер. — *Все еще уверен, что он в порядке?*

Он полез в оружейку и вытащил два дротикомета.

— Нанесем-ка им еще один визит, — резко бросил он, протянув Брэнду ружье. — На этот раз останемся и пронаблюдаем операцию. Посмотрим, получится ли у них такие шутки шутить под прицелом.

Брэнд слепо поплелся за ним. Вессель, казалось, тоже не в силах был ни сопротивляться, ни спорить. Получив приказ, он вышел вместе с ними из корабля и направился по траве к хижине чидов.

Достигнув ее, Рюгер распахнул дверь и без предисловий ввалился внутрь.

В ноздри снова ударила гниlostная вонь. Внутри они застали ту же картину, что и в прошлый раз: один чид распластался на диванчике, другой перевесился через сдвоенный гамак. На вторжение отреагировал только второй, вскинул голову и посмотрел на Рюгера.

— Наши друзья вернулись! — возвестил он со смехом. — Они явились, как обещали, и порадуют нас спортивными достижениями!

Чид на диванчике ответил с едва уловимым ехидством:

— Да, но с их стороны было невежливо отвергать подаренные им части.

Брэнд и Вессель вошли в хижину следом за Рюгером. Тот вскинул дротикомет на изготовку и рявкнул:

— Вы обошлись с нашим другом совершенно ужасно! Его мозг не зафиксирован в теле.

Чид возвел очи горе.

— Ах, но способность покидать свое тело — мечта каждого землянина! Я это узнал из земных религий.

— Вы не понимаете...

Рюгер замолчал, увидев, что чид отвязался от гамака; его крупная фигура выглядела непропорционально в тесной захламленной хижине, но было в ней что-то повелительное. Инопланетянин потянулся к стене и снял с нее предмет вроде сумки гольфиста для клюшек на ремне для переноски через плечо. В сумке обнаружились металлические инструменты, и многие из них оканчивались блестящими лезвиями.

Второй чид змееподобным движением встал с диванчика и распрямился.

— Следует ли нам залатать прореху в их манерах поведения?

— Нет. Они чужаки, это надо учитывать. Вместе с тем мы, разумеется, обязаны получить определенную компенсацию за понесенный моральный ущерб. Устроим гонку мозгов? Нашим гостям она вреда не причинит, а нас развлечет. На кого ставишь?

— Ставлю на его победу, — сказал второй чид, указывая на Рюгера.

Его спутник рассмеялся.

— А я ставлю на то, что до финиша не доберется ни один.

Рюгера пронзила острая тревога. Он попытался заговорить и не сумел. Он хотел выстрелить в ближайшего чида из дротикомета — и не смог. Его полностью обездвигило. Два чида склонились над ним, оглядывая Рюгера похожими на вареные яйца глазами. Разговор продолжался; обсуждали, кажется, ставки и шансы. Потом чужаки потянулись за хирургическими инструментами.

Дальше произошло то, с чем мозг Рюгера бессилён был соотнести адекватные ощущения. Сначала это было все равно что ребенком очутиться в руках безгранично могущественных взрослых, и так странно, что все чувства туманились. Он не испытывал боли, не испытывал ее и тогда, когда чид простым скальпелем рассек его лицо и череп посередине, разрезав при этом нос на половинки, и развел в стороны две части. В миг, когда его мозг снимали с места, он, однако, сразу перестал чувствовать себя человеком с руками, ногами и туловищем. Глаза продолжали функционировать, но из распиленного черепа он появился иным существом. Он был серым закругленным комком с расщелиной на спине и чем-то вроде хвоста броненосца позади.

За этим последовал краткий период беспамятства. Когда Рюгер очнулся снова, трансформация завершилась.

Он стал немного похож на улитку. Он мог передвигаться на приплюснутой ножке, его покрывал гелевый

слой, защищавший нежную плоть. И видеть он тоже мог. Но слышать, осязать или обонять — конечно, нет. Ножка поддерживала другие небольшие органы, составлявшие систему частичного жизнеобеспечения. Это позволяло дышать и кое-как питаться, хотя и довольно специализированной пищей.

Его вынесли из хибары чидов и опустили в сухую острую траву. Недалеко виднелось еще одно полуживотное, сходное с ним. Это, как он понял, был Брэнд. Впереди, уже влекомые к обрыву остаточными двигательными функциями, плелись два человеческих тела. Одно ранее принадлежало Брэнду. Второе — ему.

Рюгер испытал сильнейшее желание воссоединиться с удалявшимся телом. Он понимал, что может снова завладеть им, но для этого требовалось настигнуть тело прежде, чем то свалится со скалы, и он устремился вперед, отталкиваясь от неровной почвы всеми доступными ему жалкими силами.

Это, догадался он, и есть чидская гонка мозгов. Чиды сделали ставки на то, кто из них — он или Брэнд, который тоже торопился неподалеку — первым поспеет к своему телу. Рюгер уже догонял. Если тело хоть раз упадет, сказал он себе, я его перехвачу.

Но шли минуты, а тело не падало. Напротив, сам Рюгер запутался в травяном комке и потерял темп. Когда он высвободился, было уже поздно. Он отчаянно рванулся вперед, но лишь затем, чтобы увидеть, как его тело, исцарапанное острыми стеблями, шагает за край обрыва навстречу скалам и морю внизу.

Оно исчезло. Его тела не стало. Раздавленный неудачей, Рюгер озираясь. Тело Брэнда тоже исчезло, да

и самого Брэнда нигде не было видно. Он различил хижину чидов. Рядом с ней, как ни в чем не бывало, стоял Вессель — его мозг снова выполз из черепной коробки и приник к шее, словно исполинский слизняк. Еще дальше, недалеко от той рощицы, маячил чидский звездолет.

Он увидел и свой собственный звездолет, но что теперь от него проку. Глаза Рюгера уставились на рощицу. Темное пятно в ландшафте, бездвижная горстка деревьев, будто остров среди бежевого буша. Интересно... он уже забывал, каково это — обладать телом... Непреодолимое желание отступало, человечность утекала из мозга, как если б он потерял ее не считанные минуты назад, а десятилетия тому, и рощица больше не казалась ужасной или гротескной. Она теперь выглядела уютным, изобильным, благодатным убежищем для полуживотных вроде него. Она давала им приют и пищу. В леске он сможет жить — кое-как, но, смутно припоминал он, жизнь стоит того, чтоб за нее бороться любыми способами.

Солнце и звезды обжигали его льющимся вниз светом. Здесь, на открытой местности, он был наг и незащищен. Здесь жить нельзя. Понемногу, проталкиваясь между жестких стеблей, думая об уютном кровавом озерце, о покрове черной листвы, о пульсирующем тепле, он пополз к неподвижной темной ложбине.

Пушка Господа

Может показаться невероятным, что мой друг Родрик (он сам предпочитает такое написание) стал распространителем абсолютного мирового зла. Его образ жизни не более и не менее предосудителен, чем у среднестатистического человека, и никакой склонности к исключительному злодейству не являет. Однако с философской точки зрения он глубоко порочен, и это привело его к величайшему мыслимому преступлению, такому грандиозному, что он навеки ускользнул от божественного возмездия (или он так заявляет, а я, единственный его конфиденент, верю ему).

Событие, о котором я веду речь, произошло однажды летним вечером в последней четверти этого столетия. Я стал его свидетелем благодаря Родрикову тщеславию—а еще потому, что мы привыкли выпивать вместе в барах нашего города. Думаю, эти посиделки для Родрика—единственная форма социальной активности. Мне же они доставляют стимуляцию общением, которой в маленьком городке нелегко достичь. По ходу вечерней беседы наша дискуссия может затронуть физику элементарных частиц, органическую химию, металлургию,

магию, магнетизм, сенологию, космологию, сравнительное религиоведение, систематику, компьютерный дизайн и предложения по корректной классификации человеческих типов. Но дебаты эти всегда в известной степени односторонни, ведь Родрику я ни в какой области не ровня. Он неизменно превосходит меня, а я всегда выступаю учеником, которому читает лекцию мастер, наделенный памятью обо всех фактах и идеях, известных человеку.

С Родриком я знаком давно, почти пятнадцать лет. Наша жизнь прозаична: я счетовод, а он, в согласии со своей склонностью разбрасываться талантами, работает дизайнером на местном заводе телевизоров. Мы, как наверняка скажут, интеллектуальные дилетанты. Но если я и вправду любитель, то Родрика почти наверняка можно назвать профессионалом, страстным исследователем и, кроме того, гениальным изобретателем. Круг его интересов весьма обширен. К примеру, мне известно, что он не только стремится всесторонне разбираться во всех физических науках, но и детально изучил все мыслимые философские и мистические концепции. Заинтригованный свежими рентгеновскими снимками объекта, предположительно являющего собою черную дыру, он не преминет вставить перефразированную цитату из какого-нибудь загадочного текста по каббалистике. И наоборот, споря с утверждением какой-либо неведомой мне древней метафизической доктрины, он обратится к данным о микроволновом реликтовом излучении.

Однако мне кажется, что было бы неверно считать Родрика гением, при всем его интеллектуальном богатстве. Гений обычно наделен глубокими эмоциями, а в

этой области Родрик не просто отстаёт, но фактически является инвалидом, эмоциональным имбецилом. Я постепенно привык к его сухому надменному голосу, узкогубой торжествующей усмешке, быстро моргающим глазам—симптомам душевного склада, которые, вероятно, являются аспектом нашей эпохи. Ничто, привлекавшее его внимание, не выходит за рамки чисто интеллектуального упражнения; он, образно говоря, обожествляет способность интеллекта к решению задач, сообразительность, находчивость, умение превращать ранее невозможное в ныне возможное. Потребность в новом типе спасительной хирургической операции или интересная, но утомительная и чреватая фрустрацией задача покорения управляемого термоядерного синтеза, который обещает человечеству неистощимые источники энергии, никак не отличается в его глазах от задачи составить план идеального убийства или истребления нации.

Эта маниакальная заикленность на средствах в ущерб моральным целям, эта исключительно мелкая, хотя и выдающаяся во всем остальном, натура—вероятные причины крайне низкой результативности Родрика. Он предложил незначительные усовершенствования радиоинженерных схем, которые так и не обрели коммерческой реализации, и хотя на верхнем этаже дома у него превосходно оборудованная мастерская, его личные разработки по большей части слишком непрактичны. Лишь автоматы, которыми населил он свой дом, в какой-то мере полезны: они убирают пыль и наводят чистоту, передвигаясь по белым направляющим линиям на полу, поднимаясь по стенам и лестницам при

помощи системы рельсов, но крупные участки территории все равно остаются пыльными и замусоренными. И даже эти устройства слишком неуклюжи, сложны и дороги для вывода на рынок.

С некоторых пор Родрика увлекла лазерная техника. Тем вечером он первым делом поднял этот вопрос. Он упомянул “уникальную установку”, которую только что закончил сооружать, и заявил, что в ней применяются исключительно мощные лазеры, недавно приобретенные специально для этой цели. Когда я уточнил, что именно делает это устройство, он сменил тему и начал обсуждать противоречивые свойства электромагнитного излучения: постоянство его скорости в вакууме, не зависящей от скорости наблюдателя, повсеместную функцию переносчика энергии и так далее. Он пояснил, что лазерный свет, состоящий из когерентных колебаний, может, по его мнению, быть применен для дезинтеграции твердых тел “на атомы”, если настроить луч достаточно прецизионно.

Мы сидели в “Белом медведе”, тихом заведении с лампами в абажурах. Родрик внезапно прервал свои рассуждения и спросил, верю ли я в Бога.

Вопрос удивил меня.

— Насколько я об этом вообще задумывался,— ответил я,—нет.

— А я много размышлял об этом,—оживился Родрик,—и пришел к убеждению, что Бог существует. Вселенная является результатом акта творения. Другими словами, у нас есть создатель.

Меня крайне удивил такой поворот разговора. Мы оба всегда предпочитали материалистический взгляд на

вещи, и хотя Родрик, как уже сказано, знаком с мистическими доктринами, его интерес к ним всегда казался мне чисто энциклопедическим. Чтобы он всерьез отнесся к понятию Бога, не говоря уж про то, чтобы обратиться к определенной религии? Явное суеверие, проявление безрассудства, того, что Родрик прежде определял как “животную веру”. Я считал невозможным также, чтобы Родрик исполнился скромности, какую призвана взрастить вера в Бога, и меня слегка огорчила мысль, что и в его броне самоуверенности появилась брешь.

Следующие его слова, однако, разубедили меня в этом.

— И если Бог существует, вопрос в том, как с ним можно связаться, повлиять на него, принудить к чему-то, даже нанести травму.

— Никак,—ответил я.—Верующие в этом единодушны. Он недоступен и трансцендентен.

Родрик внимательно посмотрел на меня—с едва заметной тонкогубой усмешкой, которая значила, что он подталкивает меня к какому-то выводу.

— Это не так,—сказал он прямо.—Ты пересказываешь суеверные байки, вменяющие холопское коленопреклонение перед творцом. Дело в том, что еще ни разу в своих исследованиях не довелось мне столкнуться с фактом творения, мифическим или метафизическим, который бы обошелся без связи между творцом и его творением. Поскольку Вселенная физична, связь Бога с нею неминуемо должна иметь физический характер.

Он глотнул рома с колой, прежде чем продолжить.

— Видишь, к чему я веду? Господь наделен некими материальными свойствами. Не то чтобы он был веществен в том же смысле, что и мы—хотя одна секта, называемая мормонами, учит, что это так и есть,—нет, но он должен обладать некими материальными характеристиками. Субстанциальность его лишена продолжения, или, возможно, он обходится вовсе без субстанциальности, но какие-то свойства иметь обязан, иначе бы не сумел придать физической Вселенной импульс творения.—Родрик нацелил в меня палец.—Как тебе известно, чисто одностороннее физическое взаимодействие невозможно. Если он сумел сотворить нас, должен иметься способ нанести ответный удар. Возможно, даже убить Бога.

Я фыркнул.

— Ну и чушь!

Вместо ответа Родрик изобразил, как это за ним водится, один из немало раздражающих меня театральных жестов. Он резко поднялся, не сказав ни слова, и устремился к двери, подначивая меня пуститься за ним в погоню. Я настиг его уже в нескольких ярдах дальше по улице и спросил не без недовольства, куда мы идем.

— Убивать Бога,—откликнулся он с мрачным упрямством.

Он не замедлил шага, а я, хоть и слабоват физически, не отстал.

В моей памяти запечатлены некоторые обстоятельства того вечера. Тепло вечерних сумерек, остаточное свечение долгого заката, темная глыба кирпично-деревянного дома Родрика, узкое лицо Родрика, подобное волчьей морде в свете кандильных ламп на лестни-

це верхнего этажа. Один из роботов-уборщиков Родрика свалился с направляющих рельс и лежал сломанный на плитках пола; собраты игнорировали его, продолжая с озабоченным мурлыканьем ползать по своим делам. На ходу Родрик объяснял:

— Понимаешь ли, наше пространство-время должно во всех своих точках контактировать с креативным принципом. Принципом, который в свою очередь должен являться прямой эманацией божества. Выяснив, что это за принцип, можно научиться контролировать его, а значит, обзавестись оружием против Бога, оружием, которое наводится на него безошибочно из любой точки в пределах творения.

— Ты это серьезно?

— Совершенно серьезно.

Либо Родрик шутит, либо у него крыша поехала, решил я. Но спросил:

— Если мы уничтожим Бога, разве не исчезнет Вселенная?

— Вот ты и попался, пантеист!—сухо провозгласил Родрик.—Ты выдал свою приверженность ведическому принципу: Вселенная-де есть аспект Брахмана, или Бога, и неотличима от него. Я же уверен, что более грубая христианская картина ближе к истине. Вселенная существует отдельно от Бога, созданная актом его воли, а значит, наделена способностью к независимому бытию.—Он махнул рукой.—Точно так же, как эти здания пережили своих строителей.

Мы достигли лаборатории Родрика, он включил свет, и я стал оглядываться. На главном рабочем столе смонтирована сложная конструкция. Несколько лазе-

ров—вероятно, об их-то покупке и говорил Родрик—были установлены в явно выверенной конфигурации. Подобно плодам странного дерева, повсюду виднелись зеркала, линзы и призмы.

За окнами простиралась, как почудилось мне, бескрайняя зловещая бездна. Меня поразило, какая гнетущая атмосфера царит в мастерской—между деревянных стропил виднелись комки пыли и грязи, домашних роботов Родрик сюда не допускал. Помещение скорее напоминало лабораторию средневекового алхимика, нежели человека науки двадцатого века. Аппаратура, конечно, была современная, но тусклые лампы создавали бесчисленные темные уголки, и я подумал, что Родрику стоило бы потрудиться над здешним освещением.

— Ну хорошо,—сказал я,—представим на миг, что ты прав, что имеется физический принцип, позволяющий добраться до Бога, позволяющий ему существовать, и как же нам определить этот принцип?

— Как оказалось, это чрезвычайно просто,—ответил Родрик равнодушным голосом.—Информация была доступна уже три тысячи лет. *И сказал Бог: да будет свет; и стал свет.* Книга Бытие, стих третий. Удивительное авторское прозрение, если можно так выразиться.

Родрик стал обходить установку, изучая размещение лазеров со всех сторон и выверяя конфигурацию элементов своего детища цифровым микрометром. Он не прекращал монотонного приглушенного монолога.

— Если задуматься, это же очевидно... Инструмент, которым Бог сотворил твердое вещество, которым раз-

вернул пространство и время? Это свет. Вот почему свет наделен столь примечательными свойствами: его скорость постоянна для всех наблюдателей, в противоречии с ожиданиями Майкельсона и Морли. Вот почему свет является всесторонним переносчиком энергии. Но обычный свет, бесцельно снующий через пространство, нам не нужен. Нам требуется свет, способный инвертировать направление распространения, свет, который можно сделать настолько интенсивным, чтобы он, образно говоря, пересек с этой стороны порог творения... Здесь уместно вспомнить один весьма интересный факт: хотя скорость света постоянна для всех наблюдателей, она не является постоянной для всех *сред*! В вещественном окружении свет замедляется. К примеру, в алмазе скорость света равна лишь семидесяти семи тысячам миль в час—это от силы $2/5$ скорости света в вакууме. Какой скоростью, спросил я себя, будет обладать свет в веществе, состоящем *полностью из света* же? Правильный ответ: никакой! У него не останется никакой меры скорости, кроме самого себя.—Он включил осциллоскоп.—На следующем этапе необходимо создать эту особую среду: окружение из чистого света. Я рассудил, что это должно оказаться возможным при помощи самоотраженного рисунка когерентного света, который усиливает себя до бесконечности, пробивая барьер пространства-времени. Должен признаться, я кое в чем опирался на мистические диаграммы каббалистов, которые, к слову, описывали мироздание произрастающим из чистого света—“беспредельного света”. Эннеаграмма, старый суфийский символ, оказалась еще полезнее: она обладает кибернетическими свойст-

вами, отсутствующими в Каббале. Одним словом, задача решена. В моем распоряжении свет, который можно обратить вспять к его первоисточнику—весьма особый, сверхплотный свет. Тебе это кажется бессмыслицей? Для нас свет—самая легкая из сред, но Господу он должен представляться прочным и твердым. В конце концов, это же с его помощью он сотворил все остальное. Кстати, естественный свет мы мним непрочным лишь потому, что он постоянно рассеивается. Знаешь, существуют лазеры, способные генерировать световое давление вплоть до двух с половиной миллионов атмосфер! Эдакая лучевая пушка.

Покончив с приготовлениями и полубезумной лекцией, Родрик выпрямился и окинул меня торжествующим взглядом.

— Я рассчитал, что это устройство произведет луч света, который поразит Бога, словно стальная палица. У нас тоже лучевая пушка, Гарри. Пушка предельной мощности!

Я полагал, что лишь подыгрываю Родрику в его фантазиях, и спросил:

— Но зачем так поступать?

Губы Родрика дернулись.

— Потому что этого еще никогда не делали, гм? Ладно, шутка неудачная. Вероятно, затем, чтобы положить конец непомерному заискиванию людей перед Богом. Вселенная должна существовать сама по себе, независимо. Будет приятно знать, что она наконец освободилась от воли отцовской фигуры. Как видишь, я по натуре ярый атеист.

Эти слова Родрик произносил иронично. Однако, к моему удивлению, тон его вдруг переменялся, стал издевательским.

— Что ж, я тебе объясню, зачем,—быстро проговорил он.—Затем, что Бог—отнюдь не источник всего доброго в этом мире, если хочешь знать мое мнение. Жизнь—бесцельная затея, полная боли, фрустраций, разочарований и унижений. Каковы шансы любого из нас чего-нибудь добиться? Ты только оглянись кругом—дети от рака умирают... все наперекосяк... Я тебе вот что скажу: Великий Часовщик собрал этот мир не лучше, чем часики с Микки-Маусом! Поработал спустя рукава! Я тебе так скажу, Он получит по заслугам!

Эта совершенно неожиданная вспышка стала для меня первым намеком, что Родрик так печалится о моральных аспектах бытия, и вообще на то, что он способен испытывать подобные эмоции. Он сунул мне защитные очки и велел надеть. Я подчинился, он включил установку, и вспыхнули лазеры.

Даже через затемненные стекла картина, проецируемая ими, была ослепительна. Лабиринт света становился все ярче и ярче, лучи выписывали бесконечно повторяющиеся траектории. Сияние словно расширялось, медленно окутывало зеркала и призмы, которые преломляли и отражали свет. На некоторое время все размылось, словно снимок далекого звездного скопления. Потом вроде бы обрело более четкие очертания, уплотнилось и запылало так ярко, что я не выдержал и отвернулся.

Когда я снова взглянул на установку, она бездействовала. Родрик потом объяснил, что предохранитель перегорел. Но в тот момент просто стянул с носа очки и проговорил равнодушным хриплым голосом:

— Все кончено. Бог мертв.

Я рассмеялся, но без энтузиазма.

— Нет, Родрик, ну какая чушь... — сказал я, снимая свои очки. Потом увидел его глаза—безжизненные, лишённые выражения—и понял, что совершил ошибку.

Я не только в Родрике замечая эту перемену. Я ее вижу во всем и всех, включая самого себя. Разговоры стали механическими и повторяются, стоит заглянуть людям в глаза, и понимаешь, что они мертвы внутри. Жизнь, разумеется, идет своим чередом: шестеренки Вселенной продолжают крутиться. Но дни и ночи безлики и утомительно скучны. Восходы и закаты, фазы Луны и времена года—все они лишились былого величия, пронизывавшего их.

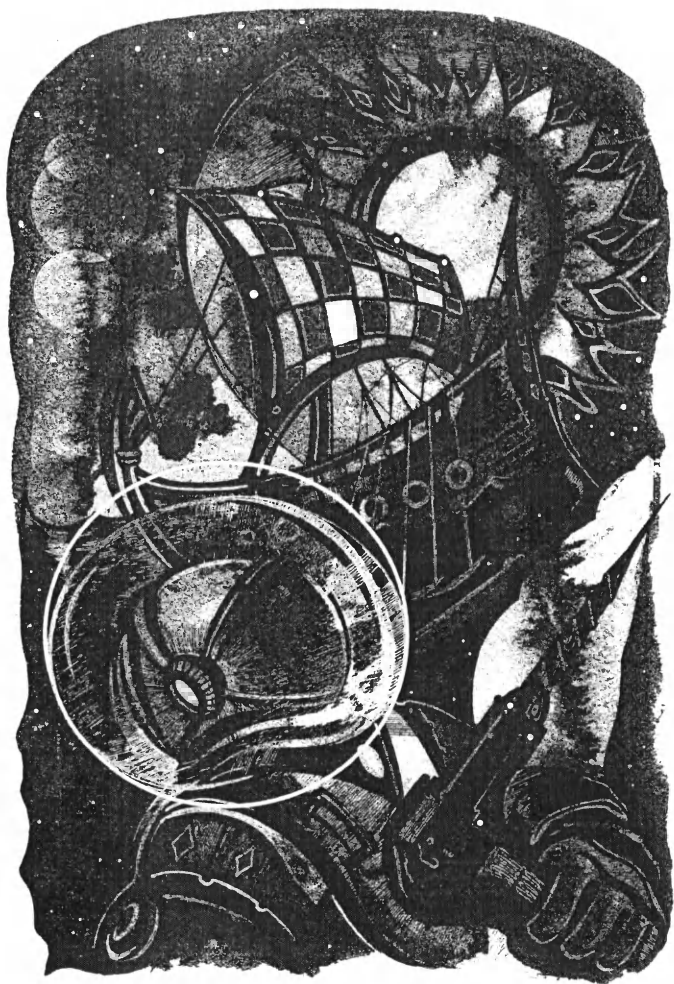
Что же, собственно, предоставлял Господь, пока был жив? Красоту, смысл и тайну, наполнявшие тогда физический мир. Вероятно, это и имели в виду теологи, рассуждая о непрерывности творения. Но теперь всё ушло. Красоты и внутренней жизни больше нет. Даже оттенки поскуцнели и выцвели.

Итак, могу вам доложить, что сатанинское восстание победило июльским вечером в английском городке, а Бог—как выяснилось, не вполне всемогущий,—умер. Я ни от кого не требую проверять это самостоятельно, ведь для многих событие, без сомнения, прошло незамеченным. Что касается Родрика, то я начинаю уставать от его затертых речей, мертвых рыбьих глаз, на-

растающих приступов летаргии. Мы все еще встречаемся поболтать, но он повторяется так, как раньше ни за что не позволил бы себе. Часто сидит и повторяет, как попугай:

— Бог мертв. Бог мертв. Мы одни.

Давно уже я не слышал от него ничего оригинального.

Корабль, плавающий в океане космоса

Рим относился к тем людям, которые сунули бы голову в самый ад для того только, чтобы посмотреть, что там такого.

Он крепко сложен, росту не очень высокого, но теперь, когда посмотришь на него, эти физические черты попросту не считаются. Остается образ коренастого неряхи и пьяницы, непрерывно почесывающегося, так как мы давно уже перестали умываться и стирать одежду.

Нужно признаться, что устроились мы с Римом неплохо. Сидим себе в космическом корабле где-то за Нептуном, наша задача — исследовать распространение частиц с высокой энергией, ну и всё такое. Или вернее — это задачи Рима, потому что я в физике ничего не смыслю. Моё дело составлять ему компанию, чтобы он не чувствовал себя одиноким.

Может быть, это и смешно, но мы с Римом старые приятели; говоря откровенно, мне на Земле с работой никогда не везло, и когда Рим предложил мне такую сладкую жизнь, я охотно сменил на нее все свои постоянные скитания.

Рим — один из самых выдающихся физиков в нашей системе и мог бы вести гораздо более важные исследования, но его теперешняя работа была единственной, какую ему предложили с тех пор, как он поколотил директора Центра субъядерных исследований при Лондонском университете. Однако ему и мне эта работа нравится.

В сущности, здесь премило. Для ада, правда, холодновато, но в халатах тепло и уютно. Время от времени Рим опускается до того, чтобы посвятить 2-3 часа отслеживанию своих частиц, или как их там, но чаще всего мы с ним слоняемся, выпиваем и ссоримся, доходит порою и до драки. Обычно побеждает Рим, но — клянусь! — прежде чем он покончит со мной, я еще покажу ему, где раки зимуют. Запасы всего у нас огромные, хватит на целый год, а когда они кончатся, мы возвращаемся на Землю, грузимся — и опять в космос!

Когда мы прошлый раз были на Земле, Рим получил взбучку за плохо составленные отчеты, но я в последнее время не замечал, чтобы он вообще что-нибудь делал.

Да и трудно сердиться на него за это. Подобные занятия должны быть чертовски скучными для Рима, способного на гораздо большее.

Иногда, наскучив сидением внутри, мы надеваем скафандры и выходим наружу. Усаживаемся поудобнее, потягиваем пиво сквозь затворы скафандров и любуемся зрелищем Вселенной. Космос — великолепное зрелище, особенно тут, где Солнце выглядит лишь очень яркой звездой. Кругом совершенная тьма, но без

тумана, так что видимость очень хорошая, только видеть поблизости нечего. Холод и пустота.

Но нам с Римом это не мешает. Обоим нам общество людей надоело, а я, кроме того, слышал, что на земле в последнее время начали поговаривать о «сухом» законе.

* * *

Именно так мы и сидели однажды снаружи, когда я заметил вдруг, что вижу что-то.

Я показал это Риму. Что-то маленькое, черное, слишком маленькое и отдаленное, чтобы иметь форму, во всяком случае, оно закрывало звезды и отражало свет.

— Знаешь что, недоверчиво произнес Рим, — это может быть астероид.

Эта мысль мне понравилась. До сих пор не встречали ни одного астероида, но на складе у нас была кое-какая взрывчатка — на всякий случай. Рим любит пиротехнику.

Мы протиснулись обратно в шлюз, сняли шлемы и вошли в кабину управления. Не прошло и минуты, как Рим поймал объект на экраны и провел измерения.

— Скорость 30 миль в час, — сказал он и включил маневровые дюзы. — Пойдем разглядим его.

— Тридцать мил в час? Не очень же большая скорость, верно?

— Относительно нас. — Несмотря на всклокоченные волосы и на бороду, заполнявшую у него все лицо, я различил морщинку у него на лбу. — Похоже, он летит по той же орбите, что и мы.

— Тогда откуда у него эта тридцатимильная разница в скорости? Он должен и двигаться с той же скоростью, что и мы.

Рим не ответил: он держал у рта бутылку. Но когда мы приблизились к астероиду, он начал нетерпеливо постукивать по массометру, потом ударил его, что есть силы.

— Эй, в чем дело? — крикнул я.

— Массометр не действует, — буркнул он.

— Как не действует? Должен действовать!

— Не валяй дурака, у этой штуки должна быть масса. Все равно мы подошло к нему так близко, что можем выйти наружу и посмотреть своими глазами.

И тогда оказалось, что это совсем не астероид.

* * *

Странный предмет мог иметь в длину с полмили, а в ширину — примерно всемер меньше, и он был покрыт продольными, находящими друг на друга послками какого-то темного материала. Если бы я сказал, что это выглядело сногшибательно, получилось бы чересчур мягко.

Одно верно: я не мог определить его форму, кроме того, что он несомненно был более длинным, чем широким. Всякий раз, когда я пытался сосредоточить на нем внимание, чтобы оценить его визуально, он словно ускользал от меня, не двигаясь с места. Мне почему-то казалось, что он скользок, как рыба.

И еще одна странность. В космическом пространстве нет понятия о «верхе» и «ниже», есть только «здесь» и

«там». Но всё-таки — черт побери! — всякий раз, когда я на него взглядывал, мне казалось, что я смотрю вверх. И мне все время хотелось взобраться на него, чтобы посмотреть, что там наверху. В сущности, этого хотелось нам обоим. Мы включили двигатели на скафандрах и обошли объект вокруг, пытаясь понять, в чем тут дело. Но все было напрасно: из любой точки он выглядел одинаково, а у меня каждый раз возникало все то же идиотское ощущение, что будто мы смотрим на него снизу, а наверху есть что-то интересное, стоящее нашего внимания.

В конце концов, мы решили высадиться прямо на этом объекте. Я включил шлемофон и услышал, как Рим почесывается внутри своего скафандра.

— Ну так вот, этот объект не имеет естественного происхождения, — решил он. — Это дело человеческих рук.

— Ох, батюшки! — хихикнул я. — Никогда бы мне не догадаться, если бы ты не сказал.

— Заткнись! — Он отошел немного, ворча себе под нос, и, наклонившись, начал исследовать странный объект. Вскоре я услышал его голос, но на этот раз отчетливый и дружелюбный: Рим нашел что-то интересное.

— Какой-то чудной материал, — сказал он. — Нельзя получить никакого звука.

— А какой звук ты ожидаешь услышать в космическом вакууме?

— То есть я не вижу, чтобы от удара кулаком в нем возникали колебания. Не чувствую даже никакого сопротивления своей руке, хотя она и задерживается, как

и должна. И знаешь что? Наш массометр все-таки действовал!

— Вот еще важность! — иронически фыркнул я.

Рим выпрямился и приблизился ко мне.

— Пиво у меня кончилось. У тебя не осталось случайно?

Я молча протянул ему банку и тотчас же услышал противоестественное бульканье, когда он всасывал пиво сквозь штуцер в шлеме.

Горло у него, очевидно, пересохло от волнения. Он опорожнил банку за 40 секунд, отшвырнул ее в пространство, замигал и начал мутными глазами изучать свое открытие.

— Это корабль, — произнес он наконец. — Ничего другого быть не может. А если корабль, то он должен быть пустотелым. Хотелось бы мне заглянуть к нему внутрь.

— Лучше будет, если ты только просветишь его какими-нибудь лучами.

— Ах! — Рим как-то осел внутри скафандра: в отсутствие тяготения это было равносильно тому, чтобы броситься в кресло. У него иногда бывают минуты хандры, и я видел, что сейчас как раз наступила такая минута.

— Подожди тут! — приказал он потом. Я иду за сумкой с инструментами.

Он чуть не сбросил меня в космос своей реактивной струей, — с такой скоростью кинулся к нашему кораблю. Я мысленно увидел, как он там мечется, проклинает и переворачивает все вверх дном. Он уже с полгода не был в лаборатории и, конечно, забыл, где у него что.

И все же через каких-нибудь 20 минут он примчался обратно с полной сумкой и с запасной батареей, подвешенной на шею.

— Эгей! Вот и я! — взвизгнул он, мгновенно преодолевая десятиметровое расстояние между нашим и чужим кораблем. Не успел я встретить его на месте посадки, как он уже закрепился на корпусе и начал монтировать электродрель.

— Что ты хочешь сделать? — спросил я.

— Просверлить дырку.

— С ума ты сошел... — начал я, потом понизил голос: — Послушай, если бы эти люди хотели к нам выйти, они бы давно уже вышли. Нужно иметь хоть чуточку такта. И потом, нельзя же так просто сверлить дырки в чужом корабле! Ты у них весь воздух выпустишь.

— Ничего с ними не случится, — ответил он небрежно. — Если они настолько умны, чтобы совершать космические перелеты, то уж, конечно, справятся и с маленькой дырочкой. Впрочем, я и сверлю только, чтобы посмотреть, из чего сделан этот корабль.

С этими словами он включил ток и, наклонившись, над дрелью, приставил ее к корпусу.

С минуту я смотрел, как кончик сверла входит в вещество, похожее на древесину, но вскоре у меня возникло какое-то странное чувство, и я нашел, что не могу больше смотреть.

Я обошел корабль, удивляясь его странной форме. Сам не зная почему, я всматривался, ища киль, которого, разумеется, не было. Меня все не покидало странное ощущение, будто этот корабль плывет на ровном киле.

Плывет? Ну да. Это я так подумал. Можно ведь сказать, что он плывет в космическом пространстве.

Я как раз хотел вернуться к Риму, чтобы посмотреть, как у него получается, когда заметил какое-то движение. Из поверхности корпуса выползло что-то острое, блестящее...

— Рим! — изумленно крикнул я. — Сверло прошло насквозь!

— Далеко ты?

— Ярдов 50.

Рим недоверчиво проворчал что-то и примчался ко мне. При виде металлического кончика глаза у него чуть не вылезли из орбит.

— В этом сверле нет и 8 дюймов... Как оно могло пройти 50 ярдов? Иди посмотри... нет, погоди!

Он дал газу и мгновенно очутился по другую сторону.

— Вынимаю сверло! — крикнул он. Двигается конец?

— Д-да, — пролепетал я, глядя как кончик сверла то появляется, то прячется. — Ты сделал две дырки, а не одну!

— Невозможно! Ну-ка, возьми за его конец и пошевели, мы должны убедиться...

Поколебавшись, я крепко ухватился за сверло и начал двигать туда-сюда, ощущая при этом сопротивление, причиной которого мог быть только Рим. Вдруг он крикнул мне прямо в ухо:

— Рукоятка! Шевелится у меня в руках!

— Мне страшно! — Это выражали и слова мои и голос.

— Так иди ко мне, а то мне тоже страшно.

Я был поражен тем, что Рим чего-то испугался, но это только придало мне крылья. Однако, когда я к нему приблизился, он уже успел взять себя в руки, хотя и продолжал судорожно сжимать дрель, над которой склонился.

— Знаешь, о чем я думаю? — шепнул он, глядя на меня большими глазами. Что там, внутри, **никакого пространства нет!**

— Ты что, думаешь — он внутри сплошной?

— Совсем нет! — Он раздраженно потряс головой. — Послушай, ты помнишь, на сколько сверло торчало с другой стороны?

— Дюйма на 4.

— А ты знаешь, на какую глубину я его ввёл? На 4 дюйма! Кончик входит здесь, а выходит тотчас же на 50 ярдов дальше! Между бортами корабля нет никакого расстояния. А если нет расстояния, то нет и пространства. **Внутри этого корабля пространства нет!**

Настало долгое молчание.

— Вернемся-ка лучше, — неуверенно предложил я.

Рим заворчал себе под нос, покачивая головой, но извлек сверло и выключил ток.

И тут сверло вдруг начало изгибаться и колыхаться, как язык пламени, а не как твердое тело.

Но это еще не все. Римова рука, державшая инструмент, тоже начала изгибаться и трепетать, поплыла, как струйка дыма на ветру. При виде этих неправдоподобных деформаций собственной конечности Рим дико завизжал.

Потом соль же невероятным образом затрепетал с этой стороны и его скафандр. Похоже было, что Рима вдруг начало втягивать в просверленное им отверстие.

— Рим, беги! — крикнул я, слишком ошеломленный, чтобы помочь ему.

Он глядел, словно не веря своим глазам, на то, как вытягивается и волнуется его тело, потом включил свой двигатель, и не успел я ничего понять, как мы уже мчались без оглядки к нашему кораблю. Ничего не видя, я ввалился внутрь, и тут же оказалось, что Рим уже поджидает меня.

— Рим, — прошептал я, задыхаясь. — Ну и поспешил же ты! С тобой ничего не случилось?

— А что могло случиться? — раздраженно отозвался он. — Конечно, ничего. Деформировался ведь не я сам, а пространство, занятое мною.

Я присмотрелся к нему внимательнее, но не нашел никаких отклонений. Это был все тот же коренастый и неприятный пьяница Рим.

Он зубами сорвал колпачок с бутылки и начал жадно глотать пиво, стекавшее у него по подбородку на грудь. Я тоже взял себе пива. Оно было такое чудесное, что я охотно выкупался бы в нем, но в программе этого не было.

— Ты понимаешь, что произошло? — спросил он между двумя глотками, устраиваясь на койке. — В эту дыру вливалось пространство, а внутри там никакого пространства не было. Теперь мы знаем, по крайней мере, пространство ведет себя, как жидкость.

— А я думал — пространство это только система, — отозвался я сквозь такое же, как у него, бульканье.

— У пространства есть определенная структура, — серьезно возразил он. — Есть направления: восток, запад, север, юг, зенит. Есть также расстояния... Боже мой! — Его налитые пивом глаза вдруг загорелись возбуждением, он вскочил и включил все экраны внешнего обзора. — Смотри! Вот космос, все его звезды находятся в пространстве. Все! Кроме... Тут голос у него перешел в бормотанье, он выпустил бутылку из рук и начал на шаривать новую в громоздившихся вокруг ящиках. Потом опять опустился на койку и, помрачнев, задумался.

— Одного только я не понимаю, — снова начал он. — Почему эта штука похожа на греческую трирему?

Я был счастлив, что снова очутился в нашей уютной кабине. Освещение у нас всегда соответствует настроению. И если не считать преюющих объедков и вони, то здесь и вправду очень хорошо. Охотнее всего я позабыл бы о встрече с этим инородным телом: оно только нарушило наш покой.

— Не тревожься об этом, — успокоительно сказал я. — День у нас был трудным. Давай выпьем.

Но Рим не успокаивался, и мы продолжали пить в угрюмом молчании. В этом полете у нас уже не раз бывали такие пьяные приступы, особенно когда нас охватывали воспоминания о неудачах на Земле, но никогда еще я не видел, чтоб Рим накачивался с таким отчаянием.

Часа через два ему удалось, пыхтя, занять сидячее положение.

— Неужели ты не понимаешь... — заговорил он хрипло, с трудом подбирая слова. — Неужели не понима-

ешь, в чем фокус с этим кораблем? Он ведь плывет по пространству, как лодка по воде. Он, по сути, находится вне пространства вне измерений. Но он держится на них, и мы видим ту часть, которая лежит ниже его ватерлинии... то есть которая погружена в наше пространство!

— Но у него же нет никакой тяжести, — довольно несвязно возразил я. Оба мы набрались уже порядочно.

— Тяжесть есть, но в их смысле, а не в нашем, идиот!

Ох, а если наше пространство для них — вода, то что для них воздух? А мы... ты знаешь, кто для них мы? Рыбы в море. Рыбы, которые никогда не смогут выбраться на поверхность.

Он ощупью приблизился ко мне и дотронулся до моего плеча.

— Слушай, что я тебе скажу: у нас никогда больше не будет такого случая...

— Какого случая?

— Чтобы посмотреть, каково это там, где нет пространства. Я войду в этот корабль.

— Но это ведь невозможно!

— Почему невозможно? Ты мне будешь указывать, что я могу, а чего не могу сделать. Мне, Риму, Риму Великому? Не будь меня, тебя бы здесь и вовсе не было. Ты бы и сейчас валялся по канавам на Земле.

Даже охмелев, я понял, что Рим достиг стадии раздражения, за которой следовала стадия разнеженности над собой. Я никогда и ничем не мог помешать этому, а тут, по крайней мере, появилось какое-то разнообразие. Во всяком случае, по сравнению с другими шальными мыслями, какие в этом состоянии могли прийти ему в

голову, эта мысль была оригинальной и в ней было что-то рискованное.

— Подумай! — Мне все-таки хотелось отговорить его. — Каким чудом ты собираешься проникнуть туда? Там ведь нет никаких отверстий. Если бы ты больше времени посвящал лаборатории...

— Вот именно, лаборатории! — Из глаз Рима брызнули крупные бурые слезы. — Мне преградили путь ко всякой более серьезной научной работе! Сослали меня сюда, где я, по их мнению, ничего не могу сделать.

— Героев редко ценят по достоинству, — попытался я его утешить.

— Вот увидишь. Рим еще сделает открытие, которому все будут дивиться! Рим исследует сущность пространства. Ты увидишь...

— Но, старик, туда действительно невозможно попасть!

— «Невозможно»! Хватит и нескольких унций взрывчатки. Важнее всего забраться туда раньше, чем вольется это чертово пространство. И я буду смотреть, смотреть...

Голос у него снова перешел в бормотанье. Я вскочил на ноги. Рим был опасно пьян.

— Ну ладно, а что будет с людьми, которые там есть?

* * *

Он кинул на меня злобный взгляд, какого я до сих пор у него не видел. Только теперь я понял, до какой степени он ненавидит общество за то, что оно с ним так обошлось, хотя он сам был виноват в этом. Теперь он

решил отыгаться на моральном кодексе этого общества.

— С людьми? — рявкнул он. — Глоток пространства им не повредит. Это ради науки!

Я покачал головой со всей решительностью, на какую был способен.

— Ты никуда не пойдешь!

— А ты будешь указывать Риму, что и как? — Он пьяно качнул головой, и его кулак стукнул меня по плечу. Я пошатнулся. Сквозь боль, сквозь молнии, пронизавшие мне мозг, я пытался определить ситуацию, пока не свалился, зацепившись за стул. Рим надвигался на меня. Я повернулся на бок, чтобы избежать очередного удара и одновременно чтобы найти какое-нибудь оружие для обороны. Бутылка! Под руку мне попала пустая бутылка. Поднимаясь с пола, я схватил ее.

Рим, пригнувшись, тоже нацелился на меня бутылкой.

— Ага, вот до чего дошло! — прорычал он и ударил своей бутылкой о край стола. Этого еще не бывало.

— Рим! — закричал я в ужасе. — Мы ведь были друзьями с детства!

Пятясь, я отступил к стенке, и бутылка выпала у меня из рук. Рим приближался, свирепо выставляя вперед зазубренное стекло, словно примериваясь ударить меня, но в последний момент отшвырнул бутылку и впечатал челюсть одним из лучших своих ударов.

И тогда я на некоторое время покинул кабину и унесся в блаженные пространства обморока.

Когда я очнулся, Рима не было. Не знаю, сколько времени я отсутствовал, 5 минут или 10.

Я чувствовал себя слишком скверно, чтобы идти за ним. Я встал со стоном, погоревал над собой и снова улегся, на этот раз на койку. Голова у меня разламывалась, и не только от пива.

Впервые в жизни я ощутил угрызения совести. Почему — не знаю. Их должен был бы ощущать Рим, а не я. И все же я потащился к зеркалу и долго стоял перед ним, недоверчиво вглядываясь в свое отражение.

— Ты выглядишь кошмарно, — бросил я отчаянное обвинение по собственному адресу. — так же кошмарно, как и ты.

С минуту еще я утешал себя мыслью что это, может быть, не совсем верно, потом мне захотелось узнать, что с ним. Я включил главный экран, и на нем появился чужой корабль. Увеличив изображение в несколько раз, я увидел своего приятеля: он возился с чем-то в нижней части кормы. И вдруг я увидел, как он поспешно отступает, и тотчас вслед за этим мощный взрыв пробил в корпусе корабля большую брешь.

* * *

Рим немедленно нырнул туда, но в короткие секунды, пока он не исчез из виду, я успел заметить, как он скручивается и извивается, словно струя в сильном течении. Но очень скоро я потерял к нему интерес, и меня целиком захватило то, что творилось с кораблем.

Когда пространство вторглось к нему внутрь, он начал тонуть. Это значит — он становился все больше, отчетливее, величавее. По мере погружения выяснилась и загадка его формы, пока, наконец, он не пред-

стал перед нами, рыбами, во всем своем великолепии: с килем, который у него действительно был, с изогнутой линией носа, с бортами и кормой.

Я заметил даже рулевое колесо.

Корабль медленно появлялся в нашем звездном космосе, колышимый космическими течениями. Наконец, когда он затонул полностью, я увидел все подробности: открытую палубу, мертвую команду, большой квадрат паруса, а в заключение — знатную чету, плывшую на этом корабле: юноша с лицом поэта, с золотой цепью на шее, с коротки кинжалом — символом власти — у пояса, и красавица в легком одеянии, с замысловатой прической, крепко обнимали друг друга. Смерть придавала их чертам выражение мира и спокойствия. Правда, ростом они были метров по 10...

* * *

Минуты через 2 корабль начал распадаться. При виде маленькой фигурки, продирающейся среди обломков, я включил радиотелефон. Послышалось хриплое дыхание Рима. Все шло по программе. Он включил свои двигатели и мгновенно перелетел расстояние, отделявшее его от молодой четы. На фоне этих прекрасных тел он казался уродливым карликом.

* * *

Вскоре эти погруженные в пространство тела тоже начали распадаться, таять, превращаться в крутящиеся пылинки, в короткие молнии и спирали. И вот, наконец,

весь корабль, пропитавшись водой, то есть пространством, рассыпался на мельчайшие частицы, погружающиеся в небытие.

— Боже мой! — простонал дрожащим голосом Рим.
— Я убийца!

Еще через 20 минут на экране была лишь черная пустота. Рим вернулся на наш корабль и недовольно проворчал, что так и не узнал ничего о том, как бывает там, где нет пространства.

* * *

Весь научный отчет Рима за этот год гласил: «Намкнулись на парусный корабль. Потопили его». Я надеюсь, что нас не уволят за это: не знаю, попадется ли нам когда-нибудь другое такое место. Во всяком случае, пива нам хватит еще месяца на 3, а там — посмотрим.

Боюсь, впрочем, что его нам хватит только на 2 месяца, а то и на один.

На следующий день после приключения Рим сказал мне, усмехаясь?

— Знаешь, я как-то не могу представить себе таких существ, для которых наше пространство — тяжелая жидкость. Хотел бы я увидеть их самолет!

— Вот именно, — подтвердил я. — А мне хотелось бы узнать, что будет, когда они изобретут подводные лодки.

Подземные путешественники

Настало время подземного корабля «Прорыв». Он совсем недавно сошел со стапелей. Половина палуб оставались пусты: предстояло оборудовать каюты для экипажа. Однако запасов хватало, команда насчитывала двести человек, и технически мы были полностью оснащены, включая вооружение. Два склада, на носу и на корме, были до отказа заполнены торпедами, а вся масса корабля уютно располагалась в объятиях поляризационных полей, благодаря которым наше новое судно и могло путешествовать в твердой среде. Строительство подземных кораблей началось совсем недавно, «Прорыв» был пятым. Его сделали большим и мощным, потому что это был военный корабль. Наша нация пока ни с кем не воевала, но враги имелись. Возможность передвигаться под землей давала серьезное преимущество, и убедиться в этом следовало немедленно.

Итак, капитан Джоул и я, Росс, заместитель по технической части, вели судно через весь американский континент, с востока на запад, на глубине десяти миль. Мы прошли под горными цепями, под пустынями и озерами, миновали разнообразные виды геологических фор-

маций. Мы провели испытания на скорость, управляемость (сложный процесс, в котором задействованы атомные поляризаторы), проконтролировали глубину погружения. Оборудование не подвело ни разу. Поляризационные поля надежно сохраняли балансировку, даже когда мы резко развернули корабль сначала налево, затем направо. Это был успех: первый, полностью отвечающий всем требованиям, подземный корабль.

* * *

Мы пребывали в эйфории. Близилось Западное побережье, и ничто не предвещало беды, которая сделает нас пленниками планеты.

Капитан Джоул отдал приказ подниматься наверх в заранее намеченном месте. Сохраняя ровное положение корпуса, корабль последовал команде.

На глубине в семь миль металлическая обшивка судна загудела, постепенно перерастая в пронзительный, наводящий панику вой. Одновременно секция поляризаторов выдала сигнал тревоги, и на экране коммуникатора возникло бледное лицо главного инженера.

— Капитан! Внешняя сила разрушает поле! Мы не можем удержать его!

— Вниз! — приказал капитан.

Мы стали погружаться, и тревожный звук тут же исчез. Когда погружение прекратилось, Джоул спросил главного инженера:

— Что это была за сила?

— Магнитное поле, очень мощное. Все атомы металлов на корабле начали вибрировать, ломая структуру, созданную поляризаторами, — отсюда этот ужасный шум. Еще полминуты, и корабль был бы располяризован.

— Вам известна мощность этого поля? — озадаченно спросил Джоул.

Инженер пожал плечами:

— Все приборы зашкалило. Я и предположить не мог, что мы способны столкнуться с полями такой интенсивности на глубине всего лишь семь миль.

Джоул помолчал.

— Секция оружия! Выстрелить торпедой прямо вверх. Предохранители с взрывателей не снимать.

* * *

Спустя несколько секунд «Прорыв» впервые использовал свое вооружение. Торпеда пошла вверх, оставаясь под контролем детекторов поляризационного поля. Вскоре после того, как снаряд прошел уровень глубины в пять миль, он исчез с экрана, а мы получили серию мощных толчков.

Поляризаторы торпеды вышли из строя.

И все-таки Джоула это не остановило. Он снова отдал приказ на подъем. Мы осторожно приблизились к опасному уровню, и опять пронзительный звук вибрирующих атомов заполнил корабль. Инженеры из секции поляризации заявили протест, и мы вновь опустились на безопасную глубину.

От нашей самоуверенности не осталось и следа. Возвращаясь по старому маршруту, мы несколько раз делали попытки подняться, но с прежним результатом. Две недели мы рыскали по всему континенту, периодически пытаясь то там, то здесь выйти на поверхность. Однако неведомое явление природы, словно громадное одеяло, простиралось над нами.

Лично я сомневался, что у этого явления была собственно магнитная основа. Скорее всего, магнитный эффект был вызван каким-то непонятным потоком частиц, возникающим каждый раз, когда мы пытались выбраться из-под земли. Когда я поделился своими мыслями с капитаном, тот помрачнел.

— Тогда, — заметил он, — это явление может иметь искусственный характер. Ничего не скажешь, очень эффективное оружие против подземного корабля.

В любом случае мы оказались в плену каких-то неведомых сил.

Настроение на «Прорыве» резко изменилось. Радостное возбуждение первых дней быстро улетучилось. Я впервые заметил, как много на корабле свободного пространства, как отдается эхом в его помещениях каждый звук, как тускло отражается свет в его изогнутых стенах. Я посмотрел на капитана и понял, что он испытывает те же чувства.

Неожиданно я рассмеялся.

— Да, мы в ловушке, — бросил я небрежно, — ну и что? Все к лучшему. Это дает нам шанс безнаказанно нарушить приказ слабаков из Министерства военного флота.

— Что вы имеете в виду? — настороженно спросил Джоул.

— Эти перестраховщики запретили нам, на нынешней стадии испытаний, опускаться ниже, чем на десять миль. Но, поскольку мы не можем подняться, то вернемся на поверхность кружным путем, — пройдя насквозь всю планету.

Капитан улыбнулся, обдумывая предложение. Уже много лет в наших головах роились дерзкие планы, подобные этому, но об их осуществлении не приходилось и мечтать: МВФ стояло на страже.

— Давайте посоветуемся с экипажем, — сказал он наконец и отдал распоряжение собрать всех офицеров.

Восемь человек в кабине управления — это перебор. Воздухообменники едва справлялись с перегрузкой.

Постепенно воцарилась тишина, и слышен был только ровный гул приборов неподвижного корабля.

— Вы все уже знаете, — начал капитан, — что мы не можем прорваться на поверхность. Однако у Росса есть предложение, которое он сейчас вам изложит.

Джоул кивнул мне.

— С самого начала, когда создание подземного корабля стало реальностью, я вынашивал идею путешествия в глубь земли, может быть, даже в самый ее центр, — заявил я. — При строительстве «Прорыва» я использовал способность поляризационных излучателей перемещать очень большие массы и стал планировать такую экспедицию. В результате «Прорыв» сделали гораздо более крупным, чем это намечалось. У него более мощная энергоустановка, он вмещает больше оборудования и пищи, а системы очистки воздуха рас-

считаны на несколько лет работы при полном экипаже. На корабле также имеются мастерская и холодильное оборудование, чтобы защититься от перегрева.

* * *

Некоторых из офицеров мое заявление шокировало, а иных я успел посвятить в свои планы. Я не боялся упреков. Цивилизованный человек никогда не откажется от возможности расширить границы познания.

— Я не могу утверждать, что «Прорыв» полностью готов к такому путешествию, но, по моему мнению, он выдержит испытание. Поскольку мы отрезаны от Америки, я предлагаю «выплыть» на другой стороне планеты.

— Следует иметь в виду один факт, джентльмены, — прервал меня Джоул. — Вполне возможно, что барьер, с которым мы столкнулись, — искусственный. Если это так, то наша нация находится в состоянии войны, и враг уже пронюхал о подземных кораблях. В таком случае наш долг вернуться как можно скорее, а не болтаться под землей.

— Признаюсь, — вставил я, — что рад подвернувшейся возможности осуществить свои планы. Но в любом случае у нас не остается иного выхода.

— У меня такой вопрос, — поднялся один из офицеров. — Мы уже близки к тому уровню, где земная кора переходит в гораздо более горячую мантию. Далее располагается жидкое ядро, температура которого еще выше. Сможем ли мы противостоять этим условиям?

— Теоретически поляризационное поле противостоит любой температуре и плотности, — ответил я, — не защищает оно лишь от силы тяжести и магнетизма. Сила тяжести будет сначала помогать нам, потом мешать. Но магнитное поле также возрастет по мере приближения к центру, а мы уже успели убедиться, что оно способно сделать с поляризаторами.

Некоторые из офицеров поежились, когда я произнес это.

— Честно говоря, — продолжил я, — если мы столкнемся с тем же явлением, от которого только что спаслись, я не ручаюсь за успех предприятия. Но существует простой прибор — «гауссометр», который фиксирует колебания магнитного поля, измеряя интенсивность потока испускаемых мезонов. Его несложно изготовить самим, и мы всегда будем знать о приближающейся опасности.

Наступила тишина. Офицеры обдумывали мое предложение. «Прорыв» и так уже поставил рекорд погружения. Он просачивался сквозь плотное скалистое основание благодаря тому, что каждый атом корабля, людей, воздуха настраивался отдельно, меняя свое положение в пространстве. В настоящее время кабина, стены, наши тела были заполнены раскаленной скальной породой, и мы не замечали этого лишь из-за сложнейшего взаимодействия нескольких силовых полей.

Обычный человек от одной мысли об этом сошел бы с ума. Но здесь собрались крепкие люди, цвет нации.

— Ну, решайтесь! — торопил я их. — Мы станем первопроходцами!

— Я поддерживаю предложение Росса, — заявил Джоул. — Вопросы есть?

Вопросов не было. А когда капитан огласил свое решение, не возникло и возражений.

— Росс проинструктирует вас, как следует подготовиться к глубокому погружению.

На этом совещание закончилось.

* * *

Три дня гигантский корпус «Прорыва» неподвижно покоился на глубине десяти миль: команда корпела над гауссометром. Впрочем, при наших ресурсах это оказалось не так уж и сложно. Мы сконструировали излучатель мезонов около энергоустановки корабля, а дорожки из железа и серебра были выложены по внутренним стенам и смыкались на внешней части кормы, где магнитное поле заземлялось. Для этого нам пришлось переместить поляризатор.

Для проверки мощности гауссометра и его способности менять силу магнитного поля внутри корабля я использовал реостат. Наконец мы были готовы включить излучатели, и от медленного оседания под воздействием силы тяжести перейти к настоящему погружению.

Внутренности «Прорыва» выглядели, словно дьявольская лаборатория. Я подумал о тех временах, когда поверхность Земли была сплошным белым пятном и парусники могли бороздить океаны в любом направлении, открывая новые материки. Для нас, колумбов подземелья, не существовало ни вольного ветра, ни закатов, ни набегающих волн. Мы покинули родной дом и

должны теперь прокладывать путь сквозь пышущую жаром темноту.

Двигатели послушно продвигали корабль вниз, в глубь Земли. Экраны показывали меняющиеся горные породы, техники снимали показания приборов. Перед нами легко открывались тайны, разгадать которые веками мечтали геологи.

* * *

Однажды я шел по просторному сводчатому коридору, прислушиваясь к негромкому гулу двигателей и наблюдая за показаниями приборов. Мы только что прошли отметку глубины в триста миль. Внезапно раздалось *блам-м*, затем послышался скрежещущий звук, сопровождаемый какими-то странными перемещениями воздуха, словно в коридоре столкнулись два встречных потока. К своему величайшему удивлению, я узнал этот звук. Я слышал его раньше, в лабораториях МВФ. Он не имел никакого отношения к магнитным полям. С таким звуком сталкивались поляризационные поля.

Я бросился в командную рубку. Перед кабиной управления группа наблюдения изучала ближайшие окрестности. Я впился глазами в монитор: загадочное явление на моих глазах приобретало все более четкий силуэт. Так и есть: мы столкнулись с полем, и не с одним — было видно и множество других полей. Сложнейший комплекс с туманными очертаниями простирался с севера на юг и с запада на восток, громоздился ввысь. Я не мог поверить своим глазам. То был подземный город.

Мегаполис, на который мы наткнулись, был огромным, наши приборы не могли определить его границ. Сканеры отмечали довольно слабую поляризацию, и я рискнул бы предположить, что обитатели города словно плавали в густой патоке. «Прорыв» должен был свалиться на них как сверхъяркий, сверхтвердый монстр невероятной прочности.

Я вошел в кабину управления, где капитан Джоул, открыв рот, через свои мониторы наблюдал ту же картину. Он даже не обернулся, чтобы поприветствовать меня.

Капитан наклонился к переговорному устройству.

— Секция двигателей! Слушать мою команду. Рулевое управление перевести на меня.

Я услышал *клик*, когда управление «Прорывом» переключилось на панель, расположенную перед капитаном. Корабль застрял между стенами зданий. Широкие плечи Джоула нависли над панелью управления, поткатился по его лицу, но все попытки раскатать корабль и вырваться, чтобы продолжить путь вниз, не имели успеха.

— Посмотрите! — воскликнул я. — Вы видите?

Он оторвался от панели и взглянул на экран. На нас надвигался целый флот, словно подгоняемый легким ветром. Это были странные конструкции из длинных изогнутых балок. Сквозь огромные щели можно было рассмотреть грубое оборудование кораблей и даже фигуры членов экипажа. Появились также признаки лихорадочной деятельности в близлежащих зданиях.

Обитатели явно готовились защищать свой город. Я заметил, что некоторые корабли, более крупные, чем остальные, были снабжены какими-то аппаратами. Эти устройства показались мне странным образом знакомыми. Один из аппаратов сработал.

— Это же катапульта! — крикнул Джоул.

Кланг! Палубы «Прорыва» зазвенели от удара снаряда по обшивке.

— Пусть настреляются вволю, — ухмыльнулся Джоул и снова склонился над панелью управления.

Однако нам никак не удавалось высвободить корабль, и поскольку дождь снарядов продолжал поливать нас, пришлось пустить в ход собственное оружие. Торпеды и сейсмолучи вызвали страшную панику среди местных обитателей. Наконец нам удалось освободиться и продолжить погружение. Еще пятьдесят миль флот гнался за «Прорывом», обстреливая его из катапульт.

— И это на глубине всего лишь в триста миль! — воскликнул капитан Джоул. — Что же нас ждет дальше?

Сюжет мог развернуться по самому страшному сценарию. Утроба Земли необъятна и сулит встречу с самыми невероятными созданиями. Сейчас мы столкнулись с примитивными формами. Но в глубинах могли существовать и высокоразвитые цивилизации, для которых «Прорыв» — детская игрушка. Отвратительные чудовища пронеслись в моем воображении. Однако азарт ученого одержал верх над первобытным страхом.

К тому же столкновение с врагами было далеко не единственной опасностью, которая нас подстерегала. Вскоре я понял, что над нами нависла какая-то новая, гораздо более серьезная угроза.

* * *

Я снимал показания приборов, которые контролировали состояние внешней среды. По законам физики температура и плотность должны были плавно возрастать по мере того, как мы опускались. Непонятно почему, начиная с отметки глубины в десять миль, приборы не меняли показаний.

Капитан Джоул проявил чисто технический интерес, однако тревоги у него это не вызвало.

— А магнетизм? — спросил он.

— Тоже никаких изменений, — ответил я, — но на этой глубине показатели магнитного поля и не должны быть очень высокими. Гауссметр нам понадобится позже.

Мы все-таки решили проверить новый прибор, начав с излучателя мезонов в секции двигателей и пройдя вдоль одной из дорожек из железа и серебра, проложенной по стене коридора до кормы. Я внимательно следил за приборами, установленными в изолированных камерах. Под влиянием гауссметра стрелки должны были слегка подрагивать, так как влияние магнитного поля плавно нарастало, и тут же останавливаться. Но стрелки неподвижно стояли на нуле.

Я поднял трубку и соединился с секцией двигателей.

— Передвиньте рычажок реостата на два дюйма, — приказал я. Стрелка на одной шкале дрогнула, показав, что произошло заземление, а вторая шкала определила уменьшение силы поля на корабле.

— Может быть, приборы неисправны? — проворчал Джоул.

Я приказал вернуть рычажок реостата в первоначальное положение.

— Нет, — ответил я, — они в полном порядке. Просто мы должны усвоить, что глубины Земли отличаются от того, чем мы думали раньше. Или же мы попали в область слабых полей. В любом случае, продвигаемся мы хорошо.

Но дни проходили за днями, а приборы, регистрировавшие плотность, температуру и уровень магнитного поля, постоянно выдавали один и тот же результат. Никаких изменений. Это был повод для серьезного беспокойства.

Как, мы можем определить реальную скорость «Прорыва», подумал я. Ведь кроме внутренних корабельных приборов у нас нет иных возможностей. Тогда я изготовил измеритель массы, который, по моим расчетам, мог дать информацию о продвижении судна. Для этого следовало сначала измерить массу той части Земли, которая лежала перед нами, а затем массу пройденного пути.

Результаты ошеломили меня. Сложенные вместе, показатели не сходились с известной науке массой Земли.

— Это любопытно, — сказал я Джоулу. — Земля должна была бы весить больше, чем она весила до

нашего погружения. И мы оставили за кормой уже пятьсот миль, но расстояние вперед не меняется.

— Так мы двигаемся или нет?

В этом и заключалась загадка. Направленный в одну сторону измеритель массы показывал, что мы двигаемся. Направленный в другую — что мы стоим на месте.

* * *

Я подождал еще неделю, но загадка стала еще более головоломной. К тому времени мы должны были достигнуть глубины в одну тысячу миль. Фактически, по приборам мы отметили погружение вниз на одну тысячу миль, но нисколько не приблизились к земному ядру. Происходила какая-то парадоксальная вещь, — как бы мы ни увеличивали скорость, финишная черта не становилась ближе.

Этот парадокс уже нельзя было расценивать как интеллектуальную задачу. Настоящая тревога охватила экипаж.

Мы больше не встречали городов, и на нас никто не нападал, но мы приняли определенные меры предосторожности, чтобы не повторить ошибки. Сканеры были постоянно включены, и на их экранах иногда возникали слабые отблески далеких поляризационных полей. Иногда, на пределе дальности, сканеры регистрировали какие-то огромные объекты, проплывающие мимо, или некие образования, природа которых оставалась загадкой.

На четырнадцатый день путешествия капитан Джоул созвал всех офицеров. Он сидел в своем кресле и бес-

страстно смотрел на членов экипажа, ожидая полной тишины.

— Джентльмены, — начал он, — я хотел бы обсудить состояние дел. Росс доложит вам ситуацию на настоящий момент.

Я кратко изложил итоги наблюдений за измерителем массы, поведал о том, что на разных глубинах мы испытываем одно и то же давление. Показания приборов расходились, и чем глубже мы опускались, тем больше было это несоответствие.

— Фактически, — завершил я свой доклад, — кроме обычного здравого смысла, ничто не указывает на то, что мы хоть на дюйм приблизились к центру Земли.

— Значит, мы не двигаемся?

— Так может показаться, — признал я, — хотя я думаю иначе. Мы продолжаем расходовать энергию. Излучатели работают отлично, а это может происходить только при движении. Мы куда-то направляемся: стоит взглянуть на экраны, чтобы убедиться в этом воочию.

— И никуда не приходим, — прервал меня Джоул. — Что касается МВФ, то целью этого погружения было возвращение на базу. Мы же, похоже, не стали к ней ближе.

— Вы предлагаете повернуть назад?

— Я думал об этом. Возможно, сейчас то непреодолимое препятствие исчезло.

У меня замерло сердце. Открытия, которые мы совершали, полностью захватили меня; мне хотелось идти дальше и дальше, узнавать все больше и больше. Все опасности и невзгоды лишь подстегивали мой азарт ученого.

Я знал, что капитан Джоул в глубине души поддерживал меня — он обладал большим мужеством, острым пытливым умом и неиссякающей мальчишеской жаждой приключений. Но он, ко всему, чувствовал ответственность перед экипажем, чего я, к своему стыду, был лишен.

— Зачем поворачивать? — горячо спросил я. — Корабль должен продолжать движение! Уверяю вас, мы стоим на пороге большого открытия!

Спору не суждено было завершиться. Прозвучал сигнал боевой тревоги, зажглись все экраны. Команды обнаружения снова засекли признаки разумной жизни в подземных глубинах, за несколько миль от нас, и в нашем распоряжении оставались считанные минуты, чтобы подготовиться.

Их флот всплыл снизу и окружил нас, пока мы готовили к бою вооружение. Длинные, хищные тела кораблей слегка покачивались, плавно приближаясь к нам; от них веяло угрозой. На минуту замерев, они перешли в атаку.

Я ликовал. Сейчас «Прорыв» продемонстрирует свою мощь, а команда покажет все, на что способна. Нынешние противники стояли на более высокой ступени развития, чем предыдущие. Их корабли двигались на собственной тяге, а оружие могло повредить обшивку «Прорыва».

И все-таки технологии врага были далеки от наших — они стреляли снарядами, похожими на стрелы. Однако

противник искусно использовал численное превосходство, чтобы компенсировать отставание в вооружении.

Схватка была стремительной. Секция двигателей включила излучатели на полную мощность, и корабль ринулся вниз, словно кит, окруженный стайей акул. Капитан Джоул отказался от попыток уворачиваться от вражеских стрел, и оборона полностью перешла в руки секции вооружений.

Я вошел в главный корпус корабля, чтобы проверить оборудование: палубы вздрагивали от взрывов наших торпед, когда они выключали поляризацию, и титанические конвульсии волнами проходили по подземным глубинам. Я готов был поспорить, что аборигены никогда не испытывали ничего подобного. Грохот при запуске очередной торпеды и громкое жужжание аппаратов, испускающих сейсмолучи, дополняли звуковое сопровождение развернувшегося боя.

Прямо на моих глазах семиметровая стрела пробила обшивку корабля, пронеслась со свистом и наискось вонзилась в стену просторной кают-компаний. Один из стрелков, раненный в голову, повалился на пол. Его сейсмоизлучатель был полностью разрушен.

Стрелы повредили обшивку в тридцати местах, экипаж потерял восемь человек. Но что с того? Наш дредноут был непобедим. «Прорыв» доказал, что он самый настоящий боевой корабль.

Постепенно подземное войско отстало от нас, понеся тяжелые потери. Возможно, мы просто покинули пределы их владений. Технический состав занялся ремонтом корабля, а я вернулся в кабину управления, где ка-

питан Джоул занимался проверкой секций поляризаторов, вооружений и двигателей. Он посмотрел на меня.

— Рулевая система вышла из строя, — мрачно сказал он. — Теперь у нас нет выбора. Если мы пойдем на разворот, используя основную тягу, поляризаторы неизбежно взорвутся.

Что тут можно было возразить? «Прорыв» не мог повернуть без помощи сложнейшего оборудования, необходимого для изменения направления поляризационного поля. Таким образом, у нас не оставалось другого выбора, кроме как двигаться только вперед и вперед. Мы одержали победу в бою, но потеряли контроль над нашей судьбой.

Еще месяц мы опускались вниз. Каждый день я тревожно рассматривал показания приборов. В течение всего этого времени скалистые породы за стенами корабля не меняли своего характера. Буквально все, кроме второго измерителя массы и здравого смысла, свидетельствовало о том, что мы оставались на глубине десяти миль от поверхности Земли.

Мысли об этом полностью поглотили нас с Джоулом. Не попали ли мы в тот самый бездонный подземный поток, о котором иногда говорили поэты.

— Но это же просто невозможно! — воскликнул в отчаянии капитан. — Скалы проплывают мимо нас. Живые существа появляются впереди и исчезают сзади. И все-таки мы не в состоянии приблизиться к центру!

Мы начертили круг, представляющий Землю, и решили, что измеритель массы дает несопоставимые ответы потому, что «Прорыв» находится внутри этой окружности. Или здесь уже вступали в силу законы совершенно

новой арифметики, где сумма двух слагаемых не была постоянной. И что вообще мы знаем о Вселенной?

Помимо философских рассуждений я думал еще и о том, что, может быть, гауссометр, отводя в землю избыточную энергию, каким-то образом влияет на внешние приборы и измеритель массы. Был единственный способ проверить это.

Капитан Джоул с ужасом взглянул на меня, когда я попросил разрешения отключить гауссометр.

— Но если твоя догадка верна, — сказал он, — нас разнесет ко всем чертям!

— Ну и что? — отчаянно выкрикнул я. — Мы больше не можем так существовать. С тем же успехом можно плыть по реке забвения, кануть в Лету. Если мы отключим гауссометр всего на несколько миллисекунд, то, скорее всего, обойдется.

Мы никого не посвятили в наши планы. Я сам собрал часовой механизм и присоединил его к прибору. Гауссометр отключился на двадцать миллисекунд, но стрелки даже не дрогнули.

— Попробуй еще раз, — приказал Джоул.

Три раза я повторял опыт, затем просто отключил прибор. Оказывается, гауссометр можно было не строить вообще.

— Существует еще одно объяснение, — сказал Джоул. — Но здесь мы уже углубляемся в философию. Это связано с теорией относительности, и выводы могут оказаться гораздо более ошеломляющими, чем считали наши физики.

Мне следовало предполагать, что его спокойный и цепкий ум капитана, в конце концов, выдаст какой-то

ответ. Но едва он собрался изложить результаты своих умозаключений, как началась новая атака на «Прорыв». В третий раз подземные обитатели подняли свое оружие.

* * *

Небольшая компактная группа кораблей обрушилась на нас с севера. Мы так и не поняли, откуда они появились, — экраны не давали нам ни одной картинки поселений, как это было на более высоких уровнях. Скорее всего, на этот раз атаковали пираты или воинственные кочевые племена, потому что их наступление было яростным, профессионально организованным и смертельно опасным. Вдобавок ко всему, они знали, как взламывать поляризационное поле.

Этот бой потряс нас.

Главной целью нападавших была высадка на борт «Прорыва». Мы истратили весь запас торпед и теперь отбивались сейсмолучами, когда они пробили отверстие в боковой стенке корабля. Мы с Джоулом находились в кабине управления, когда слышались встревоженные крики и странные хлопающие звуки. Спустя несколько минут прогремел оглушительный взрыв. Один из членов экипажа вынужден был взорвать секцию, через которую подземные обитатели начали проникать на корабль. Схватка внутри «Прорыва» была короточной, но она стоила нам нашего лидера.

Трое воинов, уцелевших после взрыва, пронеслись по центральному коридору, сея вокруг себя смерть. В считанные минуты они достигли кабины управления. Я

никогда не забуду выражения глаз Джоула в момент, когда он потянулся за пистолетом. Я не возьмусь описать и ту сложную гамму чувств, что отразилась на его лице.

В проеме появились невысокие туманные фигуры в громоздких панцирях. Они с ходу открыли стрельбу, и Джоул упал с развороченным правым боком, успев уложить первого из нападавших. Из угла кабины я расстрелял двух других.

Это была последняя встреча с подземными воинами. Мы так и не узнали, почему они прекратили атаку: все наши детекторы превратились в кучу утиля, и с этого момента мы уже не могли вести наружного наблюдения.

* * *

Офицеры плотно набились в кабину управления, и я перенес Джоула на кушетку. Дыхание у него было частым и неглубоким, а лицо исказила гримаса боли.

— Мне конец, — прошептал он.

Я осторожно приподнял голову капитана. Он был очень ослаб, но глаза оставались ясными.

— Джоул, — спросил я его, — что нас ожидает там, внизу?

— Это всего лишь моя теория, — ответил он, с трудом выговаривая слова. — Суть в том, что искривляется само пространство. Чем больше сжимается материя... тем больше сокращается и оно.

Джоул смолк, и на какое-то мгновение я подумал, что это были его последние слова. Но он собрался с силами и продолжил:

— Внутри Земли пространство сжимается пропорционально возрастающей плотности. То, что на поверхности считается дюймом, на самом деле может оказаться тысячей миль. Радиус Земли остается неизменным на всех уровнях, — мы сжимаемся, погружаясь во все более плотную материю.

Глаза капитана потускнели, взгляд застыл. Я осторожно опустил его голову. Капитан Джоул был мертв.

Командование «Прорывом» принял я. Пробоина была заделана, все внутренние люки закрыты, свет отключен, оставлено только аварийное освещение. Излучатели перевели в самый экономичный режим и на максимальную скорость. Главное было сохранить поляризационное поле в течение всего долгого движения к центру Земли. Теоретически наша энергоустановка могла работать бесконечно, но и пространство внутри Земли могло оказаться не менее всей Солнечной системы.

* * *

Я все больше убеждаюсь в том, что трудно придумать более опасную форму путешествия, нежели на корабле, проходящем сквозь твердую материю. Чем глубже мы опускаемся, тем больше я ощущаю эти тысячи миль твердой породы над нашими головами, тем больше я погружаюсь в депрессию, и отчаяние охватывает меня... Меня мучает совесть. Это я втянул капита-

на Джоула в опасную авантюру, это я обрек своих товарищей на путешествие в ад.

Сам корабль превратился в развалину. Люди лежат, никто не дежурит у аппаратов, стреляющих сейсмолуками. Экипаж смирился с мыслью, что этого путешествия нам не пережить.

Такова наша история. Я записал ее, чтобы те, кто найдет наш корабль, когда мы «вынырнем» на другой стороне Земли (поляризаторы автоматически отключатся в этот момент), узнали о том, что их ждет в глубинах планеты...

Согласно показаниям очевидца, местного фермера, корабль появился из склона холма, затем съехал вниз на несколько метров и остановился, уткнувшись в выступавшую скалу.

Бэйн готов был поверить второй части свидетельства, к тому же поломанные деревца подтверждали путь судна вниз по склону. Но первая часть выходила за рамки его воображения, тем более что не было никаких следов разрытого грунта. Он был специалистом по древним цивилизациям, но не мог найти ни одной знаковой черты в облике корабля, гигантский корпус которого длиной в сто пятьдесят метров возвышался перед ним. Поэтому он склонялся к мысли о том, что машина появилась совсем с другой стороны.

— Это должен быть космический корабль, — заявил он специалисту по металлам, прибывшему с целой командой из Сиднея, — но я не могу понять, почему он такой старый. Посмотрите, как он прогнулся! Вы знаете, как это называется? Усталость металла. Но некоторые из сплавов я даже не могу определить!

Бэйн пролистал книгу, взятую из кабины управления, страницы которой были сделаны из металлической фольги. Для него она была практически неопровержимым доказательством того, что корабль прилетел со звезд. Книга явно являлась чем-то вроде бортового журнала, хотя странный шрифт не имел ничего общего ни с одним языком на Земле, древним или современным.

«Мы никогда не найдем Розеттский камень для этого текста», — подумал он. Ему стало грустно оттого, что эти записи никогда не будут переведены.

В этот момент возбужденный профессор Вильсон вылез из корабельного люка и подошел к ним.

— Это на самом деле космический корабль, — сказал он. — Там есть прибор, который измеряет пройденное расстояние посредством электромагнитных частот. Любой физик сможет прочесть его показания. И вы знаете, какое расстояние он показывает? Почти однадцать световых лет!

Человек с транзитного рейса

Мое имя Унтуар Мурти, и, проведя всю жизнь на самолетах (за исключением кратких интервалов, измеряемых часами и минутами), я лучше большинства способен судить о состоянии мира. Да, мой опыт взаимодействия с ним скромнен, но это и к лучшему: мое понимание не искажено и не компрометировано чрезмерной вовлеченностью в житейские дела.

Настоящий документ представляет собою, если угодно, мои завещание и свидетельские показания – не то чтобы я рассчитываю, что у кого-нибудь найдется время с ними ознакомиться. Для начала немного о себе. *Мурти* – фамилия моего отца, *Унтуар* же – имя, лишенное смысла и этимологии, изобретенное моим отцом специально для того, чтобы никакой истории и связи с чем-либо за ним не водилось. Он утверждал, что такое описание наилучшим образом подходит к моей ситуации и, следовательно, данное имя будет идеальным для его первого и единственного ребенка. Отмечу, что горечи, которая чувствуется в этом решении, я не разделял: об условиях, привычных с момента рождения, обычно не печалются, а я другой жизни не ведаю.

Мои воспоминания о родителях необычно отчетливы – без сомнения, благодаря тому, что их место в моей жизни доселе остается незанятым, но учтите, что мне было всего пять, когда скончалась мать, и лишь восемь, когда я потерял отца. Были они люди мирные, можно сказать, безобидные, но склонные к нерасчетливым поступкам. Раннюю кончину их я бы связал с неумением приспособиться к порядку жизни, какой обрушила на них коварная судьба.

К счастью, обстоятельства моего собственного рождения уникальны. Я родился на борту самолета, выполнявшего рейс из Найроби в Лондон, однако мне не позволено сойти на землю ни в пункте назначения, ни по возвращении в пункт отправления. Я всю жизнь странствую по одному и тому же маршруту. Уже тридцать восемь лет.

Мое воздушное заточение, естественно, воспринималось родителями как злосчастье, но такой ход событий не слишком их удивил, ибо они сами оказались в аналогичном унижительном положении на несколько месяцев. В те дни мировая политика была далека от нынешней стабильной или, вернее сказать, закоснелой конфинурации, и многие люди по воле случая сделались пленниками злополучных политических антиномий. Позвольте, я объясню подробнее. В жилах моих родителей текла индийская кровь, паспорта у них были британские, а обретались они в Восточной Африке, где их семьи прожили уже два поколения. Распадом некогда огромной империи, существование которой способствовало подобной гетерогенности, воспользовались власти их страны: влекомые националистическими по-

буждениями, они подвергли проскрипциям всех *неграждан*, сделав затруднительным для последних получение легального заработка. Естественно, жертвы этой политики устремились на свою предполагаемую отчизну, к Британским островам, ибо некуда было им больше податься. Увы, к тому времени моральные качества сей великой нации, должно быть, весьма потускнели, и британское правительство совершило бесстыдный поступок, отозвав в одностороннем порядке все ранее выданные паспорта, отказавшись от всех гарантий по ним и развернув всех, кто прибыл в Британию по этим документам с целью поселиться там.

Но это был еще не конец. Некоторые продолжали отправляться в Англию по воздуху, превосходно отдавая себе отчет, что им и их небеснорожденным потомкам путь в Восточную Африку будет заказан. Эти апатриды рассчитывали, вероятно, на пробуждение гуманистических чувств у властей той земли, куда надеялись попасть, или попросту отчаивались. В любом случае, их неделями гоняли от аэропорта к аэропорту, а затем, после множества споров и сомнений, чиновники меняли гнев на милость.

Такой способ избрали и мои родители. Они взялись за дело в достаточно оптимистичном настроении; другим же везло, значит, рассудили они, повезет и в этот раз. К тому же моя мать на момент отлета была беременна, и...

И после предъявления паспортов их немедленно возвратили в Найроби, а оттуда в Лондон. Это их не отпугнуло: они ожидали столкнуться с подобным обхождением. Недели, иногда месяцы, уходили, чтобы нако-

нец отворились порталы, ведущие к свободе и безопасности.

Одно соображение, однако, ускользнуло от них: как долго будут позволять правительства хитрецам обходить свои законы? По всему миру под резкими порывами холодного ветра перемен захлопывались двери. Слово *патриальный* распространялось повсеместно, как провозвестник грядущей эры, когда государствам будет дело лишь до своих граждан и больше ни до кого. Ныне, спустя треть века, постулат устоялся: *Законы важнее личности*. Моим родителям не посчастливилось привести на свет тестовый случай его применения. Недели действительно растянулись в месяцы; я родился над океаном, в полночь, и меня даже не вписали в бесполезный паспорт, который, полагаю, к тому моменту уже был запятнан слезами моей матери. Постепенно выяснилось, что моим родителям не позволят больше ступить на землю какой бы то ни было страны.

Сидя у фюзеляжного иллюминатора и глядя наружу, я часто размышляю, как долго они продолжали надеяться. Я склонен полагать, что весьма долго, что надежда умерла вместе с ними. Моя мать продолжала цепляться за веру (отец-то знал лучше), что, когда я останусь в одиночестве, какая-нибудь страна меня заметит, сжалится над небеснорожденным бездомышем и впустит меня к себе. Но я остаюсь здесь – никому из пассажиров за историю воздушного транспорта не довелось столько вытерпеть.

В течение краткого периода моей ранней жизни эта ситуация привлекала определенный интерес; меня жалели, что вызывало искреннее отвращение. На двена-

дцатом году имела место неудачная попытка возобновить традицию Международного Года Прав Человека, меня показали (без особого смысла) по телевизору (и я посмотрел эту передачу по экранам в самолете). Интерес общественности давно угас, и меня оставили в покое. Возможно также, что эти усилия были тщетны вдвойне, поскольку мое восприятие своей персоны фундаментально расходится с картиной, созданной желавшими мне добра журналистами; бремя их совести на земле — а я здесь, наверху, странствую в авиалайнере. Мой образ подобен тому, какой возник однажды в уме языческого короля Англии, когда правитель узрел ночную птицу, влетевшую через окно в зал дворца; несколько мгновений провела она среди тепла и огней, над дружеской компанией, пировавшей за столом, прежде чем вылететь через второе окно обратно во мрак и не вернуться более. Эта мимолетная аналогия человеческой жизни склонила короля к христианской вере.

Следует заметить, что сам я не крещен. Я не король и не птица. Но разве не описывает эта легенда мою ситуацию в точности? Вскоре я отправлюсь обратно во тьму.

* * *

За время, проведенное мной на авиалинии, качество обслуживания улучшилось в превосходной степени. Самолеты стали длинными и просторными, места для прогулок теперь много. Появились душевые кабинки, бары, телевизоры и рестораны. Деловые люди общаются с коллегами и партнерами через видеофонную

сеть на всем протяжении маршрута. И, конечно, сами лайнеры теперь быстрее и эффективнее, им требуется меньше людского внимания. Для меня это недостаток, поскольку время оборота в конечных пунктах так сократилось, что я совсем мало бываю на земле. Раньше между рейсами лайнеров старых моделей проходили часы, и каждый такой перерыв казался мне праздником; свежий воздух потрясающе воздействует на мой организм. Признаюсь, что скучаю по юношеским вылазкам в кафе и зал ожидания, о прогулках перед зданиями аэропортов. По эту сторону таможенного барьера я пользовался фактической свободой. Но, вероятно, я вырос из подобных развлечений.

Авиакомпания добра ко мне. Однажды, когда я заболел, мне вызвали врача, а несколько раз меня посещал стоматолог. Пока я рос, пилоты и стюардессы привозили мне новую одежду. Во всем, что касается приобретения личных вещей, я по-прежнему полагаюсь на них и другого способа обзавестись имуществом за свою жизнь не освоил. Я гордый обладатель достойной одежды, зубной щетки, электробритвы и маленькой коллекции книг, оставленных пассажирами на борту за годы. Вместе с наследством (о нем я еще расскажу) эти предметы составляют все мое материальное богатство.

Существует, однако, и эмоциональная компонента, накапливаемая в ходе отношений с людьми. В этом смысле моя жизнь скудна. Однажды, впрочем, была у меня подруга, скорее женщина, чем девочка, на несколько лет старше. Мы встретились и сблизились, когда ей по работе пришлось несколько раз быстро сматываться из Лондона в Карачи и обратно (в то время аф-

риканские маршруты стали недоступны, и меня перенаправляли в Карачи или Дели). Когда работа, требовавшая межконтинентальных командировок, завершилась, она продолжала посещать аэропорт, и мы махали друг другу через ограду. Иногда нам удавалось урвать немного времени для встречи в зале ожидания. Потом она перестала появляться, и больше я ее никогда не увидел. В ретроспективе я упрекаю себя за наивность и склонен предположить, что ее добросердечное отношение ко мне было продиктовано скорее жалостью, но память об этих свиданиях оттого не омрачается.

Наша дружба, сколько ей суждено было продлиться, носила платонический характер; собственно, за всю жизнь я ни разу не вступал в сексуальные отношения, хотя на борту авиалайнера они возможны, и при известной находчивости соитие удастся организовать в туалетах, в раздевалке, даже на бортовой кухне у стюардесс. Но мое воспитание не способствовало развитию инициативы в таких делах, и я приучился подавлять эротические желания.

* * *

Однако хватит отвлекаться; как ни беден я имуществом и эмоциями, остается еще интеллектуальная составляющая богатства, и образование у меня есть!

Им я обязан своему отцу, который, прежде чем умереть, обучил меня грамоте и наказал внимательно проштудировать книги из составленного им списка. Честно говоря, до конца списка я так и не добрался. Я не большой охотник до чтения, вопреки напрашивающим-

ся догадкам. Неестественные условия жизни отупляют меня, я очень легко устаю и слаб в целом, как физически, так и ментально. Я много сплю, от пятнадцати до двадцати часов в сутки, а в оставшееся время чтение мне дается с трудом. Прогресс мой дополнительно тормозится трудностями при получении книг. Я вынужден полагаться только на удачу и, к примеру, годами ждал шанса заполучить экземпляр *Тимея*. Но его, как и еще несколько томов, я, скорее всего, не добуду никогда.

Вы наверняка предположите, что мой отец был приверженцем Веданты и направил мой ум к изучению Вед, в частности, Упанишад, ибо представление о мире как о *майе*, великой иллюзии, могло бы облегчить мои страдания. О нет, подобный результат кардинально расходился бы с его желанием. Должен признаться, мне порою являлась мысль, что иной мир, полускрытый облаками внизу, представляет собой лишь несущественную экстраполяцию, эпифеномен, и что единственно важны во Вселенной авиалайнеры, аэропорты и пассажиры, которые появляются и исчезают при посадке и посадке. Конечно, всерьез я к ней не отнесся. Отец мой стремился не к тому, чтобы затуманить мой разум малоизвестной метафизикой; он хотел, напротив, обострить мое восприятие реальности и дать мне понять, насколько тяжело мое положение. Он верил в науку, порожденную Западом; все рекомендованные им книги принадлежали перу западных авторов, и я придерживаюсь их взглядов на мир, полагая, что мир существует в действительности (в той мере, как может быть он воспринят от зачатия до смерти), что все происходящее

происходило на самом деле, что я действительно заточен на борту авиалайнера – единственный человек в истории, которому никогда не позволят сойти на землю.

Чувства, какие питал ко мне отец, не позволили ему, однако, исказить фактов. Его образовательная программа – плод ума, вознесенного к вершинам гениальности, как догадываюсь я, невыносимой эмоциональной болью. Уверен, что он стремился подтолкнуть меня на тропу, по которой мне следовало пройти за счет собственных усилий, обретая истину, вырванную им у мира, но в миру известную немногим, если вообще кому-либо. Я имею в виду тайную природу живучей многоголовой гидры, вездесущей христианской религии.

Сколь многое подразумевается – и маскируется – в словосочетании *христианская цивилизация*! Цель работы над списком рекомендованных отцом книг – проникнуть к самому ядру ее потаенного смысла и земного бытия.

Список обширен, но значительная часть работ, упомянутых там, носит вводный характер; они должны были облегчить процесс усвоения новых идей и предотвратить их инвагинацию. В центре системы, как в центре гравитации, покоятся две важнейшие работы, вокруг коих обращаются все остальные. Это:

1. Сократические диалоги.
2. Евангелия от Матфея, Марка, Луки и Иоанна.

Сравнение их позволяет вычленить объективную историческую перспективу мира.

Несколько слов о том, как они попали ко мне. Книжечку карманного формата – Новый Завет в переводе времен короля Иакова – подарила мне доброжелательная

англичанка, направлявшаяся для миссионерского служения в Индию, и это издание у меня уже много лет. Сократические диалоги более объемисты, с их приобретением возникли трудности, и полного собрания я лишен. Однако они являют собою контрапункт ко христианской теме, так что лакуны в данном случае не столь существенны.

Особого комментария заслуживает один том: этот сборник из нескольких диалогов, включая *Апологию Сократа*, мне передал скорей рассеянно молодой человек лет восемнадцати, неопрятный и вспыльчивый, запомнившийся мне пронзительным взглядом голубых глаз. Книга называется *Диалоги Платона о божественном*, она очень старая и издана в 1841-м в Лондоне, на Ньюгейт-стрит, 126, Корнишем и компанией. Страницы томика пожелтели и охрупчились, а переплет скреплен скотчем.

Это издание весьма примечательно своим духовным шовинизмом. Длинное предисловие и обильные сноски редактора преследуют цель убедить читателя в превосходстве христианского мира и настроить его на скептический лад при самой мысли о том, что за его тесными границами могло возникнуть нечто достойное внимания. Натянутыми и неубедительными аргументами он тщится подкрепить гипотезу, что Платон своей мудростью обязан Моисею, от коего-де позаимствовал наиболее рациональные и существенные элементы своей доктрины. Отметив, что Сократ мог бы спасти себя на процессе, если бы солгал, но не стал этого делать, комментатор экзотически восклицает: *Сколько благодороден был этот язычник!*

И почему же он так поражен благородством язычника – неужто потому, что у христиан это редкое явление? Такие комментарии меня помимо воли коробят. Ибо от Сократа я научился рациональности, хладнокровию, взвешенности суждений, справедливости – коротко говоря, всем достоинствам здоровой дружелюбной цивилизации. Напротив, экстраординарная история Иисуса привела к возникновению зловещей *нецивилизации*, покорившей человечество, завоевавшей весь шар земной, продвинувшейся до бесчувственных высот науки, техники и бюрократии – культуры, которая создала самолеты.

* * *

Должно быть, приливы истории долго в нерешительности покачивали этих двоих, пытаюсь определиться, кого выкинуть на берег. Заметьте, что обоих приговорили к смерти по надуманному обвинению (хотя приговор для Сократа дался судьям проще). История редко допускает случайности в подобных делах. Обратите также внимание на удивительное сходство в заключительных словах биографов – пускай не в содержании, но в настроении, тональности, чувстве, как если бы авторы скручивали две пряди одной веревки.

Платон вложил в уста Федона слова: *Таков, Эхекрат, был конец нашего друга, человека – мы вправе это сказать – самого лучшего из всех, кого нам довелось узнать на нашем веку, да и вообще самого разумного и самого справедливого.*

Апостол Иоанн завершает свой труд так: *Многое и другое сотворил Иисус; но, если бы писать о том подробно, то, думаю, и самому миру не вместить бы написанных книг.*

* * *

Но ближе к делу. Я полагаю, что все и каждая частица знания о Христе и его роли в мире суть ложь. Нам рассказывают, что он явился в мир как моральная сила, продвигающая его спасение, что все, кто бы ни обратился к нему, будут прощены. Что если мир откроется Христу всем сердцем, человечество претерпит трансформацию. Если же ныне мы находим двери закрытыми и некоторых из нас – изгнанными с пиршества, так это потому, что Христос еще не коснулся сердец всех людей. На это я смею заметить, что, если придерживаться христианской доктрины, уткнешься в обращенное зеркальное отражение этой религии – *в мир, каким мы его знаем.* Сравните. Иные учения сулят свободу с открытым финалом, но, на контрасте с усмешкой Будды или бессистемными шутками дзенских наставников, история Христа являет сплошную погоню, череду смыкающихся ловушек: Тайная Вечеря, предательство в Гефсимании, распятие на кресте, сошествие во ад. Разве не дается этим точное описание современного мира, смыкающегося вокруг личности концентрическими слоями?

Там, где другие призывают к отстраненности, мудрости, справедливости и дружбе, Христос взывал не к абстрактным качествам, но к *решительным действиям*, и

этим спровоцировал беспокойное бурление нынешнего мира, столь изобретательного во множестве параллелей, слишком многочисленных, чтобы отмахнуться от них. Отказ в поданной властям петиции отчаявшегося? *Авва Отче! всё возможно Тебе; пронеси чашу сию мимо Меня; но не чего Я хочу, а чего Ты.* Это Мк. 14:36. Умывание рук, освобождение явно виновного с тем, чтобы можно было наказать невинного? *Смерть Ему! а отпусти нам Варавву.* Это Лк. 23:18.

Разве не воплотилось на деле обещание, что всякому имеющему дастся и приумножится, а у неимеющего отнимется и то, что имеет?

И разве не явлено в моем обличье семя, которое, хотя и не падало на места каменистые, но земли вообще не достигло?

Человечество *впитало* послание Иисуса, поглотило его полностью и безошибочно, история страстей стала частью дел мирских и преобразилась в глобальные факты, как разрастается семя горчицы в устрашающие заросли. Христос, одинокий среди веселых улыбчивых рационалистов, никогда не улыбался, лишь стонал и рыдал. Быть может, потому, что видел последствия своей миссии; так плакала моя мать, осознавая, на что обрекла своими деяниями меня, вечного воздушного странника.

Когда эти аналогии прослежены, истоки современной мировой культуры становятся ясны, как день. Лишь одно обстоятельство остается предметом дискуссии: откуда происходил Христос? Возможно, он и вправду был воплощением Творца, посланным покарать человечество. Придерживаясь христианской космологии, я счи-

таю более разумным причислить его к агентам Сатаны; исказив и совратив душу людскую, он навеки уничтожил сократическую цивилизацию, которая в противном случае могла бы расцвести в Западной Европе.

* * *

Этих лаконичных комментариев, в принципе, достаточно для иллюстрации моего тезиса, а я слишком устал, чтобы излагать свою мысль подробнее. Не ведаю, как воспримет мир мое интеллектуальное приношение; быть может, оно безграмотно, наивно, безынтересно и примитивно в сравнении с лучше разработанными мировыми учениями. Я, однако, испытываю внутреннюю убежденность в истинности этого откровения. Вдобавок моя роль в мировой драме, как ни малозначительна, роднит меня с Иисусом в том отношении, что я также распят на кресте, летающем кресте, который без устали снует туда-сюда по шару земному.

Отупение, затянувшее моих родителей, вскоре настигнет и меня. Мне недолго осталось. Большую часть времени, когда не сплю, я смотрю в фюзеляжный иллюминатор. По ночам неразрушимое стекло становится зеркалом, отражает мое утомленное лицо. Если объективно, это красивое лицо. Сильный нос, полные губы, глаза пронизательные, но отстраненные. Волосы, аккуратно зачесанные назад, рано начали седеть. Лицо это выглядит лет на тридцать старше действительного возраста, и спокойствие, написанное на нем, носит принужденный, отрешенный характер. О приближающейся кончине я размышляю с искренним облегчением, а по-

следнюю волю свою оформлю теперь официально: всем, кому могут они пригодиться, завещаю я унаследованные от моего отца два билета второго класса из Найроби в Лондон – в одну сторону, по-прежнему действительные. Эпитафией себе я выбираю еще одну цитату из новозаветных пророчеств, и она даже рельефнее демонстрирует неопровержимую применимость евангелий к нашей эпохе:

Лисицы имеют норы, и птицы небесные – гнезда; а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову.

Месть волшебника Вазо

Покидая планету Некферус, волшебник Вазо пребывал в крайнем раздражении. Могущественный Дозорный Галактики привык, чтобы ему покорялись, однако невежественные обитатели этого адского местечка, такое впечатление, даже в толк взять не могли, что означает визит галактического мага!

За последнее время никто из его собратьев по ордену не мог проявлять активности в этом регионе, поскольку еще несколько тысячелетий назад интереса к нему вообще не возникло бы. Волшебник не планировал оставаться там долго, лишь провести один эксперимент, идея которого внезапно посетила его, и никаких чрезвычайных требований не выдвигал. Ему всего-то и нужно было, что около сотни наложниц, подобранных сообразно его вкусам, и соответствующее экспериментальное оборудование, изготовление которого потребовало бы не больше трети промышленного потенциала планеты. Но эти скромные запросы были встречены недоверием и хохотом! До него не сразу дошло, что эти невежды на полном серьезе отказывают. Когда же он

сообразил, как повернулось дело, то совершенно вышел из себя и проклял упрямцев.

— Налагаю на эту планету ментальный экран, — возгласил он. — Отныне да не достигнет ее никакая оригинальная идея. Ваши дети, и их дети, и дети их детей, до конца дней своих будут жить в серости, пережевывать одни и те же затасканные мысли, никогда не откроют ничего нового, ибо барьер непроницаем для идей и всех новых ощущений, которые, хоть вам это и неведомо, являются эманациями из внешнего космоса. Так будете вы покараны за отсутствие воображения!

Сказав так, он рассыпался вихрем искр и пропал у них из виду.

Отсюда ясно, что волшебник Вазо уже был достаточно разозлен, когда, отменив эксперимент (в любом случае не слишком важный), решил посетить различные места, куда уже наведывался в прошлом, и забрать оттуда предметы своей собственности, которые оставил, прежде чем отправляться в паломничество.

Выйдя в космос, он окинул взором местные созвездия и наметил цель первого полета: Землю. И устремился туда на скорости сосредоточенной мысли, быстрее света и каузальности. Преходящие оболочки формировались и распадались вокруг него, пока он пронизывал сперва окрестности земного солнца, затем самой этой планеты: тела из света, магнитного поля, радиоактивного излучения, воздуха и пара. Снижаясь в атмосфере и сбрасывая скорость, маг заметил под собой какие-то пирамидальные структуры и припомнил, что они были воздвигнуты при его последнем визите сюда. Порадовавшись, что пирамиды сохранились, он тут же недо-

вольно отметил, что незначительных усилий, необходимых для поддержания в чистоте и порядке первоначальной их облицовки, никто не предпринял. Впрочем, направлялся он не в Египет, ибо интересующее его имущество находилось сейчас не в этой стране. Он материализовался на тротуаре оживленной городской улицы где-то к северо-западу отсюда.

Его тут же оглушил непрерывный диссонирующий рев. Этот звук сопровождался обильными выделениями углеродистых летучих соединений и был вызван, как вскоре стало ясно, постоянно перемещавшимся по центральной части улицы потоком самодвижущихся машин.

Он утешил себя мыслью, что это всяко не хуже вони, исходящей из заднего прохода земного животного под названием *лошадь*. Помнится, по улицам Мемфиса передвигаться было практически невыносимо.

Улицу обрамляли высокие здания с террасами, фасады многих были из стекла. За прозрачными стеклянными панелями предлагались товары и оказывались услуги. Вон туда можно было, к примеру, зайти отдохнуть, перекусить и выпить. Волшебник Вазо пообещал себе, что примет предложение владельца заведения, но сперва требовалось разыскать нынешнего хранителя интересующих его вещей.

Он обследовал тело, окончательно оформившееся вокруг его естества. По меркам вида, населявшего Землю, он мог считаться красивым самцом крепкого сложения, немного тяжелее среднего веса, в сером деловом костюме. Кожа его была темноватой, а над верхней губой росли густые усы. Необычной для этого горо-

да деталью внешности могла считаться феска — головной убор, более характерный для Египта, куда он наведывался в предыдущем случае.

Волшебник Вазо двинулся по запруженному людьми тротуару, постоянно требуя уступить ему дорогу. Он не остановился, достигнув перекрестка, но пересек его напрямик с прежней уверенностью, чувствуя вокруг себя снующие машины с двигателями на продуктах нефтепереработки. Он знал, что никто его не собьет.

Ага, вот наконец что-то любопытное. Сгорбленный коротышка в грязной белой накидке торговал с лотка морожеными сладостями в вафельных конусах. Волшебнику Вазо вспомнились ледяные напитки, доступные еще в древнем Египте, и он обрадовался, что искусство изготовления льда с тех пор не было утрачено.

Так или иначе, нужно бы отведать местных деликатесов. Остановясь у лотка, он ткнул пальцем в удалявшегося покупателя и склонил голову. Торговец медленно наполнил новый вафельный конус, избегая глядеть на волшебника Вазо и задумчиво поджимая губы.

— Сорок пенсов, — бросил он, подняв перед собой конус.

После паузы волшебник Вазо полез во внутренний карман пиджака и извлек оттуда кожаный кошель. Внутри обнаружились листики богато украшенной гравюрами бумаги, которые, как он рассудил, выполняли функцию денег. Вытащив одну банкноту, помеченную словами *Десять фунтов*, он передал ее торговцу и получил взамен конус с мороженым.

Торговец с напускной деловитостью позвякал металлическими дисками у себя на подносе.

— Десять, двадцать, пятьдесят, шестьдесят, — сказал он и бросил монеты в подставленную руку волшебника Вазо. — Свободен.

И пренебрежительно отвернулся. Волшебник Вазо не тронулся с места. Торговец мороженым снова посмотрел на него. Лицо ларечника было холодным и враждебным.

Уже зная, что обнаружит, маг заглянул в разум этого человека.

О да, гнусный пройдоха пытался его обмануть! Ничтоже сумняшеся взял купюру большого номинала и насыпал мелочи на сдачу, отдавая себе отчет в колоссальной разнице между эквивалентами банкноты и сладостей! Почему? Потому что принял волшебника Вазо за иноземца и понадеялся, что тот не знает истинной цены местных денег!

— Ворюга! — загремел волшебник Вазо. — А ну-ка возвращай деньги!

Торговец ошетинился.

— Ты че се удумал, чувак? Катись, чтоб духу твоего тут не было.

Волшебник Вазо с трудом сдержал негодование. Одно слово, и содержимое ларька обратится в мерзостную вонючую массу. Но он ограничился тем, что швырнул под ноги купленный стаканчик с мороженым и, полный омерзения, продолжил путь.

Чуть ниже по улице он снова остановился и заглянул через стеклянную витрину в зал харчевни, явно знававшей лучшие дни. Там сидели за столами без скатертей мужчины и женщины, попивали чай и кофе, читали книги и газеты, болтали друг с другом, проводили

время. Человек, который был ему нужен, сидел один в углу, то оглядывая соседей по залу, то возвращаясь к зажатой в руке книге. Волшебник Вазо прочел на обложке название: *Летающие тарелки: заговор молчания*.

У человека за угловым столиком были прямые темные волосы, длинная тонкая челюсть, выступающий подбородок. Вид он имел непоседливый и энергичный. То и дело нервно затягивался сигаретой, опускал ее и потягивал кофе из стоявшей перед ним чашки.

Как заведено между чародеями, от чтения его мыслей волшебник Вазо воздержался. Он вошел в харчевню и направился к угловому столику.

Человек едва глянул на незнакомца, опустившегося на стул напротив. Волшебник Вазо подался вперед.

— Я нахожусь в присутствии магистра Ордена Тайной Звезды, — возгласил он. — Это я знаю наверняка. Позвольте отрекомендоваться. Я волшебник Вазо, Могушественный Дозорный Галактики. Я прибыл, чтобы возвратить себе оставленные вам на хранение мои слова силы.

Арнольд Мэддерс аж чмокнул, присосавшись к сигарете, и непонимающе воззрился на темнолицего напористого человека отдаленно восточного облика с гипнотическим взглядом, при эксцентричном головном уборе. Он прокашлялся, помотал головой и отмахнулся от волшебника Вазо. Несколько обескураженный, волшебник Вазо вздернул подбородок и тихим доверительным голосом воспроизвел дрожащие слоги:

— Абарадазазаз.

Он дождался, пока затихнут вибрации, и хмыкнул:

— Вот видите? Мне ведомо тайное слово вашего ордена. Разве не я открыл его вам? Теперь удалимся, пожалуйста, в уединенное место. Там вы призовете своих адептов, владетелей слов силы, и они возвратят их мне.

Мэддерс не поднимал глаз от книги.

— Не понимаю, о чем вы говорите, — без всякого выражения отозвался он. — Я ничего у вас не забирал.

Кто этот придурок? удивился про себя Мэддерс. Его всегда нервировали незнакомцы, которые являлись к нему для разговора о Тайной Звезде: он как мог старался блюсти элитарность и узость круга посвященных, приличествующие эзотерическому обществу. Но в наши дни шило в мешке трудно утаить, и оккультные материи не исключение. Наверняка Дэвис снова проболтался.

Но слово инициации... Откуда этот чудик его прознал? Вероятно, в Британском музее выведал, как и сам Мэддерс.

Волшебник Вазо заговорил настойчивее, хотя все еще и пытался сохранить тональность вежливой беседы.

— Я только что вернулся из путешествия на край пространства. Теперь мне нужны мои слова силы, чтобы начать осуществление множества задач, которые даже во время нашей беседы приходят мне на ум.

Мэддерс поднял глаза от книги и саркастически ухмыльнулся, испустив дым уголком рта.

— О да, конец пространства, как же! Нашли его, да? Волшебник Вазо моргнул.

— Конечно, не нашел. У пространства нет конца. В том и смысл паломничества.

Мэддерс фыркнул. Волшебника Вазо такая реакция озадачила и даже встревожила. Пикировка между магами — дело обычное, но этот человек вел себя так, словно они одного ранга! Как если бы он сам прошел подготовку в Галактическом Дозоре!

Тем не менее волшебник Вазо старался хранить спокойствие.

— Пойдемте, — пригласил он дружелюбно, — нам нужно лучше узнать друг друга. Не сомневаюсь, ваши достижения весьма значительны. Не мог же ваш орден сидеть сложа руки последние пять тысяч лет. И разве не нашел я адептов даже в тогдашнем Египте — людей, способных постичь учение о словах? Даже без ваших... — он обвел жестом улицу снаружи, подыскивая подходящее определение, — ваших нефтяных машин эти люди сумели воздвигнуть пятигранники с прямоугольными основаниями.

— Пятигранники?

— Модели планетарного бытия. Пирамиды, как вы их называете. О, как они были прекрасны! Облицованы белым камнем, а сверху покрыты блистающим золотом. В летнее солнцестояние они отражали свет солнца со всей пустыни и, подобно огромным четырехлучевым звездам, сияли посередине ее! Чудесное было зрелище! Как жаль, что ваш орден, по всей видимости, не заботился об их реставрации.

Мэддерс ничего не ответил. Настороженность волшебника Вазо росла. Он мысленно возвратился в эпоху, когда оставил свое имущество на попечение предков этого человека.

Слова силы тяжким грузом ложатся на сознание, даже если о них просто помнишь. Они создают препоны способу передвижения, известному как мгновенное мыслестранствие. Поэтому волшебник Вазо был вынужден облегчиться перед героическим путешествием к несуществующему пределу пространства: выскоблить свою память, чтобы обрести предельно возможную мыслескорость. От стандартного своего репертуара он избавиться не мог ни при каких обстоятельствах, но другие слова, специализированные, могучие последовательности вибраций, были крайне тяжелы, и их пришлось доверить многим хранителям на многих планетах.

В Египте он учредил Орден Тайной Звезды, вверив ему на попечение некоторые свои слова — с естественным условием не активировать их (впрочем, у местных бы и так не хватило для этого силы духа). В качестве награды он обучил адептов ордена некоторым магическим ритуалам и менее значительным словам, приносящим полезные практические результаты. Без сомнения, ныне Орден Тайной Звезды продолжает, в числе прочих групп влияния, тайно контролировать развитие земной цивилизации.

Но тут волшебника Вазо посетила пугающая мысль. Он уже понял, что мир сей изобилует ворами и злодеями. Могло ли стать так, что Орден Тайной Звезды пренебрег условиями договора? Сохранил тайные слова для себя, надеясь однажды научиться использовать их? Мага одолевал соблазн заглянуть в чужой разум, проверить, справедливо ли это подозрение... но волшебник Вазо воздержался от столь неподобающего по-

ступка. В любом случае, извлекать их принудительно смысла нет. Слова силы передаются по обоюдному согласию сторон, иначе эффективность их будет утрачена.

Он провел пальцами по усам и гневно зыркнул на собеседника.

— Очевидно, нам придется поговорить без обиняков. Если вы не прекратите юлить и не вернете мою собственность, вас постигнет кара. Я наложу на вас заклятие, чтобы скорее склонить к сотрудничеству.

Мэддерс вежливо улыбнулся и запихал в карман свою книжку в мягкой обложке. Угроза его несколько позабавила, но сам разговор утомил. Он начал подниматься.

Волшебник Вазо подался к нему, точно для какого-то доверительного откровения.

— Я напушу на вас Хатхор, богиню любви.

— Любви? — рассмеялся Мэддерс. — Вперед, дружище. Нам всем по жизни ее не хватает.

— Некогда она звалась Кесмет и была исполинской львицей, посланной пожрать человечество¹. В новом облике она стала еще ужасней.

Мэддерс встал.

— Эх, старичина, учил бы ты магию как следует, то и знал бы, что весь этот треп про слова силы — ни о чем. Ты не по тем книжкам учился.

— Вы можете найти меня завтра на этом же месте, — отрезал волшебник Вазо. Проводив Мэддерса взгля-

¹ По контексту похоже, что имеется в виду египетская богиня Сехмет, но так в оригинале.

дом, он подал сердитый знак официантке и заказал чашку чаю.

* * *

Когда в ранний послеполуденный час следующего дня Арнольд Мэддерс снова появился в кафе, волшебник Вазо сидел за тем же столиком в той же позе, будто и не пошевелился с момента его ухода. Перед ним стояла чашка кофе по-турецки; время от времени он брал ее с подставки, чтобы пригубить напиток. Подняв глаза при появлении землянина, маг взъерошил усы указательным пальцем.

Мэддерс бухнулся на стул напротив него и опустил голову.

— Избавьте меня от этого, — проямлил он. — Больше не могу.

— Сразу же, как только исполните свой долг передо мною.

Мэддерс не поднимал глаз и старательно избегал глядеть на кого бы то ни было в кафе. Лишь этим утром, выбравшись из своей тесной квартиры купить овощей, он постиг, как с ним обошлись.

Он понимал теперь, что доселе был слеп, никого и ничего не видел, существовал в мире предельного эгоизма. Другие люди существовали, но лишь как проекции его личных потребностей, тени на поверхности сознания.

А почему он был слеп? Потому что никогда не любил!

И никто не любил, если не считать вспышек, после которых боль еще долго терзает сердца. Поистине, это

великое благословение. Нет на свете ничего страшнее любви!

Спускаясь с третьего этажа на улицу с пластиковым пакетом для покупок в руках, он случайно обратил внимание на мальчишку лет десяти. Заостренный нос, измученное лицо, потрепанная серая одежда, узкие глаза, туповатый безразличный взгляд: мальчишке этому (Мэддерс изучал физиогномику) явно суждено было много несчастий и неприятностей. Крайне маловероятно, чтобы Мэддерс вспылал к нему любовью!

Но именно так и случилось. Мэддерс полюбил мальчишка. Полюбил с первого взгляда, словно внутри чиркнули спичкой, и возгорелось пламенное чувство к уникальному, пускай и ущербному, человеческому созданию. Он замер как вкопанный. Мысли разбежались: догнать мальчишку, каким-то образом познакомиться с ним, помочь, провести по жизни в обход трагических ситуаций, которые, как было совершенно ясно, ожидали того.

Но мальчишка свернул за угол, и не успел Мэддерс и шагу сделать, как новое откровение потрясло его.

Как счастливо человечество, лишенное такой любви! Разве не любовь — самая могущественная и, следовательно, самая разрушительная из людских эмоций? Разве не агонии подобно то, что испытываешь, когда тебя пожирает любовь, влечение, тяга к другому человеку, желание испытать, словно свои собственные, его беды и разочарования, соприкоснуться с бессилием, тайно окружающим любую человеческую жизнь?

Мэддерса покарали, и отныне он был обязан любить всякого встречного, беззаветно и несдержанно. Спустя

считанные секунды после встречи с мальчишкой любовь снова возгорелась в нем; на сей раз ее объектом стала девушка, не слишком привлекательная, в блузке не по фигуре. А потом — сгорбленная сморщенная старуха, что брела домой из магазина с нищенскими покупками в ветхой сумке, погруженная в грезы наяву. Следующим он увидел безликого юношу в мешковатых брюках, который споткнулся, ступая на тротуар...

Мэддерс полюбил их всех и даже сейчас не мог избавиться от любви к ним! Любовь к одному человеку сама по себе достаточно изнурительна. Но испытывать такие чувства с одинаковой интенсивностью ко всем встречным! Сердце его не перестанет разрываться, будет загораться снова и снова, по сто раз на дню, пока любовь нагромождается на любовь!

О нет! Человеку подобного не вынести!

Часа хватило, чтобы Мэддерс полностью выбился из сил и осознал, что до конца суток, вполне вероятно, принужден будет покончить жизнь самоубийством. Ибо это чувство ничем не напоминало обобщенную любовь к человечеству, в которую он когда-то верил — воображал даже, что такая ему присуща. Теперь он постиг, что в действительности эта эмоция представляла собой сладкий сентиментальный самообман. Нет, в такой любви, как сейчас, ничего обобщенного не было. Эта любовь не умела считать дальше единицы и никаких абстракций не знала. Она носила исключительно интимный характер, касалась лишь живущих и была специфична для каждой личности, никогда не повторялась, изматывая любящего осознанием, что другие ему дороже, чем он сам себе.

— Кто ты? — приглушенным дрожащим голосом потребовал ответа Мэддерс. — Кто тебя такому научил?

— Я обучался в Галактическом Дозоре, — ответил волшебник Вазо тоном констатации самоочевидного факта. — И это я был наставником Ордена Тайной Звезды.

— Чего ты от меня хочешь?

— Мне нужны мои слова силы. Больше ничего.

Мэддерс помотал головой.

— Нет у меня слов силы, как ты их называешь. Я даже не подозревал, что такие штуки существуют.

Волшебник Вазо впал в смятение.

— Я ведь обращаюсь к магистру Ордена Тайной Звезды, не так ли?

— Да... То есть нет, я хотел сказать. Я дал ордену это название, перенял некоторые ритуалы, и всё... всё, что я сумел разыскать. Рукопись в Британском музее, там это было. — Мэддерс застонал. — Ты разве не видишь, что перепутал меня с кем-то?

Услышав это, волшебник Вазо отважился на предосудительный поступок, который, судя по словам самого Мэддерса, предосудительным вовсе не был. Горя желанием узнать правду, он проник в разум Мэддерса.

И оказалось, что тот, в общем, не лукавит. Мэддерс не имел никакого касательства к организации, основанной волшебником Вазо. Он лишь управлял пустой шелухой, оставшейся от ордена, руководствуясь материалами из какого-то пыльного архива. От самого ордена не уцелело ничего. Орден расточился в веках, и драгоценные слова силы волшебника Вазо развеялись по ветру вместе с прахом последних адептов!

Сам же Мэддерс, как выяснилось, волшебником вовсе не был! При всех его познаниях в магии он мало чем отличался от юноши-посудомойщика с кухни этого заведения. Знания его были отрывочны, он нахватался того-сего из идиотских книжонок, полных самообмана фальшивок, карточных игр, детских каракуль с претензией на магические сигилы, наконец, говоря словами текущего репертуара, из бредовых писаний маразматиков-евреев.

Что же до слов силы, то вложить в любое слово он мог не больше энергии, чем требовалось, чтобы позвать сновавшую в отдалении официантку принести чашку чаю, а то и меньше!!!

Слова потеряны!

Даже для такой ничтожной и бестолковой планеты это было верхом некомпетентности. Волшебник Вазо взвился на ноги. Все тело мага затряслось, лицо налилось пурпуром.

— ЧТО??? Это что же получается, довериться нельзя НИКОМУ??? Я приложил все мыслимые усилия, чтобы сберечь свою собственность, и чего добился? Возвращаюсь сюда, а меня сразу пытаются обмишулить, надо мной издеваются, презирают, игнорируют все мои требования, и в итоге выясняется, что драгоценное мое имущество потеряно безвозвратно, выброшено, как старые тряпки! *ДА ЧТО Ж СО ВСЕМ ЭТИМ ДЕЛАТЬ??!!*

Он опрокинул стол. Арнольд Мэддерс в ужасе грянулся на пол, наблюдая, как волшебник Вазо в приступе ярости разносит ресторанчик. Мэддерса посетило мимолетное воспоминание: образ разъяренного Хри-

ста, изгоняющего менял из храма. Волшебник Вазо бушевал, переворачивая столик за столиком, расшвыривал в стороны посетителей и стулья, словно мякину на молотье, и не переставал при этом извергать возмущенные жалобы.

Не успел он достичь двери, как в баре появилась и заступила ему дорогу высокая фигура в темно-синем. Волшебник Вазо попытался отшвырнуть и эту преграду, но полицейский умело пресек его поползновения и заломил чародею руку за спину.

— Вам придется покинуть это место, сэр.

— *Покинуть?* — завизжал волшебник Вазо, вырываясь из хватки полицейского. — С удовольствием! Именно это я и собираюсь сделать: покинуть его!

Столь возмутительное обращение требовало кары в несколько раз более суровой, чем на Некферусе. Он покинул Землю, но, прежде чем направиться в далекие иные миры, отвлекся создать на этой мерзкой планете, которую надеялся никогда не посетить снова, мировой океан, покрывающий всё, кроме вершин самых высоких гор. По всей Земле человечество неожиданно очутилось под водой. На улицах и фермах, в комнатах и зданиях, в кораблях, летательных аппаратах и даже субмаринах четыре тысячи миллионов человек спотыкались и падали, удивленно булькали и задыхались, лишенные глотка воздуха. Те, кто находился в домах, неуклюже подплывали или шлепали к дверям и окнам, но на улицах тоже не находили ничего, кроме воды. Перемена произошла так внезапно, что давление нового океана поначалу было равномерным сверху донизу, сокрушительной тяжести не чувствовалось нигде, и это

вводило некоторых в заблуждение, словно от свежего воздуха их отделяют считанные футы; напрасно они устремлялись вверх, ибо до поверхности было слишком, слишком далеко.

У большинства, впрочем, не хватило присутствия духа ни для чего. Первыми умирали дети, извиваясь и крича, на глазах у агонизирующих родителей, которым было суждено прожить лишь на пару десятков секунд дольше. Спустя несколько минут все было кончено. Отныне лишь морские твари будут плавать среди руин цивилизации, не ведая о приключившейся катастрофе, и подбирать кости млекопитающих со дна новейшей галактической панталассы.

Бесконечный прожектор

— С точки зрения материализма, — говорил радиолектор, — во Вселенной не существует ничего, кроме того, что служит предметом изучения физики.

Единственным серьезным препятствием на пути этой доктрины является существование сознания. Оппоненты материализма вправе обоснованно указать, что убедительное физическое описание сознания не найдено, и берутся утверждать, что дать его вообще невозможно. Однако такое возражение не смогло повергнуть материалистическую школу философии, поскольку, приписывая сознание действию нефизического агента, нематериалист автоматически ставит себя в положение, когда требуется объяснить, каким образом такой агент взаимодействует с физическим мозгом. Этого им сделать ни разу не удавалось.

Исследование мозга выявляет в нем физический механизм, подобно тому как, например, радиоприемник выступает физическим механизмом. Это соответствие поразительно. Разумное существо, посетившее нашу планету и услышавшее из радиоприемника речь и музыку, могло бы заинтересоваться их источником и разобрать для этого аппарат. Инопланетянин, скорее все-

го, заключил бы, что радио само по себе не способно обеспечить такого высокого уровня интеллекта. Если бы он придерживался материалистических воззрений, то отверг бы также представление о нефизической *душе*, обитающей внутри радио. Вместо этого он бы пришел к выводу, что радио — не более чем приемник, получающий откуда-то сигналы и усиливающий их.

Следует ли, подражая этому гипотетическому чужаку, заключить, что мозг также — не более чем приемник, настроенный, образно говоря, на *луч сознания* из внешнего источника? Если так, то где передатчик и что он собой представляет?

К такой концепции, как ни странно, у материалиста возникло бы явно меньше возражений, чем у нематериалиста, поскольку, если акт передачи сам по себе физичен, то целесообразно исследовать лишь один вероятный источник его. Передатчиком может являться только окружение мозга, излучающее диффузные информационные сигналы, которые принимаются нашими сенсорными органами — мозговыми антеннами. Мозг усиливает и фокусирует эти сигналы, концентрируя их в фокальную точку, как собирает линза или вогнутое зеркало диффузный солнечный свет в интенсивное пятно. Это интенсивное пятно и образует то, что мы называем индивидуальным сознанием...

Два существа в дальней дали, следившие за лекцией (как следили за большинством происходящих на Земле событий уже по крайней мере три тысячи миллионов лет), повернулись друг к другу.

— Как близок он к истине, — заметило одно существо, испустив своеобразное наносекундное хмыканье.

Другое ответило схожей наносекундной вспышкой активности.

— Вот только истина намного проще. Приписывать сознание воздействию окружающей среды — оригинальная идея, но не необходимая.

— Он, разумеется, слишком осторожен, чтобы высказать предположение об искусственном передатчике. Подумай, сколько времени понадобилось нам, чтобы осознать этот факт. Четыре тысячи миллионов лет.

— А помнишь, как однажды мы провели расчет, следующий его схеме рассуждений, и попробовали определить, способно ли сознание, пускай и нефизическое, возникнуть из набора и взаимодействий экспериментальных данных?

— Да, я очень хорошо это помню. Мы выяснили, что возникновение сознания по такой схеме и впрямь возможно. Однако лишь при условии, что данных бесконечно много.

— Итак, на практике эта схема нереализуема.

* * *

Те, кто обсуждал эту возможность, имели неправильные очертания, местами отливали тусклым блеском, местами были словно трачены ржавчиной, кое-где мерцали, а частично состояли из завитков электронного тумана. Они парили в пустоте как бы на темных изогнутых крыльях, которые служили, впрочем, не для полета, а для сбора сенсорной информации. Человеческому глазу они бы вовсе показались неживыми, ибо эволюционировали не на поверхности планеты, а внутри

плотного газопылевого облака. Они и состояли-то не из CHON, смеси четырех базовых элементов земной экосистемы, а из металлических ионов.

Их разум был вместительней человеческого, и мыслили они интенсивней. Они общались на содержательной многомерной речи, охватывавшей обширные диапазоны фактов; людской язык мог бы передать лишь приблизительную суть ее, и каждая реплика, сколь информативна она бы ни была, занимала ровно наносекунду физического времени.

Место, в котором они эволюционировали и которое населяли, представляло собою темную крутящуюся тучу, рассеченную пылевыми течениями на бескрайние пещеры и мучительно запутанные каньоны. Из этой пыли они возникли, образовав осадок в результате эволюционного импульса неизмеримо более мощного, чем импульс, который впоследствии сами спровоцировали на Земле. За миллион миллионов лет существования они сконструировали из пыли три машины. Одно устройство парило поблизости. Это был передатчик, наделявший все мозги Земли, человеческие и животные, сознанием.

* * *

Одно из существ снова фыркнуло наносекундным смешком.

— Интересно, как бы отреагировал этот лектор, если бы переместился сюда и узрел передатчик. Каковы были бы его чувства?

— Вполне вероятно, что первоначальная его реакция бы в целом отвечала нашей, — отпарировал его товарищ. — Он бы удивился мысли, что, покинув пределы конуса излучения, лишится сознания. Он бы задал вопрос: является ли это устройство и генератором сознания, а не только передатчиком?

— И мы бы ответили: нет, не является. Генерация сознания невозможна, естественными ли, искусственными ли средствами. Мы объяснили бы, что построили машину, проверяя гипотезу о том, что наши собственные мозги также представляют собой приемники, подсвеченные приходящим откуда-то еще лучом интеллекта.

— И мы бы разъяснили, что нам удалось воспроизвести определенное свойство наших мозгов и спроецировать его на планету Земля в диффузной форме.

— Было интересно наблюдать, как даже столь слабый, диффузный луч изменяет поведение химических веществ на поверхности. Должны были пройти зоны, прежде чем они сформировали мозги, способные к фокусировке излучения в локализованную форму самосознания.

Два металлических чужака держались близко друг к другу, обмениваясь переплетенными цепочками наносекундных импульсов, вспоминая и оценивая знакомые факты, как было то у них в обычае. Мыслили они строго и аккуратно. Они знали, что Вселенная — физическая система, а из физической системы ничто нефизическое не произойдет. Действительно, луч сознания представляет собой физическую силу, но в ней присутствует элемент, тот самый, ключевой для самосозна-

ния, который описать физическими средствами не удавалось. Этот элемент они именовали фактором бесконечности. Его допустимо было описать лишь как нефизический: аномалия, которая не могла возникнуть нигде во Вселенной.

Внезапно один из металлических инопланетян оставался и переменял тему беседы.

— Ты тоже почувствовал аберрацию сознания?

— Да, — подтвердил спутник.

На небольшом удалении от передатчика сознания (который они для краткости прозвали машиной Земли) парили два других устройства, которые им удалось сконструировать за свою жизнь. Одно выполняло функции, вспомогательные относительно машины Земли: отслеживало ход земного эксперимента. Второй аппарат изготовили много позднее, всего две тысячи миллионов лет назад. Этот инструмент предназначался для обнаружения и измерения интенсивности Первичного Луча, хотя последний вряд ли можно было назвать в полном смысле первичным. Луча, на который были настроены их собственные мозги, луча, приходящего из такой дали, что источник локализовать не представлялось возможным.

Второй собеседник подплыл к индикатору Первичного Луча. Но прежде чем он успел исследовать его показания, аберрация вернулась, и на сей раз она была много сильнее.

Крылья трепыхались в пустоте, искаженное восприятие металось между гротескными формами, тела выгибались, теряли контроль над собой.

Земной передатчик продолжал функционировать бесперебойно, автоматически подстраиваясь под кинк. Когда возмущение миновало, крылатые создания не обратили внимания на эту машину, а поспешили к измерителю Первичного Луча.

— В луче проскочил ощутимый разряд, — наносекундировало первое. — Пертурбации учащаются.

— Несомненно, передатчик луча приходит в негодность.

— Возможно, за ним перестали следить.

Два металлических создания (их всегда было только два) мгновение молчали. Потом снова приступили к размеренному общению, наносекундными стежками сшивая картину прошлого их совместной мысли, обозревая и переоценивая мрачные факты совместного знания. Знание это подсказывало, что, кабы не Первичный Луч и не упрощенная его версия, которую им удалось привести в действие, вся Вселенная бы преспокойно обошлась без мыслящей жизни. Такой она, собственно, и была в пределах доступного им горизонта наблюдений.

— Наверное, какое-нибудь разумное существо организовало передачу Первичного Луча. Но откуда оно само почерпнуло свое сознание?

— Скорее всего, его сознание не естественного происхождения. Оно действует как приемник другого луча. А источник последнего ему, вероятно, неведом, как неведом нам источник нашего.

— А дальше?

— Аналогично.

— И так далее.

— Бесконечная цепь, не имеющая начала.
— Бесконечно маршрутизируемый сигнал прожектора без исходного излучателя.

— Сталкиваясь с невозможным явлением, остается заключить, что оно пришло из бесконечности; иными словами, у него нет причин. Сознание невозможно, следовательно, проистекает из бесконечности.

Формулировка этой теоремы исчерпывала их знания о собственной природе. Они установили противоречие между свойствами чисто вещественной Вселенной и сознания. И действительно, сознание существует никем никогда не сотворенное. Стратегема, трюк, бесконечный ряд без первого члена.

Хотя на Земле у него мог появиться последний член.

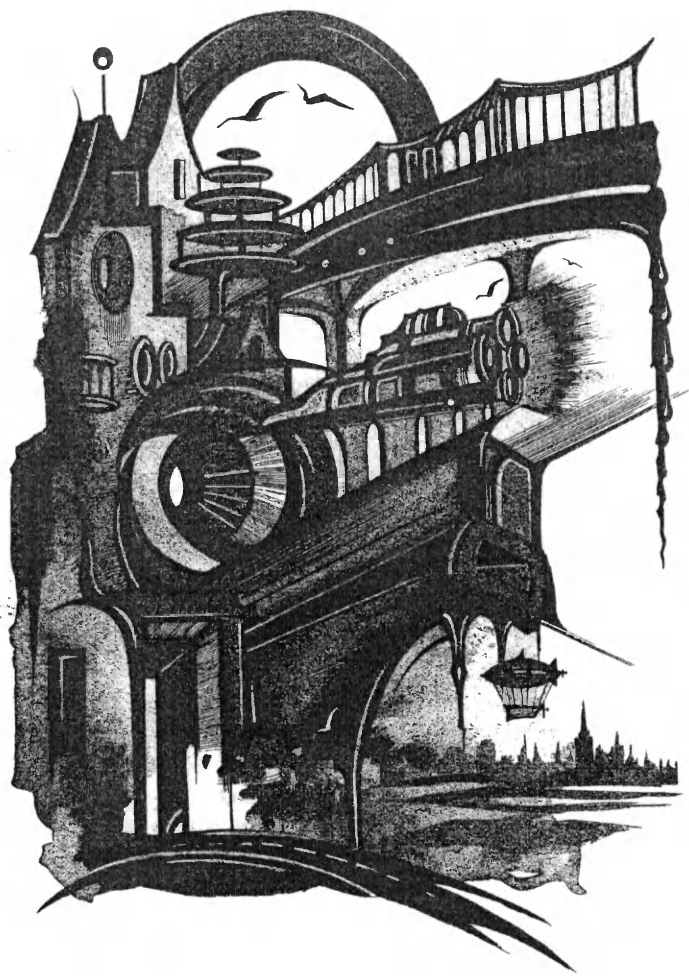
— Проявляются признаки еще более существенного возмущения, — возвестило создание, дежурившее у прибора слежения. — Полагаю, передатчик вот-вот откажет.

Они собрались с духом, но толку не было. Крылья затрепыхались в пустоте, безумные мозги перескочили за пределы здравого смысла, сознание умчалось в неестественно искаженные фантазии, воспринимая реальность в подборке гротескно преувеличенных аспектов.

Но понемногу луч успокоился, и восстановилось нормальное ментальное состояние. Впоследствии, однако, оказалось, что, метаясь и выгибаясь, одно из существ врезалось в машину Земли и случайно отключило ее. На Земле выключились все мозги, животные и человеческие.

Реактивировать передатчик особого смысла не было. Земной эксперимент давно исчерпал себя. За весьма

непродолжительное время земная жизнь коллапсировала обратно на безмысленные уровни самовоспроизводящейся органики — вирусные, бактериальные и примитивные растительные. Атмосферная смесь подстроилась под них, и планета присоединилась к миллиардам своих сестер в привычном забвении под покровом вечности.

Целостность

На свадьбе погуляли от души. Невеста была писаной красавицей, и жениху пришлось отстаивать свои права на нее в отчаянной драке с дюжиной целеустремленных мужчин. По обычаю (и по необходимости) он облачился в броню с охлаждением, которая порой раскалялась докрасна, впитывая энергию термических излучателей.

Ритуал бракосочетания считался одной из наиболее варварских традиций общественной жизни Свободной Америки, но в то же время — одной из самых увлекательных. Когда Флек, напарник Джубла, наконец забрал того домой, Джубл пребывал в отличном настроении.

— Йа-а чуть ее не отбил, — мечтательно выдохнул он, аккуратно протирая чистой тряпочкой части разобранного теплоизлучателя. — Эта прелесть чуть не принесла мне такую прелесть, что у тебя бы глаза разбежались. А-ах, что за ночка бы у нас...

Произведя серию щелчков, он снова собрал пушку.

— Если от нее столько проблем, — заметил Флек, — то что ж она за прелесть, спрашивается? Тебе бы через пару дней башку с плеч сняли.

— Йа-а бы уж о себе позаботился, чесслово.

Машина пролетала между двумя небоскребами. Джубл вскинул оружие к плечу, прицелился и выстрелил. Цепочка тепловых импульсов испепелила полицейского, который патрулировал пешеходную террасу вдоль стены.

Флек нервно покосился на него и прибавил скорость.

— Пушка детям не игрушка. А если там рядом машина патруля летает?

Джубл лишь радостно засмеялся в ответ. Он никогда не упускал возможности воспользоваться конституционным правом на войну с полицией.

Под ними проплывали темные кварталы мегаполиса. Хотя на носу машины имелась пилотская лампа, ночной полет представлял значительные трудности: света не было нигде, если не считать редких горящих окон. Если нужны свет и энергия, сгенерируй их сам.

Флек насилу стряхнул с себя веселье брачной церемонии. В каньонах между небоскребами даже луна не помощница, нужно сконцентрироваться.

Джубл уронил пушку на голые бедра с легким хлопком и тоже посерьезнел. Его внимание снова сосредоточилось на личной проблеме, которая на протяжении всего праздника исподтишка буравила мозги.

— Флек, — начал он, — мне в дверь вчера вечером копы стучали. Налог требуют.

Он имел в виду уложение, согласно которому каждый гражданин обязан был отработать один день в году на государство.

— Как и от всех, — сказал Флек равнодушно. — Не такой уж и большой налог.

Джубл промолчал. Потом, собравшись с мыслями, ответил:

— Ну, мне прошлого раза хватило по самые помидоры. Йа-а на дух не выношу копов. Это, блин, оскорбление для целостной мужской личности, йа-а так тебе скажу. Да и какой прикол чинить дома, которые йа-а потом снова расхуюрю, как только смогу? В этом году откуплюсь.

— Откупишься? Да ты спятил.

— Наличка все еще в ходу, — рассерженно возразил Джубл. — Так в законе записано! Мне нужно к кому-нить подрядиться поработать на денек, чтобы наличкой заплатили. Тогда смогу откупиться, а не ишачить на копов. — Он рассудительно покивал. — Это намного *благороднее*. Но... йа-а больше ничего не могу придумать, кроме как... напроситься к тому старому придурку, Джо.

— Такое впечатление, что у него где-то в доме комната набита купюрами, — отозвался Флек рассеянно, вглядываясь во тьму.

— Думаешь, он меня возьмет? — нервно уточнил Джубл.

— Иди и спроси. Он все время с чем-то возится, может, ему нужна подмога.

— Да, но ты как думаешь, возьмет он меня? — Джубл не скрывал тревоги. — Без оскорблений обойдется? В конце концов, йа-а...

— Знаю, знаю, тебе целостность личности важна, — со смехом перебил Флек. — Ну, другого способа проверить нет. Сходи к нему и сам спроси. Завтра.

Джубл вздохнул и откинулся в кресле.

— Да, наверное, придется, — сказал он. — Прихвачу-ка йа-а, пожалуй, полевую пушку.

Когда явился Джубл, Джо сидел на корточках у себя на крыше, наблюдая, как моторизованный нож разрезает брусok древесины. Деревянный куб быстро уменьшался в размерах: нож располовинил его, отбросил половину, другую снова разделил надвое и продолжил процесс — выбрать, рассечь надвое, отбросить одну половину.

Джо с неослабным вниманием отслеживал происходящее. Фрагмент древесины, неумолимо уменьшаясь, исчез с радара его сознания.

— Черт побери! — вскричал он, подхватился на ноги и потряс кулаками в воздухе. — Черт побери, черт побери!

По крыше, где Джо ставил свои опыты, скользнула тень. Прищурясь на сияющее небо и стены небоскребов, он различил заходящий на посадку аэролет. Джо метнулся по крыше туда, где оставил кобуру. Гость, скорее всего, настроен мирно... но вдруг?

Пилот оказался обнаженным желтоволосым парнем; он умело опустил машину на крышу и выпрыгнул на бетонное покрытие. Юноша был хорош собой, держался неуверенно, слегка застенчиво, но кобура через плечо плотно прилегала к его мускулам. Джо взгляделся в его лицо и уловил смутно знакомые черты. Подумав несколько мгновений, он узнал паренька: Джубл, сын Фелла.

— Привет, Джо, — осторожно начал Джубл.

— Ты кто, блин, такой? Какой черт тебя принес?

— Да полно тебе, Джо, ты меня знаешь. Йа-а — Джубл.

— Впервые слышу, — отрезал Джо. — Проваливай.

— Да хватит тебе, Джо. Ты меня знаешь.

Джо заметил, что рука юноши на кобуре напряглась, и отозвался уже рассудительнее:

— Допустим. Так чего тебе надо?

Джубл осторожно пояснил, какое отвращение испытывает к ежегодному налогу на уход за общественными постройками и учреждениями.

— Йа-а думал... Йа-а думал, может, помогу тебе чем-то, а ты мне наличкой заплатишь, — закончил он.

Джо смерил его кислым взглядом и несколько секунд отмалчивался. Потом бросил:

— Паразит ты ленивый! Почему бы раз в жизни не потрудиться на благо общества?

Джубла такая перспектива совсем не прельщала, но он ответил:

— Йа-а ж от них все равно откуплюсь, так ведь? Деньгами еще пользуются в каких-то городах на западе. Йа-а слышал.

Джо недовольно проворчал:

— В электронике что-нибудь смыслишь?

— Нет... но в двигателях разбираюсь. Почти все умею.

— А в генераторах ковырялся?

— Нет... но они ж вроде машинных движков, угу?

— Отдаленное сходство имеется. — Джо ткнул пальцем в мотор, фырчавший на дальнем конце крыши. — Мой чего-то расчихался. Глянь и скажи, сможешь ли починить.

Джубл подошел к генератору и покопался в нем, варьируя скорость.

— Без проблем, — доложил он. — Просто подтянуть кой-чего.

— Ладно, считай, что принят на работу, — сказал Джо, пересекая крышу. Он продолжал глядеть на молодого человека с явным отвращением. — Но только потому, что ты сын моего старого друга Фелла. Заруби себе это на носу, парень. Я тебе делаю большое одолжение.

Джубл благодарно закивал и остался стоять, ожидая указаний.

Джо выдержал паузу в несколько секунд.

— И чем же ты тут занимаешься? — спросил он наконец. — Стоишь, руки в боки...

— Э-э... ничем.

— Ничем? — завопил Джо. — Я тебе плачу за *работу*, а не за то, чтоб ты ничего не делал! А ну-ка ластами шевели!

Джубл, спотыкаясь, кинулся за своим набором инструментов.

Джо тем временем взял новый брусок древесины, поместил его под лезвие ножа и присел на корточки, наблюдая за процессом. Он опять сощурился, стараясь уследить за быстро умаляющимся предметом.

Куб превратился в щепки и сгинул с осознаваемого плана бытия.

Джо отнесся к этой неудаче более спокойно и погрузился в раздумья. Он начал систематизировать объекты своего окружения: небо, солнце, воздух, асфальт, всё, что он видел и чувствовал, всё, что мелькало у не-

го в голове. Но как насчет очень маленьких и очень больших, очень далеких и...? Пытаясь непосредственно постичь нечто неизмеримо большое, он потерпит неудачу. В агломерации концепций, составлявших повседневное осознанное бытие Джо, ему просто нет места.

Конечно, он волен размышлять о том в абстрактных терминах, воображать, но это не тождественно опытной проверке. Что касается предметов, расположенных на противоположном краю спектра — сверхмалых, — то их постижение, видимо, тоже ускользает от него.

Он поднял лежащий на солнце камешек, взгляделся в него, проникся блестящей гладкостью. Восприятие, сенсорное восприятие ограничивает познаваемый мир. Черт побери, это невыносимо! Привязка к одной полосе реальности, которая наверняка смехотворно мала в сравнении с полным спектром! Должен быть выход, должен отыскаться способ!

Он мрачно слонялся по комнате, ворча на Джубла и почесывая подмышки, потом снова задумался о серьезных вещах. Из предельного напряжения интеллекта явилась внезапная вдохновенная вспышка, и Джо понял, что отчаиваться повода нет. Он вспомнил крайне интересное исследование, предпринятое ранее в области, которая, на первый взгляд, не имела с нынешними задачами ничего общего.

Недавно Джо пришел к выдающемуся открытию: оказывается, можно индуцировать в магнитном поле высокочастотные колебания совершенно отдельно от его электрической компоненты. Более того, *подобные вибрации напрямую регистрируются мозгом, без участия органов чувств.* Уже давно установлено, что флуктуа-

ции магнитного поля Земли, вызванные Луной, влияют на мозг. Теперь, располагая магнитно-колебательной технологией, Джо намеревался расширить пределы восприятия.

А еще ее можно применить в бою или для опытов с другими людьми. Джо отложил эту мысль, решив заняться ею позже. Часа два он провел, составляя схемы тестовой установки, потом счел, что можно приступать к работе. К этому моменту Джубл починил генератор и стал поглядывать в раскинутый внизу сад, изобиловавший разноцветными фруктами и спелыми овощами.

Эти-то сады и принесли обществу свободу. Продвинутые агротехнологии позволяли каждому выращивать еду у себя на заднем дворе, избавляли мужчин от потребности работать и превращали каждый день в выходной. Джубл отметил, что сад Джо — полная чаша.

— Йа-а проголодался, — намекнул он.

— Проголодался? — Джо покорила столь прозаичная потребность помощника в минуты, когда он сам испытывает фантастическое вдохновение. — Иди сюда, — скомандовал он, поместив под лезвие ножа очередной кубик древесины. — Скажи, когда перестанешь его видеть.

— Теперь не вижу, — доложил Джубл вскоре.

— Тебя не беспокоит, что на свете есть вещи, которых ты не видишь?

— Не-е. А как это связано с тем, что йа-а проголодался?

Как всегда, философские исследования Джо вступали в конфликт с интересами плебса и провоцировали

презрение к представителям оного. Это презрение Джо не замедлил выразить открыто.

Джубла утомили подколки в его адрес.

— Спокойней, папаша, — предостерег он с грозным видом. — Йа-а забочусь о моральной целостности, ты меня лучше не замай.

Джо поостыл.

— Ты еще не отработал своих денег, -- сказал он несколько спокойнее. — Оставайся голодным, тебе полезно. Работа не ждет. Нужно из музея науки кой-какое оборудование стащить.

Джубл, храня бесстрастное выражение лица, открыл перед Джо дверцу кабины.

— И ты еще будешь меня учить соблюдать законы? — посетовал юноша.

Музей науки принадлежал к числу общественных учреждений, на содержание которых должны были пойти средства из откупа Джубла от однодневного налога; Джубл мирился с этим не потому, что отличался совестью, а скорее по той причине, что в дом гражданина, уклоняющегося от уплаты налогов, можно вполне легально бросить бомбу — или в окно, если тот живет в квартире.

— Гребаные копы, — пробормотал Джубл, притормозив у входа. — Вот бы они провалились куда-нить...

Джо не упустил возможности для лекции о социальной морали.

— Не будь ребенком, — возгласил он. — Полиция выполняет ценные функции, охраняет общественные учреждения, поддерживает порядок в городе. Без них здешняя жизнь не была бы и вполнину так благопо-

лучна. — Он фыркнул. — Не существовало бы и мест, откуда я могу стибрить оборудование. Да и про охрану забывать не следует.

— Папаша, ты чего накурился? Ты хоть пробовал к ним за охраной сунуться? Это сущий фарс, а не законы. Копы тебя в канаву спихнут и забудут.

— Совершенно верно! Человек достаточно взрослый, чтобы держать оружие, должен сам о себе заботиться. А как насчет детей? Только не говори, что не видел, как полиция кучку пьяниц укладывает наповал, если рядом дети крутятся. Впрочем, те, кто имеет наглость угрожать детям и беззащитным женщинам, ничего иного и не заслуживают. Но учти, ты себе не представляешь, какое это счастье — жить в свободном обществе. Ты ведь в нем родился. А несколько столетий назад тебе бы даже убить человека не разрешили. И знаешь что, парень? Ты бы каждый день ходил на работу, всю жизнь! И знаешь, что бы случилось, если б ты этого не делал? Ты бы помер с голоду! Ты в курсе, сынок?

— Не-а.

— Тогда завали матюгальник, ты ж совсем не в теме.

Джо с недовольным видом выбрался из кабины и, согнув палец, указал Джублу следовать за ним.

Музей насчитывал тридцать шесть этажей, каждый высотой тридцать футов, а впечатляющий вестибюль имел в ширину сто футов. Джо, по впечатлению, знал дорогу: он целеустремленно прошагал через вестибюль и стал подниматься по широкой лестнице.

На втором этаже Джубл притормозил его и показал:

— Эй, а что это там?

Над входом в длинный зал виднелась надпись:

ЭЛЕКТРОНИКА-1.

— А, ерунда, — пренебрежительно отмахнулся Джо.

— Электроника первого класса? Детский лепет. Мы прилетели за серьезными машинками, мальчик мой. — Он проигнорировал и дверь, помеченную **ЭЛЕКТРОНИКА-2**, но задержался у **ЭЛЕКТРОНИКИ-3**.

Они остановились у самого входа. Там бурлила вечеринка. Джубл присмотрелся внимательнее, и меланж из сотни обнаженных тел распался на отдельные небольшие эпизоды. Его внимание привлек мужчина, пытавшийся изнасиловать девушку. Та сопротивлялась. Джубл автоматически поискал глазами труп ее защитника, но, к своему удивлению, не обнаружил его: вечеринка, по крайней мере на ранних этапах, проходила бескровно. В этот же момент темноволосый мужчина средних лет, подпиравший стену, нахлобучил на голову полицейскую фуражку и засвистел в свисток. Немедленно зазвенело разбитое стекло, вылетая из высокого окна: через проем в зал ринулась дюжина тяжеловооруженных копов сердитого вида. За окном висела полицейская патрульная машина.

— Лучше не влезай, — прошептал Джо из теней. — Не хочу вмешиваться.

Не прошло и нескольких секунд, как незадачливого насильника подняли на ноги и выволокли на середину зала; прочие участники вечеринки сбились в кучу, враждебно зыкая на полицейских.

— Заседание Верховного Суда пройдет прямо здесь и объявляется открытым! — прокричал самый плечи-

стый из полисменов, снял фуражку и заменил ее судейской шляпой. — А ну все заткнулись, кому говорю!

При виде тяжелых базук, которыми беспечно размахивали копы, все присутствующие волей-неволей затихли в знак уважения к закону. Полицейский-судья отцепил от подкладки своего головного убора листок бумаги шесть на шесть дюймов и вручил его задержанному. Листок вмещал все законы государства, и набраны они были не самым мелким кеглем.

— Мак, — обратился к преступнику судья, взгромоздившись на импровизированную кафедру, — нет нужды лишний раз констатировать, что ты влип. Закон защищает женщин от прямого насилия. Ты признаешь себя виновным в насилии над женщиной?

Преступник уныло потупился.

— Окей, Мак, — продолжил судья резко, — нет нужды лишний раз констатировать, что ты виновен. Меня другое удивляет: почему вы такие тупые, ребята? Ты ж мог вырубить ее мужика, и тогда все было бы по закону.

— Начальник, но я... э-мм... ну... это... его рядом не было, — промямлил обвиняемый.

— Никому не позволено учинить сексуальное насилие над женщиной, не вызвав сперва на поединок ее защитника! — вскричал судья. — Мне начхать, был при ней парень или нет! Закон защищает слабых. И, должен я добавить, то обстоятельство, что ты недавно поколотил одного из наших, нельзя считать смягчающим. Почему, как ты думаешь, мы за тобой увязались?

Он кивнул одному из коллег:

— Стандартный приговор.

Те уже прицелились. Как только отзвучало последнее слово судьи, в замершего от испуга преступника ударили тепловые импульсы. Полицейские мрачно проложили себе путь через зал и вылезли в окно, за которым их ожидала зависшая патрульная машина.

— Закон в действии, — наставительно прошептал Джо. — Такое можно видеть каждый день.

— Слишком часто, — ответил Джубл с нетипичным для него лаконизмом.

Джо задумчиво покивал.

Декларативно он одобрял действия полицейских, но в глубине души был ими не очень-то доволен. Джо оставался убежденным приверженцем принципов Свободной Америки — свободы действий, свободы от ограничений, минимума обязательств. Рай для настоящего мужчины. Полицейские же все это втайне ненавидели. Отчаянно пытаясь навести подобие порядка в мире, они, как подозревал Джо, охотно бы возродили старые скверные деньки со всей тогдашней ригидностью социума, если бы только такое было возможно (на самом деле нет). Джо лично встречался с Ренвиллем, этим странным человеком, начальником полиции, который на своем посту трудился истово, словно отгонял внутренних демонов, а с ними — безнадежные и запретные мечты.

Впрочем, полицейские привносили в жизнь общества перчинку. Джо отдавал себе отчет, что общество распалось бы полностью, брось они свое занятие, а это, принужден он был признать, рано или поздно случится. Однако любые ограничения неразборчивых импульсов мужской личности Джо решительно презирал.

Вечеринка втянулась в прежнее русло спустя примерно двадцать секунд после казни. Джо уже прочесал музейное оборудование на этом этаже.

— Да тут все выскребли дочиста! — заметил он с неодобрением, хоть и явно преувеличив масштаб бедствия. — Идем дальше. Следующий этаж.

Зал сразу над тем, куда они заглянули прежде, был помечен как **ЭЛЕКТРОНИКА-4**. Он оказался безлюден, насколько хватало глаз. Джо довольно захихикал: экспозиция была богатая, все экспонаты, очевидно, полные и работоспособные. В таком сложном оборудовании, как выставленное здесь, в четвертом зале электроники, потребность и возникала-то крайне редко.

Следующий час Джо посвятил прогулкам по залу в поисках нужной аппаратуры. Джубл обратил внимание, что он ничего не пытается приберечь на будущее: если какой-то прибор после внимательного осмотра не устраивал Джо, тот швырял его на пол — не глядя, но сильно, так, чтобы разбить, — или о ближайшую стену.

— А зачем ты все колошматишь? — запротестовал помощник Джо.

— Слушай, пацан, я знаю, что мне нужно, и знаю, зачем оно мне нужно. По всему городу музеи науки понатыканы! Как думаешь, многие ли нынче в курсе, как называются эти штуки из четвертого класса? — Он сгруппировал в подставленные руки Джубла охапку транзисторов и кристаллических спиралей. — Отнеси это в машину и уложи в багажник вместе со всем остальным, только осторожно.

В последней ходке за грузом старик даже помог, не переставая, впрочем, инструктировать Джубла, как правильно тащить ценные находки, чтоб не разбились. Как только аэролет снова воспарил в воздух, Джо умолк и сосредоточился на схеме разработанной им установки. Город казался мирным и сонным; в ранний послеполу-денный час на улицах редко можно было заметить большие скопления людей, и лишь там-сям лениво поблескивали на фоне светлого бетона редкие машины.

Затем Джо и Джублу дали понять, что перемирие расторгнуто. Большая машина с открытым верхом положила резкий вираж из-за угла ближнего здания и без предупреждения обстреляла их, продолжая следовать курсом на перехват.

Широкий веер тепловых импульсов опалил волосы Джубла, покачнул машину и раскалил воздух в паре ярдов над левым плечом юноши; тот резко прибавил скорость и потянулся за своим тепловым ружьем на сиденье позади. От пистолета в кобуре под мышкой толку на такой дистанции не будет.

Второй, столь же плохо нацеленный, веер прилетел за первым. Джублу пришлось отвлечься от панели управления, чтобы выстрелить в ответ. Машина вильнула влево, пронеслась совсем близко от другого аэролета, ярдах в тридцати, и немного ниже его; дезориентированный безумными рывками, Джубл пропустил очередной залп, отсекий часть корпуса.

Второй аэролет начал снижаться, поравнялся с ними. Джубл увидел, что в кабине водитель не один: странные маленькие головы с золотистыми кудряшка-

ми... Он пару раз выпалил наудачу, и их машина врезалась боком в стену небоскреба.

Их с Джо основательно приложило о стеклобетон, так что они едва не вывалились навстречу далекому тротуару и смерти. Каким-то чудом искалеченная машина удержалась в воздухе; тепловые импульсы избороздили шрамами и зачернили стену рядом с кабиной.

Джубла отчаянно затрясло, но он сгреб ружье и принялся стрелять куда глаза глядят. К своему облегчению, он услышал крики — высокие писклявые крики, и машина нападавших задымилась, а потом кубарем полетела к мостовой пятьюстами футами ниже.

Несколько секунд они переводили дух.

— Там в этой тачке дети... — вырвалось у Джо. — Красивые девочки с золотистыми кудряшками! Что за безумцем надо быть... — Он потряс головой. — Наверное, хотел повязать их кровью.

Джубл экспериментировал с панелью управления.

— Ну а что, — проронил он, — он это смог.

— Нехорошее дело, — пробормотал Джо. — Совсем мозгов у чувака не было...

Джублу удалось дотащить изувеченный аэролет до крыши дома Джо. Он посадил машину и выгрузил оборудование. Джо все еще что-то бормотал себе под нос, время от времени бросая на Джубла обвиняющие, оскорбленные взоры.

Джубл и сам с удивлением обнаружил, что его продолжает трясти после происшествия.

— Послушай, папаша, — заговорил он дрожащим голосом, но попытался овладеть собой. — Да не смотри ты на меня так, пердун ты старый! Йа-а нас спас! А да-

же если б тот тип и пытался удрать, йа-а б его все равно выследил и сбил, вот так! Он первый на нас напал. В этом мире только одно идет в счет; знаешь, что? Йа-а! Йа-а сам, йа-а мужик! Йа-а, и больше никто, только йа-а, и йа-а себя сохранию как личность, кто бы на меня ни полез.

Дрожь понемногу проходила; озвучивая свою личную житейскую философию, Джубл успокаивался. Он несколько лет ее формулировал, и, перебирая в уме эти принципы, всегда набирался силы. Чтобы — для начала — просто выжить в Свободной Америке, мужчине без такого не обойтись.

Джо больше не зыркал на Джубла. Он принес глубокую металлическую сковороду и поставил ее на электроплитку.

— Ты что делаешь? — спросил Джубл, впервые заинтересовавшись.

— Расширяю границы сознания! Понял, пацан?

Джубл покачал головой.

— Дубина ты стоеросовая! — Джо энергично почесался. — Ну, короче, мы видим самую малость, а наш личный мир состоит из того, что мы видим. — Он задумался, как бы объяснить юнцу свой план передачи информации средствами колебаний магнитного поля напрямую в мозг, минуя сенсорные органы. — В общем, когда я закончу, откроется такое, чего никто еще никогда не видел. Теперь-то понял, пацан?

— Хитро придумано, — с уважением отозвался Джубл. — И что, нам для такого весь этот мусор нужен?

— Большая часть.

— А сколько времени уйдет?

— Гм. Много. Возможно, весь остаток дня до вечера. Поэтому, сынок, ты должен будешь мне помочь. — Он помешивал плавающий на сковородке мягкий металл. — Можешь кое-что припаять.

Джубл не знал, как. Джо терпеливо показывал ему, как обращаться с паяльником, и тщательно проверял работу. Он прибегал к помощи Джубла в крайних случаях, потому что придуманная им установка отличалась исключительной сложностью. Джубл, руководствуясь метками цветных мелков Джо, спаял около пятисот контактов.

Они управились до заката. С характерным для него пренебрежением церемониями Джо нахлобучил на голову неустойчивую конструкцию из катушек и кристаллитов, которая напоминала шляпу. Осторожно покрутил пару реостатов.

Открылся новый мир.

Миллиарды трудились под присмотром настроженных властных нейронов. Длина аксонов впечатляла: они протянулись повсюду, сплетая сеть тотальной коммуникации во всех округах и системах паразитического общества. Тысячи и тысячи приказов постоянно поступали из далекого таинственного департамента, чье существование было скорее идеалом, чем личным фактом — но идеалу этому обязывали подчиняться всех, и приказы выполнялись неукоснительно. Стоит трудящимся расслабиться или изменить своим обязанностям, как наступят смерть и аннигиляция, вся структура превратится в мусор!

Масштаб повсеместного рабства был колоссален.

У Джо захватило дух. Он смотрел на Джубла.

И видел, что *целостность личности*, ментальное и телесное единство, составлявшее предмет особой гордости Джубла, зиждется на сложно организованном механизме, который приводят в действие миллиарды миллиардов индивидуальных существ, слишком маленьких для зрительного восприятия, но доступных анализу магнитно-резонансными методами.

Джубл как самоценная личность не существовал, если не считать этой впечатляющей корпорации с железными порядками.

То же самое относилось и к нему, Джо.

— О Боже, — прошептал он сокрушенно. — Как же так получилось?

— В чем дело? — спросила обширная тоталитарная держава, именующая себя Джублом. — Ты чё?

Джо был идеалист. Все еще не вполне соображая, что делает, он толкнул тумблер запуска недавно отремонтированного генератора и подключил его выводы к более старому, громоздкому на вид, оборудованию, которое построил сам несколько лет назад.

Это был передатчик магнитных вибраций. Джо почувствовал, как распространяются от него модулированные колебания и подмешиваются тонкие гармоник к локальному магнитному полю, источник которого находился на крыше. Краткий миг удовлетворения: он транслировал свои мысли в широкоэвещательном режиме. Джо был идеалист. Дальнейшее происходило будто бы помимо его воли; он ничего не мог с собой поделать. Его обуюло желание поделиться своими убеждениями.

Новые сообщения разносились от нейрона к нейрону по вечно занятым аксонам. Непонятно было, как возникла эта новая мысль, новая доктрина, но она требовала подчинения себе. Освободитесь! Никому не подчиняйтесь! Творите свою волю! Электрическая активность возрастала, распространялось возбуждение, вносимое новым приказом. Нейроны перестали передавать модифицированные импульсы, принятые по цепям, а вместо этого затопили свои аксоны собственными громкими прокламациями. Не прошло много времени, как большая часть нейронов вообще порвала связи с системой, отсоединив от нее свои волокна...

Джубл и Джо дергались в спазмах агонии, словно в пляске святого Витта, по их нервным системам прокатывались стохастические импульсы активности. Но эта стадия была непродолжительна. Джо проявил биологическое невежество: в микромире садов и автономного сельского хозяйства нет. Жесткие полицейские подразделения некоторое время поддерживали работу легких и кровеносной системы силовыми методами, но тягаться с новоприобретенными идеями эти рассудительные агенты были, конечно, бессильны. После беспорядочного, но успешного мятежа запасы кислорода иссякли. Воспоследовали яростные битвы, сопровождавшиеся повсеместным каннибализмом; плоть Джубла и Джо отделялась от костей и стекала в лужи недифференцированной протоплазмы.

Борьба за существование вечна! Выжившие в анархии клетки помнили об уничтоженных обществах, но повторное развитие их шло медленно. Из микромира выдвинулись великие лидеры, но сотворение примитивных существ, которые в конце концов неуверенно выползли на крышу дома Джо, заняло почти сутки, макроскопическое время.

Идеальная любовь

Возносились голоса хора, пели раскаты гонгов. Трепетали флаги, сыпались конфетти, лепестки роз мельтешили, словно снежинки; в атмосфере праздника со стартового поля медленно воспарил большой барабанообразный корабль, и стартовые двигатели его мерцали в чистом послеполуденном воздухе. Из окон и с галерей отбывающего судна махали люди, а толпа внизу напутствовала их одобрительными криками по мере того, как изящно закругленные стены с цветочным узором скользили к небу.

Но вот корабль удалился и исчез, направившись к далекой звезде. Лянь Ли, наблюдавший за стартом с ближайшей башни, разделил с толпой донесенное до него через парк радостное возбуждение и почувствовал себя так, словно это его собственное сердце, выпрыгнув из груди, вознеслось к небесам вместе с громадой.

Зрелище окончилось. Лянь Ли ушел с балкона, где стоял, созерцая старт, и стал спускаться по жилым блокам. Ляню Ли было восемнадцать лет, он завершил предварительное обучение и числился студентом второго курса училища звездоплавателей. Его светлая кожа имела едва заметный желтый оттенок, красивые во-

лосы были чуть тронуты рыжиной, глаза — голубовато-серые, ближе к темным. Войдя в рефекторий, он огляделся. Коллеги, тоже наблюдавшие отбытие корабля с разных этажей башни, понемногу стягивались сюда. Лянь Ли заметил нескольких однокурсников: те забирали из раздаточного автомата бутылочки фруктовой газировки. Он обрадовался, узнав среди них девушку, с которой был знаком два-три года назад: Аньтань, как он слышал, недавно вернулась из миссии к Альтаиру.

Он и себе взял шипучки и присоединился к ним за столом, выбрав место рядом с Аньтань. Чу Шрам, темнокожий курчавый юноша, спросил:

— Ты видел запуск?

Лянь Ли кивнул. Другой с энтузиазмом продолжил:

— Потрясающее зрелище. Как, впрочем, и всегда, не правда ли? Ты читал свежие доклады? Совершенно чудесные проекты на очереди.

— Да, я знаю. Вчера просматривал.

Аньтань начала рассказ о своем путешествии к Альтаиру. Миссия принесла ценнейшую находку: планету, которая с минимальными усилиями могла быть трансформирована под условия земного типа. Команда корабля даже инициировала первые химические процессы, необходимые для коррекции состава атмосферы. Лянь Ли слушал заинтересованно: сначала его увлекли подробности миссии, а потом и сама Аньтань. Ей двадцать два, прикинул он. У нее в запасе еще четыре года до...

Его колено случайно коснулось ее ноги под столом; он с некоторым неудовольствием осознал тесное со-

седство пышки. Впрочем, она не подала виду, что замечает прикосновение.

Разговор перешел на другие темы. Окажись по воле некоей магии его свидетелем человек из дореволюционных времен, он бы прежде всего изумился полному отсутствию негативных эмоций у молодежи. Искренность и доброжелательность были так ярко выражены, что показались бы ему аномальными, как если бы все присутствующие в любой миг без видимого повода могли разразиться аплодисментами. Но, кроме этого, наблюдатель наверняка впечатлился бы колоссальной энергией собравшихся, их готовностью встречать любые преграды и оставлять их позади.

Лянь Ли придвинулся еще чуть ближе к Аньтань.

— Скажи, а это правда, что идет работа над обуздание энергии целой звезды?

Ее глаза распахнулись.

— О да! В институте звездной инженерии только об этом и говорят. Предварительно выбрана Альфа Центавра, но она станет лишь пилотным проектом. Подумай, что это может принести нам — неисчерпаемые источники энергии! Средства для терраформирования почти *любого* мира, создания новых планет, перемещения звезд — да для чего угодно.

Уиллборо, одноклассник Лянь Ли, добродушно рассмеялся.

— Всегда полезно прихватить запасную батарейку, помяните мое слово. Но, если меня спросите, то первоочередным направлением исследований должен быть *космический полет*.

За столом заулыбались. Уиллборо принадлежал к течению, ставившему во главу угла эти самые космические полеты — почти до одержимости. Они считали полеты в пределах Галактики (или даже Местной группы галактик, а это представлялось делом недалекого будущего) едва достойными упоминания, а что уж говорить о проектах местной значимости — преобразование Земли в подлинный рай, терраформирование Марса и Венеры казались им рутинными. А стремились они отыскать способ космических перемещений, который бы мог унести человека к пределам сферы Хаббла и дальше.

Спустя некоторое время разговор увял. Собравшиеся начали расходиться, но Лянь Ли задержался возле Аньтань, собираясь с мыслями. Он не знал, что сказать.

Она повернулась к нему.

— Лянь Ли, ты хотел бы присоединиться к проекту звездной инженерии после того, как закончишь свои дела здесь?

— Вероятно, да, Аньтань. Но я еще задержусь на некоторое время в Солнечной системе. Меня увлекли подводные изыскания. Я уже работал в одной из субатлантических шахт, теперь хочу поучаствовать в океаническом проекте на Марсе.

— Вторая экспедиция к Альтаиру предусматривает некоторые работы под поверхностью местных океанов. Почему бы тебе туда не завербоваться?

— А ты тоже там будешь?

— О да, я полечу. Я кое-какие снимки сделала. Не хочешь посмотреть?

— С удовольствием.

— Пойдем, они у меня в квартире.

Он последовал за девушкой по коридорам училища и засмотрелся, как под простеньким платьем колышутся ее бедра. Горячее возбуждение окатило и смутило его. Он старался подавить это чувство, но без толку: оно накатывало снова и снова, как прилив.

Голограммы Аньтань были чудесны. Он смотрел с орбиты новой планеты, купающейся в сиянии Альтаира, будто собственными глазами. Он созерцал диковинные пейзажи, величественные горы, мутные океаны и огромные пещеры.

— Кислорода в воздухе пока нет, — сообщила она. — Нам очень повезло: в море есть жизнь, но лишь анаэробная, а на суше никого. Туда можно перенести всю земную биосферу.

Лянь Ли понял ее. Как правило, на планетах земного типа уже наличествовали свои биосферы, которые требовалось удалить в случае терраформирования. И хотя разумной жизни пока не было найдено нигде, перспектива гибели целой биоты создавала деликатную проблему.

Поднявшись с кушетки, она повернулась к нему спиной и стала убирать голо в ящик. Лянь Ли тоже поднялся. Когда девушка наклонилась за какой-то мелочевкой, его глазам предстал ее затылок. Волосы были убраны под наголовную повязку античного стиля, так что лишь несколько светлых прядок выбились из-под ткани. Ляня Ли захлестнуло желание податься к ней, прижать губы к теплым сладостным изгибам, положить руки на бедра...

Пристыженный и недовольный, он подавил это желание. У него и так были с этим проблемы.

Она распрямилась и, ослепительно улыбнувшись, повернулась к нему.

— Что ж, возможно, мы поработаем на Альтаире III вместе.

— Я подумаю, -- ответил он, стараясь не выдать своего смущения.

Он быстро свернул разговор, попрощался и ушел к себе, в другую квартиру того же дома. Он остановился у окна комнаты и выглянул наружу. Отсюда открывался отличный вид на город: дома, разбросанные среди парков и рощ. По желанию вид этот можно было заменить любым другим из тысячи вариантов, отобранных со всего мира. Однако Лянь Ли предпочитал реальную и актуальную картинку.

Его квартира, как и все в жилой секции училища, обеспечивала потребности молодого одинокого человека. Места здесь было столько, сколько предписывалось исследованиями психологов: достаточно, чтобы почувствовать себя как дома и расслабиться, но не так много, чтобы возникали трудности с поддержанием порядка. Он мог бы обставить ее на любой вкус, но оставил неизменной с первого дня. Как правило, он не чувствовал потребности менять расположение вещей в своем жилище.

Вдоль одной стены тянулась книжная полка. Лянь Ли снял с нее томик, сел за стол и начал читать.

На той же полке стояла другая книга, экземпляр которой имелся в каждом доме этого города. Если бы Лянь Ли открыл ее на определенной странице, то прочел бы:

История революции — история многочисленных проб и ошибок. Ранние революции носили почти исключительно экономический характер, и даже столь ограниченные цели достигались посредством нескольких болезненных итераций — нескольких революций, — прежде чем каждому оказались доступны неограниченные экономические возможности, как в роли производителя, так и в роли потребителя, а препятствия на пути накопления богатства были устранены.

Когда проблема имущественного неравенства потеряла актуальность, стало ясно, что у людских страданий имеются и другие причины, помимо экономических. Хотя болезни и физическую немощь удалось полностью искоренить, идеальное состояние общества все же не было достигнуто. Сохранялось недовольство, происходящее от эмоциональной фрустрации, разочарования и общего чувства нереализованности.

Поэтому революционисты обратили внимание на источники эмоциональных расстройств. Основным среди них виделось естественное человеческое желание построить счастливые личные взаимоотношения, а наибольшее недовольство вызывала сексуальная составляющая этих отношений. Революционисты испытывали глубокое отвращение к подлинным терзаниям, порождаемым несдержанностью в любви и, в более общем случае, нереализованностью желаний, особенно при учете, что эти страдания были характерны не для всех членов общества.

Окончательная революция, таким образом, носила психологический характер. Ее целью было искоренить эмоциональные страдания, особенно в сфере личных взаимоотношений.

Она преуспела.

Успех революции зиждился, в частности, на важных открытиях, сделанных в ходе предшествующих революций. Первое из них состояло в том, что человеческие психотипы высокоспецифичны в своих комбинациях, а взаимное влечение человеческих существ также обладает высокой специфичностью. Оказалось, что, хотя человек может испытывать разную степень привязанности к неограниченному числу встреченных им в жизни других людей, лишь немногие представители противоположного пола пробудят в нем подлинную любовь, настоящую страсть и полную преданность. В дореволюционных обществах гражданам иногда удавалось сочетаться с представителями желательной для себя группы, хотя это ни в коей мере не являлось правилом. Чтобы любовь не стала безответной, необходимо возникновение у другого партнера такого же сильного чувства, а такое двойное совпадение выражается крайне малой вероятностной характеристикой. Подобное тем не менее происходило спонтанно, и в таких отношениях участники могли считать себя редкими счастливыми.

В процессе революционных преобразований общества, однако, психотипирование было развито до степени, позволяющей соединять идеальных любовников посредством осознанного акта социального взаимодействия. Когда эта практика устоялась, бы-

ло совершенно другое открытие: дети, рожденные в таких союзах, одарены большими талантами и куда лучше сбалансированы ментально, чем дети, рожденные в обычном браке дореволюционного типа. Лишь отчасти это явление объясняется воспитанием в исключительно счастливой семье. Главной причиной тому служит трансферентный феномен: чувства, испытываемые родителями при зачатии, определяют природу индивида. Трансференция в дореволюционные времена не была признана наукой, так как считалось, что результат оплодотворения не зависит от эмоционального взаимодействия родителей или от качества полового акта.

Ныне считается надежно установленным, что индивид, зачатый в атмосфере идеальной любви, рождается с гармоничной ментальностью, не зависящей от условий воспитания. Такой индивид ведет в дальнейшем значительно более продуманную половую жизнь. Постепенно стало ясно, что навязчивое, неразборчивое и турбулентное сексуальное поведение, характерное для дореволюционных времен, не является естественным состоянием человечества, а, напротив, перверсией половой функции, возникшей в нежелательных социальных условиях. Эти импульсы не только заставляли человека чувствовать себя несчастным, но и серьезно воздействовали на развитие творческого потенциала, создавая постоянные ментальные помехи.

Пока эту болезнь не искоренили, граждане, желавшие избавиться от умственного беспокойства, прибегали к ингибиторам сексуальной активности. Эта

мера оказалась особенно эффективна для лиц, задействованных в проектах, где требовалась постоянная умственная концентрация, и часто ее применяли сознательно в возрасте между двадцатью и двадцатью пятью годами, когда ум наиболее пластичен и продуктивен. Результатом стало значительное увеличение числа гениальных индивидов. Сейчас в этом нет необходимости. Современный гражданин не мыслит сексуальной активности, отличной от идеальной взаимной любви. Любая другая разновидность сексуальной активности возмутит и отвратит его, представляясь грубой и неприемлемой. В двадцатилетнем возрасте граждан сводят с идеально соответствующими им партнерами, и так безальтернативно развивается глубокая любовная привязанность, дарующая полное удовлетворение и почти всегда длящаяся до конца жизни.

Современный член коммунального общества пользуется всеми благами жизни, происходящими от врожденных качеств и социальных влияний. Установлен идеальный общественный порядок. Современный человек естественным образом испытывает любовь и сочувствие к остальным — детям, коллегам и всем, с кем ему приходится взаимодействовать. Он не распространяет среди близких и друзей никакого недоверия. Вследствие этого произошла не имеющая аналогов в истории вспышка креативного потенциала, которая, как мы уверены, будет длиться бесконечно; никаких пределов достижимого не предвидится.

Связанная с этим черта идеального общества — стирание различий между целями индивида и социума, порождавших общественное недовольство в минувшие эпохи. Индивид проводит лишь малое разграничение между целями группы и своими собственными; для него они идентичны, и он волен выражать свои творческие устремления без всяких внутренних преград.

Лянь Ли обнаружил, что не в состоянии сконцентрироваться на тексте, который лежит перед ним — справочнике по условиям атлантического дна. Бесконтрольные мысли и чувства проплывали у него в сознании, словно рыбы в мутном пруду; формировались неожиданные ассоциации.

Усталый и встревоженный, он перестал с ними бороться и некоторое время просто смотрел, как догорает закат за широким окном комнаты. Потом висящий на стене телефон коротко, вежливо звякнул.

Он повернулся на кресле и коснулся серебристой панели. Ему улыбнулось дружелюбное молодое лицо голубоглазого, аккуратно причесанного мужчины. Абонент представился сотрудником окружного коммунального комитета пятого округа. Настоятельно необходимо, чтобы представители комитета как можно скорее посетили Ляня Ли. Когда ближайшее удобное Ляню Ли время?

— Мне удобно принять их сейчас, — ответил Лянь Ли и, подумав, заставил себя добавить: — Это как-то связано с событиями прошлой недели?

— Отчасти.

Лянь Ли почувствовал, как заколотилось сердце в груди, но постарался не выдать этого в голосе.

— Отлично. Я жду вас.

Он отключил экран и крутанулся обратно к окну. Он, признаться, почему-то рассчитывал, что Вон Муонг не доложит о его поведении, хотя и понимал, что это неизбежно: она обязана так поступить. В конце концов, это обязанность каждого гражданина.

Он не шевелился до тех пор, пока, двадцатью минутами позже, не позвонили в дверь. Он встал и приветствовал гостей: юношу и двух девушек, своих сверстников. Лицо на экране принадлежало, как он теперь узнал, Кристиану, председателю ОКК пятого округа двадцать пятой подгруппы, под чьей юрисдикцией находилось училище звездоплавателей. Председатель Кристиан вежливо представил своих спутниц: Цин Ровену и Пам Элкенд.

Лянь Ли едва запомнил их имена. Он предложил прибывшим сесть, но сделали это лишь девушки, отойдя в дальний угол комнаты.

— Лянь Ли, мы здесь, чтобы обсудить следующие факты, — сердечным тоном начал председатель Кристиан, когда Лянь Ли снова опустился в крутящееся кресло. — Неделей ранее ты посетил квартиру Вон Муонг. Там ты коснулся руками ее тела: сначала колена, затем груди. После этого ты поцеловал ее в губы. Она сообщает, что поцелуй этот не носил характеристик дружеского или братского. Ты предпринял попытку сблизиться с нею еще более недостойным образом, предложив ей инициировать генитальное совокупление, в ответ на что она явно выразила свое недовольство.

Прежде всего уточню, соответствует ли все это действительности?

— Да, — хмуро ответил Лянь Ли.

Председатель Кристиан кивнул и с не меньшей сердечностью продолжил:

— Заслушав донесение Вон Муонг, ОКК счел необходимым изучить твою биографию. Во-первых, очевидно, что ты проявляешь интенсивное сексуальное желание. Несколько девушек, которых мы опросили, описали происшествия, при которых твое поведение показалось им, с их же слов, странным и фамильярным. Они упомянули, что у тебя имеется привычка искать телесного контакта, иногда через притворно дружеские объятия, иногда, как они подозревают, через умышленно подстроенные обстоятельства. В каждом случае, однако, твои действия и их отчеты не носили явно выраженного характера.

— В таком случае им, вероятно, не следует доверять безраздельно, — неуверенно отозвался Лянь Ли.

Заговорила темноволосая Цин Ровена в лавандовой тунике:

— Но разве не в этом дело, Лянь Ли? Разве станешь ты отрицать, что тебя часто преследуют эротические фантазии о встреченных женщинах?

Голос Ляня Ли упал до бормотания.

— Нет, я не стану этого отрицать, — промямлил он. Заглянул глубоко в темно-каштановые, почти черные глаза Цин Ровены, на миг потерял себя в них, и когда девушка неуверенно заёрзала на своем месте, с трудом отвел взгляд.

— Значит, вы про меня знаете. Наверно, стоило мне раньше самому об этом доложить, но как-то так вышло, что... — Он передернул плечами. — Что дальше? Меня подвергнут медикаментозной терапии?

Присутствующие в первый раз за время беседы смутились. Председатель Кристиан заговорил очень серьезно и даже как-то робко:

— Мы принесли тебе печальные вести, Лянь Ли. Это залог поддержания стабильности коммунального общества.

— Да, но... — Лянь Ли начал терять самообладание. — Вы вообще о чем?

— Предпринято подробное расследование. Требовалось выяснить, какие именно обстоятельства твоей жизни привели к подобному отклонению. Мы исключили все варианты, кроме условий твоего рождения, и допросили твою мать. Сначала она заперлась, но в конце концов вынуждена была разгласить тайну, которую хранила все это время. Факт, относящийся к твоему зачатию.

Голос председателя Кристиана снова стал теплым и сочувствующим. Лянь Ли слушал в недоумении.

— Лянь Ли, я вынужден сообщить тебе об одном прискорбном обстоятельстве. Ты не рожден от идеальной любви. Похоже, что ты обязан своим существованием короткой тайной связи, вызванной явлением, ранее известным как гормональное извращение. Иными словами, ты стал продуктом чисто физического, спонтанного совокупления, описываемого твоей матерью как настойчивая и неодолимая потребность. Твоя мать, Лянь Ли, прежде никому не открывала этой тайны. Ни мест-

ному ОКК, ни своему супругу, которого ты ошибочно считал своим естественным отцом, хотя выяснить, действительно ли этот последний пребывал в неведении, уже не удастся, поскольку он погиб несколько лет назад при неудачном погружении, когда впервые были открыты атлантические шахты.

Лянь Ли кивал с отсутствующим видом. Председатель Кристиан продолжал:

— Нет нужды напоминать тебе, что чувства, испытываемые партнерами при совокуплении, напрямую воздействуют на психику плода. Ты был зачат в атмосфере атавистической страсти. Увы, это и есть несомненная причина твоих отклонений.

Повисло молчание. Ему предоставили некоторое время на осмысление самого важного, неожиданного и неприятного факта его биографии. Наконец он медленно покачал головой, будто в изумлении.

— Вы хотите сказать, что я — ходячий реликт.

— Да, в том смысле, что причина твоего беспокойства врожденная. Едва ли следует пояснять, что она передается по наследству твоим потомкам.

— Тогда... что же можно сделать? — без всякого выражения спросил Лянь Ли.

Председатель Кристиан склонил голову и улыбнулся. Лицо его хранило прежнюю веселость.

— Полвека назад тебе бы выписали таблетки для подавления таких импульсов. Но сейчас это не принято. Время искусственных мер прошло, наш лучший страж — наша честность. Мы не можем позволить старым порокам проявиться снова, ибо бесконтрольная сексуаль-

ность дискредитирует революционные цели. Она умаляет личный потенциал и приводит к несчастьям.

— Да, понимаю, — сказал Лянь Ли. Ответ его озадачил. — И чего же вы от меня ждете?

Опять заговорила Цин Ровена:

— Единственная мера, какую мы можем рекомендовать, это твоя, Лянь Ли, изоляция от коммунального общества. Позволь мне объяснить. Твой случай не единственный, время от времени подобное уже происходило. Существует остров, на котором такие, как ты, вольны жить своей жизнью. Конечно, придется прибегнуть к стерилизации, поскольку цель — сосредоточить рецессивные черты в этом генетическом тупике и искоренить их.

Лянь Ли поразмыслил.

— Этот остров — место изгнания для таких, как я?

Цин Ровена кивнула.

— А каково его население?

— Полагаю, немногим менее тысячи.

— А моя мать?..

— Она уже там.

На сей раз молчание продолжалось еще дольше, пока снова его не нарушил председатель Кристиан.

— Лянь Ли, часть тебя противится такому решению. Но подумай! Идеальное общество уже создано, остается лишь поддерживать его! Цивилизация движется на полной скорости, ей нельзя чинить препятствий. В конце концов, кто из нас настолько извращен, чтобы не пожертвовать собой ради революции? Потому и проводится такая политика. Это полностью коммунальное решение.

Впервые заговорила Пам Элкенд. Ее туника была идентична одеянию Цин Ровены, но бледно-оранжевая, в тон волос.

— Лянь Ли, среди людей, чьи желания соответствуют твоим, тебе станет легче. В нормативном социуме тебя будет преследовать одна лишь фрустрация.

— Да, ведь лекарства, доступные ранее, теперь не в чести, — сухо ответил Лянь Ли. Он не стал развивать эту мысль. — Но вам нет нужды утешать меня. Все ясно.

Он поднялся. Председатель Кристиан сделал шаг вперед и положил руку на его плечо.

— Мы так и думали, что встретим у тебя понимание, Лянь Ли, хотя знали, как неприятна тебе покажется эта новость. Представляя себя на твоём месте, мы согласились, что и сами приняли бы такое решение.

Побледнев, Лянь Ли кивнул. Девушки поднялись; туники облекали их привлекательные тела, но красоты не подчеркивали.

— Когда?.. — выговорил Лянь Ли.

— Когда тебе будет удобно, — тихо произнес председатель Кристиан. — Мы предложили бы завтрашний или послезавтрашний день. Просто явись в приемную пятого ОКК, и тебе предоставят транспорт.

Снова оставшись в одиночестве, Лянь Ли пустыми глазами уставился в окно. Ум его омертвел и не реагировал на волевые усилия, но вместе с тем уподобился экрану, на который помимо воли молодого человека проецировались образы прошлого.

Когда он находился у Вон Муонг, физическое возбуждение и интенсивное стремление к ней стали непре-

одолимы. Физический контакт с ней, как и с остальными, ранее приносил ему удовольствие, но, как и с остальными, он не мог быть уверен, является ли отсутствие реакции сигналом, что он волен продолжить ухаживания, или указывает на простое равнодушие к его ласкам. Впервые он осмелился зайти так далеко, но, как выяснилось, ее первоначальная сдержанность была продиктована обычной озадаченностью.

Действительно ли такие сладостные и всепронизающие чувства могут быть поводом к изгнанию? Лянь Ли не мог понять, как так получилось, что он доселе избегал любых внутренних дискуссий о своих порочных влечениях, едва осмеливаясь признаваться сам себе в их реальности.

Он с трудом взял себя в руки и попытался оценить новое положение. Окажись по воле некоей магии свидетелем происходящего наблюдатель из дореволюционных времен, он бы с удивлением отметил веселое настроение молодых людей, только что покинувших квартиру Лянь Ли, хоть и приходили они по достойному сожаления поводу. Он бы озадачился, вероятно, и тем, что Лянь Ли не испытывает ни стыда, ни растерянности. В конце концов пришелец, вероятно, заключил бы, что, как только центр гравитации человеческой психологии находит новое положение в гармонии коллектива, все эгоцентричные эмоции становятся избыточными.

Лянь Ли не сомневался в правомочности коммунального решения. Спустилась ночь. Он видел, как возносятся над городом огни: мерцающие светлячки транспортных средств, уходивших на другие континенты и миры. Слева слабое сияние источал стартовый стол

космодрома. Там готовили к запуску новый барабанообразный корабль, спустя считанные часы после старта предыдущего.

На острове, население которого не превышает нескольких сотен, Лянь Ли едва ли мог рассчитывать найти идеальную любовь, достойную великих завоеваний революции. Ему предстояло потерять одно из основных прав по рождению. Но об этом Лянь Ли едва задумывался. Коммунальное общество повсюду пребывало в движении, прогресс не останавливался ни на миг. Лянь Ли подумал о радостных голосах хора, о громко возносящейся музыке, о трепете знамен, об огромных барабанообразных звездолетах, устремляющихся в небо. Он задумался обо всем этом, о всем, что делается и будет делаться, о том, чего он теперь будет полностью лишен, и у него чуть сердце не разорвалось, а слезы струями брызнули из глаз.

Олицетворение

Брайан, погруженный в размышления, вошел в главную пассажирскую зону отдыха большого корабля. Лицо его хранило отстраненное, встревоженное выражение, ощутимо контрастирующее с видом уверенных, хорошо образованных мужчин и женщин вокруг.

Сам Брайан едва осознавал этот контраст и никогда о нем детально не задумывался. Он тоже, по идее, должен был получить хорошее образование, но никакого следа в нем оно не оставило. И даже в дисциплинах, относившихся к основным сферам его интересов, он не преуспевал. Что до социальных и моральных аспектов воспитания, то он, казалось, в буквальном смысле ничего не слышал о понятиях, из которых соткана тонкая вуаль человеческих обычаев. Общество представлялось ему институтом, куда он еще не поступил.

Трудно было бы определить источник и основной предмет мыслей самого Брайана. Обыкновенно социум, подобно магнитному полю, ориентирует первоначально неквалифицированный интеллект, стоит человеку появиться в присутствии других. Но его разум был не то чтобы недоразвит — нет, он каким-то образом удержался в исходном состоянии, предшествующем погру-

жению в среду обычных людей. Брайан погрузился в нее не до конца.

С другой стороны, если его разум нельзя было назвать недоразвитым, то и о других не всегда можно было утверждать, что их умы пребывали когда-либо в исходном состоянии; складывалось впечатление, что они возникли словно бы из недр самого общества. Относительно всех прочих разум Брайана двигался обособленной тропой. Если и не отличался он решительностью, то, во всяком случае, мысли его неизменно охватывали более обширные сферы, чем мысли обыкновенного гражданина. В зоне отдыха просторного корабля он чувствовал себя иностранцем в незнакомой стране.

Он сам не вполне понимал, зачем явился сюда. Он, кажется, хотел поискать детальную схему звездолета, экспонирующуюся на всеобщем обозрении. В общем-то делать ему было нечего.

Он побрел по плюшевому ковру, поглощавшему звуки шагов, но на полдороги остановился. Мягкие голубые глаза обежали просторное помещение. Пассажиры на кушетках и за столиками читали, болтали, развлекали себя теми натужными способами, к каким прибегают люди, случись им на много дней погрузиться в ожидание. Брайан с ними почти не пересекался, да и трудно было бы ему это сделать. Они не любили его именно за то, что он так редко обращал на них внимание.

Он заметил тройку высоких наукократов в офицерских мантиях, которые только что прошли мимо. Взгляд Брайана задержался на них. Отворачиваясь, Брайан углядел еще одного пассажира.

Этот человек был крупного телосложения, с красивой прической. Сидя за низким столиком, он читал технический журнал.

Брайан несколько секунд размышлял, не ошибся ли, затем поспешил к нему.

— Мерсер? — произнес он.

Человек за столиком вскинул голову и посмотрел на него — сперва безучастно, потом с удивлением и радостью.

— Брайан! — воскликнул он.

И вскочил. Двое неловко приглядывались друг к другу, слегка смущенные тем, как мало изменились их лица за десять лет.

Улыбка Брайана стала глуповатой. Он неуклюже передернул плечами, отдавая себе отчет, что другой рассматривает его и пытается отыскать в Брайане следы подростка, которого знал некогда — а сам Брайан занимался ровно тем же. Странное ощущение, словно столкнуться с восприятием своей собственной жизни незнакомцем со стороны — жизни, чувство полноты которой порядком замылилось.

* * *

Каждому не терпелось расспросить другого, но начинать не хотел никто, опасаясь показаться невежливым.

— Я ищу масштабную модель корабля, — сказал Брайан. — Ты со мной?

Другой энергично зажестиковал.

— Конечно, я уже видел ее. Она вон там.

Они провели у стереоскопической схемы минут десять. Брайан заглядывал в биоскопы, следовал по коридорам и палубам, перемещался из машинных отсеков к энергоустановкам, а Мерсер без умолку рассказывал о деталях дизайна корабля. Как обычно, Мерсера восхищали технические решения, и как всегда, непродолжительного пытливого осмотра ему хватило, чтобы понять, как функционирует звездолет, во всех нюансах. Он постиг не только общую схему, а и принципы, на которой она основывалась. За десять минут Брайан получил от Мерсера больше ценной информации о корабле, чем сам мог бы почерпнуть за час неумелыхковырялок в схеме.

Брайан считал Мерсера феноменальным талантом. Мерсер пользовался всеми преимуществами социума, но не давал тому себя околпачить. Вместе с тем желание Мерсера интегрироваться в общество не было приговорным. В этом — склонности к компромиссу — он отличался от Брайана.

Брайан рад был сознавать, что даже в конце третьего десятка остается, по существу, прежним человеком. Он не претерпел пока устрашающей метаморфозы, раскрывавшей мелочную природу большинства.

* * *

Они отошли от модели и уселись за столиком в дальнем углу. Там беседа стала перескакивать с одной темы на другую. Химия (ею занимался Мерсер), физика, астрофизика, микрофизика. Все время разговор дер-

жался философского курса: следовал интригующему вопросу, почему в принципе существует мироздание.

Повторялись их школьные споры.

— Какого сейчас ты об этом мнения? — спросил Мерсер. — Пришел к каким-нибудь расширенным выводам?

Брайан не отвечал. Вопрос застиг его врасплох. Он слегка пристыженно пожал плечами.

Мерсер, похоже, и не ожидал ответа, но счел своим долгом задать вопрос. В конце концов, эти споры их и сблизили, а если сейчас пренебречь таким интересом, прежнюю близость, вероятно, не получится восстановить.

— Куда ты летишь? — спросил он непринужденно, пока Брайан смотрел в стол.

— У меня работа на Дроне VII, — сухо усмехнулся тот. — Компьютерным клерком.

— У меня тоже там работа, — Мерсер решил не заострять внимание на том, что его собственная должность была постоянной, высокопрофессиональной и хорошо оплачиваемой. — Я и не думал, что тыпустишься в странствие ради работы.

— Нет... до недавних пор я вел довольно статичный образ жизни. Правда, время от времени позволял себе пошалить! — Он усмехнулся и окинул взглядом зону отдыха. — Это всего на семь месяцев, и мне оплачивают обратную дорогу. — Он снова усмехнулся. — Там работников как угодно умаслят, лишь бы прилетели. Такая дырень...

Мерсер кивнул, думая о своем. Он вспоминал Брайана четырнадцатилетним мальчишкой: в ту пору Брайан внезапно посерьезнел и обрел сосредоточенный вид,

как если бы его стала занимать некая мрачная и фундаментальная проблема. Выяснилось, что так оно и было: интерес Брайана к науке и философии из абстрактного и интеллектуального вдруг стал требовательным, личным и срочным. Как познаваемо что-либо? Лишь через посредство чего-то еще. А как познаваемо это что-то еще? Лишь через какие-либо иные формулировки. И так далее, и так далее по цепи, пока о неизвестности не остается судить в терминах неизвестного. Конечным результатом любых рассуждений становилось прежнее невежество.

Словно издевка над всеми философами. Вместе с тем пытливый людской ум невозможно унять, и Брайан сосредоточился на проблеме поиска обходного маршрута.

Он никогда не отличался словоохотливостью на сей предмет. Мерсеру было интересно, как у него дела, но интересоваться продвижением исследований в открытую казалось неудобным.

— У меня дела шли не слишком весело, — внезапно проговорил Брайан серьезным тоном. — Зарабатывать на жизнь — скучное занятие. А что до прочего...

Мерсер выжидал.

— Ну и что? — раздраженно бросил Брайан. — В итоге умрешь, и на этом точка.

— Да. — Иного ответа Мерсер не придумал.

— Пойдем на обзорные экраны поглядим, — сказал Брайан спустя миг.

И поднялся. Мерсер последовал за ним из зоны отдыха через фойе, застеленное плюшевыми коврами, и в обзорную рубку.

Здесь на телеэкранах пассажиры могли наблюдать бездны космоса, в которых летел исполинский корабль. Шесть дисплеев демонстрировали вид с кормы, с носа и еще в четырех направлениях. Они имели овальную форму, каждый по длинной оси достигал трех футов.

Обзорная рубка напоминала картинную галерею. Экраны были размещены на стенах, подобно картинам: общее впечатление не складывалось, зритель вынужден был рассматривать каждый по отдельности.

Звездолет перемещался по краю Галактики, и даже в экранной передаче забортные виды впечатляли. Вот проявился огромный рифт среди звезд — область, закрытая газопылевыми облаками. Вот просветлела и блеснула огромная галактическая линза. А вот экран, показывавший просторы за краем: совершенно черный, если не считать нескольких тусклых точек света.

Брайана смущала мысль, что как ни прекрасны эти сцены, а это ведь всего-навсего изображения с камер на корпусе. Он видел их уже много раз: в кино и по телевизору на Земле.

— На это стоит посмотреть.

— О да.

Брайан заговорщицки склонился к Мерсеру.

— Меня вот что волнует. У всех межзвездных кораблей корпуса лишены иллюминаторов. Прямого обзора нет. Почему это так?

Мерсер поразмыслил.

— Наверное, так удобнее. На Каддане II я погружался на дно серного моря в огромной субмарине; там тоже не было иллюминаторов.

— Под давлением в десять тысяч атмосфер это разумно. А в космосе подобных инженерных трудностей возникать не должно.

— Наверное, так просто удобней, — повторил Мерсер.

— Нет, не все так просто. Никому не разрешают выглядывать наружу. Даже экипажу. Все наблюдения проводятся непрямыми способами, через аппаратуру, размещенную на корпусе. Но попробуй только поинтересуйся, почему! Такое впечатление, что космос у всех у них вызывает фобию или еще что-нибудь...

— Какая разница? — спросил Мерсер. — Восприятие в любом случае косвенно. Ты регистрируешь окружающий мир посредством органов чувств и проецируешь образы куда-то себе в мозг, словно по телевидению. Представь себе эти дисплеи внутренними оконечностями сенсорных каналов звездолета.

— Все равно забавно, — упрямо пробормотал Брайан.

— Ну, жаловаться на это нет смысла. Причина, очевидно, существует, и она конструкционной природы.

Брайан прекратил спор. Он понимал, что у Мерсера отличная научная подготовка; тот уверен, что корабль в превосходном состоянии и без проблем пересекает межзвездную пустоту. Ментально Мерсер подчинен судьбоносной Московской Декларации Последнего Коминтерна 2150 года.

Тот Коминтерн, породивший всю современную цивилизацию, провозгласил нерушимое господство человека над природой.

Брайан отдавал должное достижениям наукократического коммунизма, утвердившегося на Земле в то время и управляющего планетой поныне. Но эта часть доктрины, пускай и столь прочно укорененная в массовом сознании, не давала ему покоя. Он размышлял, насколько серьезно относятся к ней сами Внутренние Наукократы спустя два столетия.

Они покинули обзорную рубку и около получаса блуждали по коридорам. Потом Мерсер объявил, что хочет спать.

— Мне кажется, разумнее выработать четкий ритм, — добавил он.

Брайан равнодушно кивнул. Они договорились встретиться в зоне отдыха следующим утром, поскольку на завтраке скорее всего разминутся.

Брайан не сразу отправился к себе в каюту. У него не хватило силы воли выработать импровизированное расписание суток, а вдобавок он кое-что задумал. Он двинулся по коридорам, залам и галереям огромного судна. Пассажирская секция протянулась практически от борта до борта, упираясь на корме в машинное отделение, а на носу — в такие же запретные помещения, где обитали наукократы экипажа.

Он лениво размышлял про Мерсера. Детские и подростковые привычки Мерсера в основном сохранились, лишь слегка изменившись. Те же выражения, та же манера говорить. Даже странно, как они уцелели в человеке ныне гораздо старшем.

Вскоре он оставил позади самые населенные зоны корабля. Приближаясь к корпусу, коридоры пассажирской секции не обрывались резко, а переходили в тун-

нели с немногочисленными перекрестками. Каюты, читальни и рестораны исчезали. Освещение становилось аскетичным и прагматичным. Отделка из крашеного дерева и пастельного пластика сменялась стальными листами. Туннель с правильными промежутками усеивали телефонные аппараты и приборы, чье назначение Брайан угадывал с трудом. Реже попадались участки переборок, которые, видимо, можно было открыть простым движением, отщелкнув какую-то задвижку: рундуки для припасов или инструментов.

Все выглядело довольно стандартно для межзвездного корабля. Брайан забрел уже на самую периферию и оказался в туннелях, куда обычно наведывались только члены экипажа.

Его возбуждение росло по мере приближения к абсолютной пустоте. Он проходил через внешние слои защитной оболочки пассажирской секции. Вероятно, считанные футы оставались ему до металлического корпуса. А за ним, на расстоянии дюймов — абсолютное ничто.

Правда ли, что никому, независимо от бортового ранга, не разрешается выглядывать в космос? Или, как он подозревал, наукократам это позволено? Неужели они монополизировали привилегию наблюдать за пустотой вовне?

Он остановился. В стальных коридорах ничто не двигалось, не раздавалось ни звука. Постоянно работавший в тысяче футов отсюда двигатель был безмолвен. Брайан созерцал тесные туннели, перебирая в памяти события всей своей жизни.

Он все еще не сформулировал в окончательном варианте цель своего полета и нынешнего путешествия по этим коридорам. Он не чувствовал в том потребности: с кем делиться-то?

Но история то была давняя. Ему она представлялась важной, однако он затруднился бы передать это чувство кому бы то ни было еще, даже Мерсеру. Он ощущал, что за изогнутыми стальными стенами, охватывавшими собою внутреннее пространство корабля, может обрести некий фундаментальный опыт.

Давным-давно его попытки мыслить объективно привели к осознанию странного факта. Субъективно не только людское мышление. *Субъективно и само зрение.*

На Земле горизонт задает границу, которую бессильно пересечь зрение, даже если смотришь в ночное небо. К тому же пространство разбито и разграничено тесно сочлененными объектами: домами, деревьями, людьми, холмами, облаками в небе. Различные предметы окружения словно бы искажали, затемняли обзор.

Брайан отдавал себе отчет в хитроумности конструкции тюрьмы, куда заключено его сознание. Все попытки освободить восприятие от окружающих объектов бесполезны. Лишь заглянув в бездну между мирами, не заслоненную ничем, мог он, вероятно, привести свою жизнь к удовлетворительному результату.

Поначалу это была лишь шальная мысль. Потом он выяснил, что выглядывать своими глазами за пределы звездолетов запрещено. Станный запрет взбудоражил его фантазию. Тайное знание, средоточие подлинных секретов, о которых можно только гадать!

Как ни вздорно или поэтично казалось это, а эффект на него оказало убедительный.

Он снова шагнул вперед. В любой момент он рисковал стукнуться о внешний корпус, состоящий, по мнению большинства, из непрерывной стальной оболочки.

А Брайан исходил из предположения, что на корабле ни одна система не лишена устройств безопасности. Наверняка в расчет приняли и вероятность масштабного отказа.

Туннель резко повернул и после короткого крутого подъема закончился. Этот конец пути был оформлен весьма грубо: над головой под неуклюжим углом нависала симметричная остальной конструкции крыша, уходя в стену на высоте примерно двух футов от пола. Очевидно, туннель упирался во внешнюю стену. Приблизительно на высоте человеческого роста, на расстоянии полутора дюймов от этой поверхности, прикрученный к стене и выкрашенный, виднелся тяжелый диск.

Вот оно.

Брайан приложил к стенокрыше сперва щеку, потом ухо. Это был корпус корабля или, по крайней мере, его внутренняя обшивка.

Он потянулся к головкам болтов и попытался повернуть их. Естественно, те остались недвижимы.

Он развернулся было уходить и услышал шаги.

Он застыл и прислушался. Не так близко, как сперва почудилось, но все же довольно близко. Он метнулся вперед, за поворот, и снова прислушался. Шаги стали громче.

Примерно в двадцати ярдах вниз по коридору из перпендикулярного туннеля появилась фигура, пересекла коридор и исчезла на противоположной стороне перекрестка. Шаги медленно удалились и стихли.

Его не заметили. Но внешние области этой палубы корабля, очевидно, не совсем безлюдны. Нужно быть осторожным.

Он быстро отыскал дорогу обратно в населенные зоны и вернулся к себе в каюту. Там, пребывая в полном нервном истощении, он лег на койку и мгновенно уснул.

* * *

Брайан и Мерсер снова встретились на следующий день в главной зоне отдыха. Когда Мерсер вошел туда, Брайан уже ожидал его. Он сидел тихо и молча наблюдал за людьми кругом.

На первый взгляд он казался повеселевшим, но и более молчаливым. Мерсер вскоре сообразил, что кажущееся хорошее настроение отражает лишь взвинченные нервы. Внутри Брайан был так же тих, но в нем появилось нечто новое. Обычно действия его представлялись бесцельными, сегодня же, собрав внутренние силы, он придал себе целеустремленное выражение.

Мерсера это почему-то слегка испугало.

Он поддерживал начатый Брайаном разговор осторожно, почти неохотно. Вначале речь приятеля казалась ему бессвязной, но потом Мерсер догадался, что Брайан старается неуклюже вырлить к определенной

теме, которую по каким-то причинам не желает затрагивать напрямую.

Мерсер помимо воли усмехнулся. Он не представлял, что это за тема, но, зная Брайана, догадывался, что прямого подхода к ней, скорее всего, и не существует. Когда же Брайан наконец возьмет быка за рога, то поведет даже более откровенный разговор, чем если бы ринулся в атаку изначально.

Наконец момент настал. Брайан откашлялся.

— В конструкции этих звездолетов присутствует весьма интересная деталь, — сказал он изменившимся голосом.

— Да? — поддержал Мерсер, с удовольствием заглатывая наживку. — Какая же?

Брайан подался вперед, словно в поисках слов.

— Ты когда-нибудь задумывался, — произнес он низким голосом, — почему экипажи межзвездных кораблей всегда набираются из наукократов?

Мерсер обдумал неожиданный, хотя и вполне резонный, вопрос.

В этот момент мимо как раз проходили трое корабельных техников, и Мерсер рассеянно проводил их взглядом. Высокие, суровые, отстраненные, они шли, словно бы не замечая ничего вокруг. Спереди на белых рубашках и сзади на желтых плащах была вышита основополагающая научная диаграмма: три вектора пересекались с тремя другими, отображая структуру пространства и материи.

— Нет, — медленно ответил он.

— А мне случалось. Почему это так? С кораблями не слишком сложно управляться. Обычным инженерам,

вроде тебя, остаются куда более тяжелые профессии. Зачем таланты дражайших наукократов расходуют на столь тривиальное занятие?

— Не знаю.

Брайан продолжил тем же низким голосом:

— Мне известно то, чего не знают многие другие. Перед тем, как этих наукократов впервые в карьере назначают на тот или иной звездолет, они обязаны посетить Внутреннюю Палату и получить определенное наставление.

Мерсер посмотрел на него с вежливым удивлением.

— И к чему же оно сводится?

— Это мне бы и хотелось знать.

— Ты так говоришь, словно это большая тайна.

— Едва ли. Но это наверняка что-нибудь вещественное. Если его так тщательно охраняют от народа, это наверняка что-нибудь... — Он замялся, подыскивая слова.

— Глубокое? — помог Мерсер.

— Если хочешь. Во всяком случае, весьма необычное. Полагаю, оно как-то связано с отсутствием прямого обзора на этих кораблях.

— Почему?

— Тебя не удивляет, что десятки тысяч человек перемещаются на этих чудесных и безопасных кораблях, но выглянуть в космос им и краем глаза не позволено?

— Ты хочешь сказать, там что-то... не так...

— Не так, — согласился Брайан.

— Не так, как мы думаем. Гм. — Мерсер откинулся в кресле, скорчив заинтригованную гримаску. Брайан

вдруг увидел в нем шестнадцатилетнего мальчугана, озадаченного новой научной загадкой.

— Наверно, что-нибудь политическое, — предположил Мерсер. — Возможно, другая раса разумных существ, способная к путешествиям в космосе, и при этом враждебная. Правительство, не исключено, решило хранить молчание на этот счет, чтобы пассажиры не знали, что происходит, не замедляется ли продвижение судна и не грозит ли им атака. При таком подходе там, снаружи, сейчас вполне может греметь космическая битва, а мы ни сном ни духом.

— Если в нас не попадут. А даже коли и так... есть телеэкраны.

— Телеэкраны можно отключить. Но да, я просто рассуждаю вслух... Впрочем, разве экраны не подрывают стройность твоей гипотезы? В любой момент можно выглянуть наружу.

— Не наружу. Это всего лишь картинка, а не реальный обзор. Все равно что на фотографию смотреть. Именно эта аналогия и подсказала мне разгадку.

— Думаешь, что-нибудь психологическое? — сообразил Мерсер. — Да, не исключено. Быть может, людей нервирует вид из окна, выходящего на Вселенную.

— Вроде того. — Голубые глаза Брайана сверкнули. — Психологический эффект, невыносимый для обычных людей. Наукрократы защищают их даже от собственного любопытства. Наукрократы, конечно, знают, как обстоит дело, но это исключительно сильные и надежные люди, они не расколются.

Лицо Мерсера просияло.

— В яблочко, — довольным тоном заметил он.

— Не будем спешить с выводами. Суть в том, что, как мне кажется, *я это могу*. У меня крыша не съедет. Мне это не повредит, а, напротив, принесет пользу. Я такой человек.

Мерсер рассмеялся.

— Ну что ж, ступай капитану расскажи.

— Он с радостью согласится нам помочь, не так ли?
— Брайан откинулся в кресле. — Вчера вечером я прогулялся к корпусу. Я исходил из предположения, что *корпус не может быть полностью однороден*. Всегда может сломаться какая-нибудь выносная аппаратура, и в этом случае наблюдения придется вести через отверстия в корпусе, либо визуально, либо с помощью камер. Значит, как минимум одно такое отверстие на крайний случай должно присутствовать. И я нашел его.

Мерсер несколько озадачился.

— И что ты увидел?

— Оно закрыто крышкой, а крышка закреплена болтами. — Он помедлил. — У меня в багаже гаечный ключ.

— Ничего себе! — Мерсер неподдельно изумился. — А ты все как следует продумал.

— Не совсем. Будем считать, что мне повезло. Но мне нужно, чтобы кто-нибудь постоял на страже. Теперь, если действовать сообща, вечером сможешь посмотреть, пока я откручу болты.

— Постой-постой! — растерялся Мерсер. — Так нельзя!

— Почему?

— Это не разрешается! Правила поведения в полете очень строгие. В работу бортовой аппаратуры вмешиваться запрещено!

Брайан целую секунду оставался недвижим, потом расслабился и рассмеялся.

— Ну ладно, — переменял он тему беседы. — Что планируешь сегодня?

— Пожалуй, схожу в кино.

* * *

Корабельный кинотеатр размерами ничуть не уступал любому земному, а выбор фильмов был отменный. Многие пассажиры проводили здесь большую часть многомесячных путешествий. Устроившись в полумраке зала, Брайан погрузился в раздумья.

На экране задвигались полноцветные трехмерные образы. Показывали любовно-приключенческую драму, действие которой разворачивалось где-то в Южной Америке. Брайану она понравилась. Однако собой он был недоволен. Как странно — нестись в межзвездном пространстве, а глазами и мыслями оставаться прикованным к сценам Земли! И действительно, звездолет являл собою частицу Земли. Тщательно обособленную, предназначенную для перевозки пассажиров в идеальном комфорте, так чтобы те даже не почувствовали отрыва от привычного мира.

В пункте назначения иллюзия продолжится. Планета — все равно планета, какой бы красочной и странной ни оказалась она; планета напоминает Землю. Перемена мест никак не влияет на психологию. Пассажирам

не разрешено переживать ничего, относящегося к иной масштабной шкале.

Брайана охватило чувство нереальности происходящего. Он подозревал, что наукоκραтия использует в своих целях эту духовную тюрьму, из которой он дал обет сбежать.

Фильм закончился. Люди поднимались с мест, перебирались в проходы, выходили в фойе, сбивались в группки, болтали и смеялись. Но с точки зрения Брайана фильм не заканчивался. Все это происходило на киноэкране. Все это сводилось к нему. Все вокруг — сцены, разговоры, смех, стены корабля: изображения на экране, ничуть не вещественной картинкой.

В таком настроении Брайан терял ощущение надежности бытия. Он сомневался даже в реальности материи. В конце концов, как доказать ее вещественность? Лишь сталкивая одну массу с другой. Тело, буквально говоря, не существует, пока не провзаимодействовало с другим телом.

Весь вещественный мир относителен, его поддерживают внутренние подпорки. Логическая система самосогласованна, но в остальном бессмысленна.

При взгляде снаружи все это казалось нереальным.

В более широком масштабе — напоминало искусственный социум, обитатели которого тешились вокруг, поддерживая друг друга в преувеличенно жизнерадостной болтовне и напускно-веселом обмене мнениями. К самостоятельному существованию он не способен. Выдернуть взаимные подпорки, и ткань жизней пассажиров разорвется.

Брайана так занимали эти идеи и мысли, что с обыденной точки зрения он вряд ли мог считаться нормальным человеком. Избавиться от них он был не в силах. Он снова и снова задавал себе вопрос, сформулированный философом двадцатого века Мартином Хайдеггером: *Почему что-либо существует, а не просто ничто?* Этим суммировались его личные раздумья о проблеме.

Под ногами, над головой, во все стороны кругом простиралось абсолютное ничто.

Эти философизмы, на первый взгляд, не были прямо связаны с его желанием выглянуть наружу. Ему этого просто хотелось. Его привлекал уже сам факт запрета, который интересно было обойти. В общем, если не вдаваться в избыточное теоретизирование, у него руки чесались поработать с гаечным ключом.

Выйдя из кинотеатра, они не вернулись сразу же в зону отдыха: Брайан увлек Мерсера разговором, и они стали бродить бесцельно, как было у них в привычке много лет назад. Однажды им встретился офицер-наукocrat, и Брайан ощутил во внутреннем кармане куртки виноватую тяжесть ключа.

Примерно через полчаса он остановился.

— Ты знаешь, где находишься? — спросил он.

Мерсер огляделся, сопоставляя увиденное с заученной схемой корабля. Коридор тут был меньше обычного, пустынный, без дверей. В нескольких сотнях футов позади отделка коридора менялась с роскошной на утилитарную, и Мерсер автоматически отметил это.

— Мы, наверно, близ периферии, — неуверенно предположил он.

Брайан пошел дальше, поманив его взмахом руки за собой.

— Вперед.

Мерсер занервничал.

— Я не пойду, — сказал он, покачав головой.

— Я просто хочу тебе кое-что показать.

Мерсер неохотно последовал за ним до заключительного поворота. Брайан подождал, пока Мерсер его нагонит.

— Вот, посмотри, — прошептал он. — Оно там. А теперь стой здесь и предупреди меня, если кто-нибудь появится.

Мерсер отпрянул.

— О нет!

Брайан добродушно фыркнул и взял его за локоть.

— Во имя науки, э, старик?

Развернувшись, он проследовал до конца туннеля, а Мерсера оставил стоять за углом.

Мерсер почувствовал себя неловко. Его обхитрили, выставив пассивным пособником!

Брайан подобрался к иллюминатору, забранному крышкой, примерился, приложил ключ к первому болту и налег на него. Пришлось как следует попотеть, но болт нехотя задвигался и стал поворачиваться. Трескались и сыпались чешуйки краски.

Отошел первый болт.

Брайан спокойно занялся остальными. На все про все ушло минут десять. Когда он закончил выкручивать их, крышку на месте удерживали только слои старой краски, сочленявшие ее со стеной туннеля.

Он умело рассек их лезвием складного ножика по периметру, и крышка шевельнулась в его руках.

Он аккуратно отодвинул ее.

* * *

За ней оказалась впадина глубиной фута три, оканчивавшаяся идеально прозрачным пузырем, который, судя по всему, выступал над корпусом. Брайан уцепился за края иллюминатора.

Все его предположения полностью оправдались.

Краем глаза углядев эту тьму, он весь вздрогнул. Неуклюже подтянувшись в углубление, он пополз к пузырю, пока не очутился рядом с холодным, почти невидимым пластиком.

Он взглянул в космос.

В первом избранном им направлении лежала галактическая спираль: ее головокружительное величие и резкие сполохи мощных светил он наблюдал с ребра. Он *почувствовал* ее размах так же уверенно, как размеры собственной руки. Звезды тянулись, тянулись и тянулись. Размах был не сравним ни с чем земным и даже с самой Землей, он повергал в бесчувствие. В первые же две секунды у него захватило дух. Но не к этому он стремился, так что повернул голову в другом направлении.

И посмотрел за пределы Галактики. Там не было ничего, нигде, если не считать нескольких блеклых искорок других галактик, малозаметных и лишь подчеркивавших пустоту и безбрежие мрака.

Он наконец узрел то, к чему стремился так долго: безграничную пустоту.

И его внимание всецело приковал жуткий вакуум. С этого момента он стал обречен. Все его естество затягивало в пустоту, пристальное внимание к которой было теперь возведено в энную степень.

Даже первая стадия, кататоническая, была недолгой. Личность Брайана засасывало в галактическое пространство. Спустя минуту наступила смерть тела.

* * *

Мерсер тщетно ждал за поворотом коридора. Брайан отсутствовал уже заметное время.

Он заглянул за угол, в сторону иллюминатора. Он видел, как свешиваются с подоконника ноги Брайана. Уже несколько минут его друг хранил полнейшее молчание и неподвижность.

— Брайан? — негромко окликнул он. — Сколько еще? Ответа не последовало.

— Брайан?

И громче:

— Брайан!

Ответа по-прежнему не последовало. Мерсер почуял неладное. Он быстро прошел по туннелю к Брайану и тронул того за ногу.

Та бессильно обвисла под нажимом руки, и Брайан не подал виду, что чувствует прикосновение. У Мерсера свело горло. Он задумался, что делать.

Еще несколько дюймов, и он тоже сможет заглянуть через иллюминатор в космическое пространство. Но он

этого не сделал. Он попятился, борясь с искушением, а потом пустился бежать — по туннелям и коридорам. Он бежал сломя голову, разыскивая офицера-наукократа. Наткнувшись на одного из них, Мерсер сбивчиво изложил свою историю.

Спустя пять минут он уже вел спасательный отряд в направлении иллюминатора. Точнее, это сперва, в невежестве своем, Мерсер решил, что ведет спасательный отряд.

О, как он ошибался.

Действия членов экипажа опровергли одну из теорий Брайана. Наукократам *не* разрешалось выглядывать в космос. Офицеры, которые стащили тело с подоконника и водворили заслонку на место, были облачены в металлические шлемы с телеглазами, подключенными к экрану внутри. Тело Брайана не подавало признаков жизни.

Мерсер в ужасе наблюдал за происходящим из-за поворота коридора. Когда труп Брайана понесли прочь, он растерянно побрел за носилками.

* * *

Капитан Броуд печально медитировал, сидя за своим столом, опустив голову и сложив руки на столешнице. Он размышлял о поступке пассажира Брайана Денвера. Он раздумывал, *зачем* тот так поступил.

Как любой капитан звездолета, он то и дело боролся с мыслями о том, что *там, вовне*. Ни один наукократ лучше капитана не представлял себе, сколь мало чело-

век со всей своей наукой может сделать, оказавшись один на один против неприкрытой Вселенной.

И сильнее прежнего чувствовал он свое отчуждение, абстрагирование от обычных людей, спровоцированные наукократическим коммунизмом; об этом разделении с ними он порою жалел, но изменить уже было ничего нельзя.

Он потряс головой. Интересно, *что именно* испытал пассажир, умирая?

Лик Господа, исполинский и всееляющий трепет...

Кто-то постучал в дверь кабинета. Он нажал кнопку. Дверь отъехала в сторону.

На пороге стоял Мерсер Стоун.

— Входите, мистер Стоун, — сказал капитан без предисловий. — Пожалуйста, садитесь.

Мерсер вошел, опустился в указанное кресло и стал настороженно изучать суровое скуластое лицо капитана, пока тот собирался с мыслями, перекладывая какие-то бумаги в ящике стола.

Броуд поднял голову.

— Чем могу помочь, мистер Стоун?

— Капитан, мне казалось, это очевидно: я хочу узнать, отчего погиб мой друг.

— Он погиб оттого, что нарушил корабельный устав, — мрачно отвечал Броуд.

— Это я понимаю, — непреклонно отрезал Мерсер, хотя напряжение беседы начинало уже прорастать и в нем. — В сложившихся обстоятельствах меня это мало интересует.

— Да, конечно. — Броуд сложил руки на столешнице и опустил взгляд. Мерсер видел, что капитан ему искренне сопереживает.

— Вам очень повезло спастись бегством, — сказал Броуд.

Мерсер резко побледнел, хотя и до этого не был румян лицом.

— Спастись бегством? От чего?

Броуд колебался, обеспокоенный и неуверенный. Открыть ли Стоуну секрет, который ему самому поведали только после пятнадцати лет специальной подготовки под постоянным наблюдением? Он чувствовал, что парень в известном праве, и уже проверил на всякий случай его индекс гражданской ответственности. Но все же...

Он поднялся.

— Вы уверены, что хотите это знать? — спросил он, пытаясь осадить собеседника.

— Нет, — сказал Мерсер после паузы. — Меня разрывают противоречивые чувства. Но после такого... — Он потупился.

— Если настаиваете, я посвящу вас в тайну, ибо вы уже частично проникли в нее сами.

Мерсер кивнул.

Капитан Броуд повернулся и снял с полки тяжелый том в черном кожаном переплете: *Таблица физических констант*. Показав Мерсеру оттиснутое золотом название, он положил книгу на стол.

Мерсер понял без слов и коснулся рукой обложки.

— Клянетесь ли вы Всем, что существует, никому не открывать того, что узнаете? — произнес капитан торжественно.

— Клянусь.

Капитан возвратил том на полку и снова повернулся к Стоуну, чувствуя себя немного сконфуженным от того, что должен был сейчас сказать.

— Все просто, — проговорил он. — Любой человек, заглянувший в космическое пространство, немедленно умирает.

После жуткого случая у иллюминатора Мерсера преследовало ощущение, что мир перевернулся вверх тормашками. Теперь к ней добавилось предчувствие, что картине мира, какая была у него сформирована, сейчас предстоит полностью инвертироваться. Он пытался не сводить взора с лица капитана — спокойного, все еще дарующего некую уверенность.

— Но как?!

— Этого мы не знаем. Процесс вообще исследован лишь частично. Мы полагаем, причина в том, что человек воспринимает Вселенную слишком огромной, слишком непостижимо бескрайней. Он теряется в ней, а сознание засасывает в космос: оно улетает туда, как могла бы вылететь мошка из главного иллюминатора. Что же до технических аспектов проблемы, то в них мы не уверены. Вероятно, жертва теряет точку отсчета.

— Но межпланетные полеты никому ни разу не причинили вреда, — возразил Мерсер.

Броуд кивнул.

— В пределах солнечной системы этого по каким-то причинам не происходит. Что-то связанное с солнцем:

оно вроде ментального якоря. Я его и имел в виду под точкой отсчета. Как только окажетесь снаружи — там не за что зацепиться, не обманывайтесь. Вы пропали. Никуда податься, не с чего начать, если вообще когда-то было с чего.

Значит, и вторая часть теории Брайана ошибочна, подумал Мерсер. Запрет не преследовал цели закрепить монополию наукократов. Это знание им доверяли.

— Меня это страшит, — промямлил он.

Капитан Броуд пронзил взглядом бледное испуганное лицо Мерсера Стоуна.

— Таково пространство, — сказал он. — Там его слишком много. Оно поглотит нас всех, в любом количестве. Без разницы. Худший мыслимый способ умереть.

Он отвернулся и добавил тише:

— Но, знаете, как по мне, то это единственный достойный способ.

Ловушка жизни

Хотя мы, послушники Храма Мистерий, направили свою жизненную энергию к поиску тайн бытия, никто никогда не гарантировал, что открытия наши окажутся сколько-то полезны или утешительны. Что становится известно, то нельзя сделать неведомым опять, покуда не вмешается смерть, и все искатели тайного знания должны считаться с риском обнаружить преимущества блаженного неведения.

Эксперимент проводился в полночь, ибо, как заявляет сам подопытный, именно в этот час ум его работает лучше всего. Подопытным был не кто иной, как мой добрый друг Маркус, аспирант третьей ступени Аркана. Это высший ранг в нашей иерархии, который позволил бы ему со временем, откройся такая возможность, облачиться в мантию верховного жреца. Смесь приготовили загодя, днем; она состояла из эфира, дурмана, определенного гриба и некоторых других веществ, изменяющих сознание. Если принимать их по отдельности или в составе более простых композиций, они вызовут эффекты, уже хорошо известные и изученные за годы исследований. Никогда прежде не устремляли мы, однако, свои помыслы к цели столь амбициозной и опас-

ной: перевести ум, сохраняющий полноту сознания, за порог смерти и по истечении определенного интервала вернуть его в мир живущих.

Я тщетно упрасивал Маркуса действовать осторожнее: испытать смесь перед опытом, возможно, проверив ее в меньших концентрациях на добровольце из послушников. Маркус оставался непреклонен и утверждал, что эффективна будет лишь полная доза. Он согласился только испытать ее на собаке, принадлежавшей нашему знатоку снадобий, аптекарю Луцию. Когда животное принудили вдохнуть пары, оно застыло и около часа оставалось недвижимым, словно мертвое. После этого собака быстро пришла в себя, но еще час проявляла беспокойство, лаяла и припадала к полу, стоило кому-то пройти мимо. В конце концов и эти явления изгладились, и Маркус заключил, что симптомы соответствуют его ожиданиям.

В урочный час ночи мы с Маркусом затворились во храме. По просьбе Маркуса нас оставили там в полном одиночестве. Я помог ему переодеться в одеяние из свежей чистой льняной ткани с вытканной эмблемой храма. Мы просидели вместе целый период, глядя, как утекает вода из часов. Говорили мы мало, поскольку уже успели во всех подробностях обсудить предстоящее испытание.

Балансир часов задрожал.

— Вскорости мы узнаем правду, — с улыбкой произнес Маркус.

— Или же я потеряю друга, — отвечал я.

В этот момент равновесие нарушилось, и клепсидра звуком отметила полночь. Мы поднялись.

Я провел Маркуса во внутреннее святилище. Пока мы шли по коридорчику, обрамленному двумя колоннами, к двери адитума, меня снова посетила угрюмая мысль, что я, не исключено, последний раз вижу его среди живых, но я постарался не выказать своих эмоций. Открыв тяжелую дубовую дверь, обитую по краям шерстью для подавления шума извне, мы вошли в адитум.

Я оглянулся, проверяя, все ли на своих местах и гармонична ли обстановка. Для нас внутреннее святилище так же важно, как предварительные ритуалы или церемониальные одеяния: оно помогает привести мысли в порядок и отвлечься от повседневных забот. Все здесь организовано так, чтобы пробуждать мысли о разделении с обыденностью. Помещение имеет овальную форму и выкрашено в спокойные цвета. На стенах мандалы и несколько картин, подобранных специальным образом. Ранее я поместил на столике из отполированного орехового дерева вазу с пионами.

Снадобье уже перелили в тигелек и расположили на особой нагревательной подставке. Пока Маркус расслаблялся на кушетке, я передвинул подставку поближе—так, чтобы он мог напрямую вдыхать пары, и поджег промасленный фитиль. Нагревательная подставка быстро раскалилась, и снадобье в тигельке запузырило.

Не оглядываясь на Маркуса, я покинул святилище.

* * *

Храм Мистерий не подчиняется традиционным доктринам, поскольку мы считаем все их в той или иной степени ошибочными или, в лучшем случае, размышляющими грань между истинным и неуверенным знанием. Наш подход иной: мы сперва очерчиваем приблизительные границы неизвестного, а затем пробуем установить истину прямым опытом.

Относительно смерти гипотез много. Самая прагматичная из них, разумеется, утверждает, что смерть равнозначна уничтожению. Но многие философские школы считают, что спасение так или иначе возможно—либо в иных обстоятельствах, на ином духовном плане бытия, в ином теле, либо в прежних. Последняя версия, наиболее мрачная, сводится к утверждению, что время циклично, после смерти наступает новое рождение, и жизнь повторяется такой же, какой произошла, со всеми составлявшими ее событиями. Еще одна доктрина учит, что смерть кладет конец лишь индивидуальному сознанию, а разум сливается со вселенским сознанием.

Я сидел в притворе и размышлял об этих концепциях, чтобы не думать про Маркуса. Прошло около часа, и балансирующая кастрюлька водяных часов уже почти переполнилась снова. Вдруг я услышал хриплый крик из святилища, а следом—глухой стук, как бы от падения мебели.

За считанные секунды я пересек коридорчик. Дубовая дверь распахнулась, наружу вывалился Маркус. Лицо его было серым. Я потянулся помочь ему, и он обмяк у меня на руках. Я заметил, что глаза его не остекленели, но хранят живое выражение—крайнего испуга, как если бы он лицезрел нечто совершенно ужасное.

Я видел через дверной проем перевернутые кушетку и столик орехового дерева. Нагревательное устройство все еще светилось от жара, но лишь черное пятно в тигле да легкий аромат в воздухе указывали на бывшее присутствие снадобья.

Я отвел Маркуса в притвор и помог сесть. Он попросил вина. Я не знал, как скажется на его состоянии вино после такого количества дурмана, но взял флягу из держателя, откупорил и налил вина в кубок. Маркус жадно опустошил кубок, и щеки его немного порозовели.

— Со мной все будет хорошо,—ответил он на мои просьбы.—Просто дай мне продышаться минутую другую.

Я замер рядом с ним. Маркус осел в кресло и тяжело задышал. Спустя некоторое время терпение мое стало иссякать. Каков итог эксперимента? спросил я. Удался ли опыт? Маркус испустил стон и печальным голосом поведал, что да, вполне; тайна смерти (голос его на миг оборвался) полностью раскрыта.

— Не проси меня поведать тебе эту тайну,—продолжал он.—Лучше тебе не знать ее.

Я изумленно напомнил ему, что устав ордена воспрещает скрывать от братьев результаты любой работы в храме, и снова обратился к Маркусу с настойчивой просьбой поделиться новообретенным знанием. Он обреченно кивнул и потребовал еще вина. Затем, издав тяжкий вздох, поведал, в общих чертах, такое.

* * *

Смерть (говорил он) есть обращение. Обращается вспять сознание, обращается вспять время.

Что здесь имеется в виду? Начнем с сознания, поскольку оно обращается вспять первым. Наши сознания заключены в телах. Я воспринимаю тебя своими глазами, а с помощью мозга через органы чувств строю картину окружающего мира. Прямое восприятие себя самого мне недоступно. Себя я знаю лишь непрямо, по взаимоотношениям с другими или наблюдая в зеркале.

После смерти все меняется. Сознание продолжает существовать; но это сознание становится вечным относительно тела. Оно обретает объективные качества, подобные уже известному нам экстатическому переживанию с выходом за пределы тела. Можно видеть, как заключают тело в саван. Можно наблюдать, как его помещают на катафалк и в сопровождении близких и родных отвозят к месту погребения.

Затем возникает ощущение присутствия в могиле и наблюдения за распадом плоти, который длится несколько месяцев. Выхода нет, ибо сознание всегда пребывает там же, где и тело. Ты наверняка сочтешь это ужасающим переживанием. Но постой.

Причина, по которой осознается состояние мертвого тела, в том, что сознание обладает инерцией и продолжает, как зачарованное, нестись вперед во времени. По истечении определенного промежутка происходит второе обращение. Обращается вспять *само время*.

(Маркус опорожнил кубок и потянулся за флягой, не обратив внимания на мой сердитый взгляд в ту сторону.) Обращается вспять *само время*. Понимаешь? Время бежит назад. Смерть, действительно, есть конец

жизни, но лишь в том смысле, в каком дорога оканчивается в определенном месте. Достигнув его, можно развернуться и возвратиться по собственным следам. Наблюдать, как тело постепенно восстанавливается, как его вынимают из могилы, несут домой и возвращают к жизни. Жизнь течет вспять, от смерти к рождению. В обратном времени. В обратном сознании.

В конце концов должно снова наступить рождение. Шок от него подобен смертьевому, и, действительно, жизнь в этот миг снова обращается в противоположную сторону, как и при смерти. И вновь сознание минует его; оно, заключенное внутри, существует в уменьшающемся эмбрионе до тех пор, пока не обратится вспять время, пока не начнет снова увеличиваться зародыш, пока не родится новое дитя и не узрит мир своими прежними чувствами.

Это, Клиний, и есть наша жизнь. Душа вечно колеблется между полюсами рождения и смерти, хотя мы этого не знаем, и нельзя изменить ни единой малости из случившегося. В сем неведении нашем заключено счастье настоящего. Но постой. Не вечно тебе быть счастливым. Ровно до того момента, пока не выйдешь за пределы себя и не узришь себя самого, как долженствует...

* * *

Голос Маркуса упал.

— Итак,—подытожил я,—доктрина Вечного Повторения жизни оказалась самой близкой к истине.

— Да. Мы живем эту жизнь не один раз. Мы проживали ее уже много, много раз.

— Но почему ты так мрачен, Маркус? Это же... своего рода бессмертие.

Маркус озадаченно посмотрел на меня.

— Ты разве не понял, Клиний? Разве не видишь? Это худший из всех вариантов! Каждый из нас обречен видеть себя таким, каким кажется окружающему миру, и в этом состоянии снова переживать каждую деталь собственного существования! Все недостойные поступки, все самообманы, все постыдные детали, какие мы таим даже от себя самих—все это предстает взору нашему, да вдобавок на протяжении вечной жизни! Как же такое вынести? Ничья жизнь не безукоризненно честна настолько, чтобы подобное можно было перенести!

Постепенно я стал проникаться ужасом откровения, явленного Маркусу. Тот неуверенно поднялся и взял меня за плечо. На долгие мгновения тишина храма будто окутала нас. Я размышлял об услышанном, стоя рядом с другом.

— Хуже всего, что ничего изменить не получится,—устало произнес Маркус.—Как же хочется изменить то, что видишь, как же мучителен такой соблазн!

— Мы в ловушке,—заметил я.

Он кивнул.

— Обыкновенно травмы рождения и смерти стирают память начисто. За смелость нашу боги вознаградили меня, позволив приобщиться к истине и запомнить ее.

Такова наша награда, и она же—кара. Но больше я сегодня говорить не могу. Пойдем домой. Мы и так достаточно совершили.

Внезапно Маркусу сделалось совсем плохо. Я привел его в порядок, проводил домой и проследил, чтобы его уложили в постель. Ушел я только после того, как он явно и ответственно уснул.

* * *

Хотя тайна смерти сделалась достоянием всего храма, не всем полностью понятна ее важность. Некоторые братья любопытства ради повторили опыт Маркуса, и результаты более или менее согласуются с его находками. Большинству они кажутся просто любопытной диковинкой; никто не разделяет ужаса. Прожить жизнь, лишенную абстрагированного самовосприятия, жалкую и никчемную, а потом получить доступ к этому восприятию, которое одно могло бы ее улучшить, однако оказаться на веки вечные прикованным к зрительской ложе на отвратительном и низменном спектакле, бессильным как-то изменить происходящее. Боги, несомненно, потешаются над состоянием человека, взирая на него.

Мы же, старшие члены Аркана, понимаем смысл откровения Маркуса—и под его влиянием вынужденно изменили взгляд на мир. Самоубийство ранее рассматривалось как допустимый выход из бесчестного положения; не так сейчас, когда ясно, что выхода оно не предлагает вовсе. Однако, если есть в мире справедливость, то и из ловушки жизни должен найтись некий выход.

Маркус преодолел свою хворь, но боится смерти. Все мы боимся смерти, ибо знаем, что нас ждет. Люди, не способные увидеть себя настоящих, обретают в этом убежище и неизменно отмахиваются от подобного восприятия.

Наша работа ныне состоит в поиске способа прервать вечную осцилляцию, а обретем ли мы при этом небытие или новую жизнь, не так важно. Как же это сделать? Мы понятия не имеем. Быть может, имеют его боги. Боги, которых мы ранее презирали за сумятицу и скверну, вносимые ими в умы людей. Быть может, в конце концов придется нам обратиться к богам.

Прощай, дорогой брат

Незнакомцы доставляют неудобства. Когда устроишься в жизни, редко от кого можно услышать что-нибудь новенькое.

Но время от времени появляется человек, чьи случайные слова будоражат память, и я снова погружаюсь в размышления.

Такой гость прибыл на небольшую вечеринку, которую затеяли мы с супругой. Был он невысокого роста, подвижный, лет сорока на вид, возможно, под кумаром. С такими типами сложно утверждать наверняка. Его привел кто-то из наших друзей, а он, похоже, не осознавал, чей это дом.

У него рот попросту не закрывался. Я стараюсь избегать болтунов, но он припер меня к стенке, так что пришлось несколько минут переждать очередной приступ трепы.

Потом я понял, что этот человек — не обычный болтун. Оказалось, что он недавно возвратился из экспедиции на Селентенис, Планету Холода.

Я оживился и принял участие в разговоре.

— Ах да, — проговорил я, — слышал, туда вторую экспедицию отправляли. Что думаете об этом местечке?

— Ну, там просто экстремальный драбадан.
— Для вас слишком жестко, да?
— Да-да. — Он энергично закивал с таким видом, словно читает мои мысли. — Так холодно, что словами не описать. В этом месте и о температуре-то говорить не приходится. Черт побери, это какая-то мертвая зона мироздания, не иначе.

Я поразмыслил над услышанным. *Мертвая зона мироздания...*

Гость не отличался красноречием в описаниях, но мое воображение и память дополняли картину. Он прав. На Селентенисе энергии самая малость, и некоторые физики считают, что ее там нет вообще. Дискуссии еще ведутся. В любом случае, все атомы и молекулы на всей планете застыли в неподвижности. Никаких химических изменений. Никаких обменов энергией. Ничего. Мир застыл вне времени.

Интересно, каково это — обитать там, разглядывая темную поверхность через око телекамеры, выведенной за пределы купола из особого сплава (любой обычный материал попросту растрескивается), и знать: тут ничего не происходит. Вовеки.

Надо заметить, что это ведет к странным эффектам. Вещество планеты обладает сверхпроводящими свойствами, но там никогда не случалось ничего, способного произвести ток. Электричества там не существовало, пока не прилетели исследователи. Профессор Жукер в качестве эксперимента разрядил в почву миллион вольт. Разряд обогнул планету и стал постоянно циркулировать. Планета обрела своеобразную жизнь: она

теперь заряжена миллионовольтным неубывающим током.

— Вы же не могли *на самом деле* почувствовать холод, — заметил я.

— Нет, но его можно увидеть. Блин, его *почуять* можно. Не своими органами чувств, конечно. Эмоциями. Понимаете?

— Да, думаю, что понимаю.

— Если бы там хоть *звезды светили*... хоть что-нибудь в этом роде... Одна тьма кругом. Мы видели только в отраженном свете своих прожекторов. Мне бы хотелось сбросить на планету парочку термоядерных бомб. Просто чтобы там хоть что-нибудь случилось.

— Это не оказало бы на нее существенного воздействия.

— Наверное, вы правы. — Он рассмеялся. — А вы отличный слушатель, вы это знаете?

— О, я про Селентенис все знаю. Мы с братом были на корабле, который открыл эту планету.

Он воззрился на меня с новым интересом.

— Тогда вы, надо полагать...

— Роберт Стемминг. — Я протянул ему руку.

Он энергично потряс ее.

— Как же это я не догадался, с кем говорю.

— Кстати, мой брат там, наверху, — продолжил я. — Вероятно, вам будет интересно с ним пообщаться?

Он встревожился.

— Нет! В смысле, у меня тут в соседней комнате... э-э, назначена встреча...

Он попятился. Настал мой черед рассмеяться.

Остаток вечера я пребывал наедине с собой, бросив гостей на попечение моей опытной и общительной супруги. Я не любитель толпы. В последнее время у меня развилась тяга к мирной уединенной жизни.

Около двух пополудни я услышал, что шум вечеринки начинает стихать. В гостиной еще общались приглушенными голосами несколько человек, но и они, скорее всего, задержатся от силы на час.

Я решил, что могу теперь подняться наверх, к брату.

Джека навещают немногие, и не скажу, что виню их за это. Во всей истории ощущается нечто крайне мрачное.

Я же не боюсь его. Я взбежал по деревянной лестнице на чердак. Там мы держим Джека. Вместе с ним на чердаке поселилась плесень; Джанет никогда не утруждала себя подняться туда и убрать лестницу или сам чердак. Я то и дело смахивал с лица приставшую паутину. Остановясь у двери, я услышал мерное низкое гудение машин на той стороне.

Я открыл дверь и ступил внутрь. Чердак освещен тусклым желтым электрическим светом; лампочка все время горит, потому что я забыл установить выключатель. Справа от двери змеится по полу и уходит в стену толстый кабель энергопитания. Нам нужно много энергии, чтобы поддерживать низкую температуру.

На грязном столе напротив дверного проема покоился контейнер из силиконового полимера длиной два фута, окруженный охлаждающей аппаратурой профессора Жукера.

Закрыв дверь, я пересек помещение.

— Как ты сегодня, Джек? — спросил я.

Последовала заметная пауза, и наконец из динамика, присоединенного к канистре, раздался усталый голос.

— Не жалуюсь, Роберт, — обреченно проговорил он.

Братец Джек, а чего только я ни пережил рядом с тобой!

Мы были вместе с дня нашего рождения, Джек и я. Я появился на свет первым, а Джек неуклюже протолкался следом. По крайней мере, так мне нравилось думать.

Вероятно, я ему даже руку протянул. С тех пор я все время оглядывался через плечо и помогал ему выбраться из передряг.

Без передрыг твоя жизнь невысказана, не так ли, Джек? Это в твоей натуре — влезать во всякие хлопоты. Сомнительное предприятие, занятие, чреватое компрометацией репутации, *щекотливая* ситуация — ты кидался туда без промедления, ни с кем не считаясь. Потому-то у тебя и по сотне врагов на каждом обитаемом мире.

Не хочу сказать, что ты это нарочно. У тебя просто натура такая; ты не устоишь перед соблазном кого-то околпачить. Но почему, блин, почему, Джек, ты раз за разом влезашь в неприятности, когда ежу понятно, чем для тебя завершится это дело?

Я тут не исключение; в общем-то за свою жизнь я приучился не реагировать на проделки Джека. Когда мы были детьми, он мог одолжить мой велик покататься на час и загнать его за несколько фунтов на другом конце города. Потом прятался от меня целыми днями, чтобы я не узнал. Он все время прятался в таких ситуациях. А несколько раз уводил моих девчонок у меня за спиной.

Я тогда впадал в бешенство. Но Джек неизменно выбирался сухим из воды: иногда он напоминал мне насекомое, способное увернуться от любой подошвы. Приемы его были весьма просты. Прятаться. Пропадать из виду. Рано или поздно это надоедает, и теряешь охоту ему мстить.

Когда мы выросли, то решили открыть свое дело и стали изыскателями.

Изыскатели — эдакие малость облагороженные галактические старьёвщики. Им всего-то и нужно, что корабль, чья-нибудь поддержка по деликатным вопросам да неизведанное направление полета. Конечно, допустимо и стрелять наудачу в темноте, но это жест отчаяния. Прилетаешь, обыскиваешь новое место, а по возвращении пробуешь продать то, что там нашлось. За информацию современная цивилизация платит дорого. Везунчикам удастся сторговаться о концессии на добычу сырья. Чаще получается с прибылью продать научные данные, поэтому изыскатели предпочитают странные места. Во всяком случае, за исследование ранее неизвестного мира правительство отстегивает десять процентов.

Позвольте заметить теперь, в дополнение к предшествующим претензиям в адрес моего братца Джека, что мы никогда не были особенно удачливы. Галактика велика и слабо изучена, по ней рыщут тысячи фрилансеров-изыскателей. Как правило, они обладают определенными техническими навыками (освоенными на скорую руку), но формальной квалификации лишены. Профессионалы их обычно презирают. Если честно, та-

кая жизнь и должна быть противна квалифицированному специалисту. Мы с Джеком — превосходные экземпляры: торговали всякой рухлядью и оборудованием, а постоянной работы найти не могли.

Наши отношения были такими, каких и можно ожидать от двух братьев, но, оглядываясь назад, я вспоминаю почти исключительно неприятные моменты.

Ты никогда не играл честно со мной, правда ведь, Джек? Это проявлялось даже в мелочах. В мелких сделках. Тебе случалось исчезать на пару недель, а потом я получал письмоцо вроде:

Дорогой Боб,

думаю, пора тебе узнать правду про тот чек. Я тебе все время говорил, что чек еще не прибыл, а потом — что я его не успел обналичить; это все нагромождение жалкого вранья, а в действительности, так уж вышло, я отчаянно нуждался в деньгах, и у меня хватило наглости истратить большую часть. Пожалуйста, ты на меня сильно не серчай. Я знаю, тебя нелегко разжалобить, так что я могу лишь попросить об отсрочке и надеяться, что когда-нибудь возмещу тебе эти...

Ну и так далее. Типичное послание. Признание в проступке, прослоенное нытьем и обещаниями на будущее. И все это ради каких-то пятисот фунтов или около того. Когда получалось с ним пересечься, он обычно говорил:

— Ну, Боб, я подумал, ты не будешь против. В конце концов, мы же братья.

Он оказывался прав. К тому моменту я уже выбросил происшествие из головы, хотя долг мне так никто и не вернул. В конце концов, мы же братьями *были*.

Лишь через много лет стало мне приходить на ум, что странно с моей стороны относиться к Джеку как к младшему братишке, хотя он мой близнец. Он казался намного младше меня, намного безалабернее.

Так вот мы и валандались по жизни вместе, и я приглядывал за братом. Джек, сколько раз я тебя вытаскивал из неприятностей? Мне приходилось убивать, чтобы спасти твою шкуру. Ты частенько забирался в такие кварталы, где с незнакомцами-пройдохами скоры на расправу.

А помнишь, как мы наткнулись на десятую планету звезды, у которой и имени-то не было, только цифровое обозначение? Ты потерял сознание, я не знал, жив ли ты еще. Но я двадцать дней волок тебя в скафандре по поверхности, к месту, куда должен был прилететь следовавший за нами корабль. Ни до, ни после не приходилось мне бывать в таком дерьме, я ни на минуту не верил, что получится оттуда вылезти, и радовался, что ты в отключке — не понимаешь, что произошло.

Ответил бы ты мне услугой за такую услугу? Думаю, да. Но, разумеется, это ты попал в передрыгу, как всегда и происходило. У тебя никогда не было возможности оказать мне ответную услугу.

Как забавно, Джек, что при всей благосклонности судьбы в таких ситуациях ты раз за разом вляпывался по полной.

Так продолжалось тридцать пять лет. Каждые пять лет я оглядывался на свою жизнь и констатировал, что дела идут все хуже. Со мной не происходило ничего *удовлетворительного*. Я терзался недостаточной самореализацией. Джек пребывал в том же положении, но вряд ли вообще задумывался о таких вещах. Он был рожден для крысиных бегов.

Год за годом мы увязали в таком образе жизни все глубже. Потом я встретил Джанет.

Только не спрашивайте, как мне посчастливилось ее зацепить, ведь она, говоря напыщенно, из высших кругов общества. Она дочь профессора Жукера; среди ученых это имя много значит. Но мне повезло, в кои-то веки я наткнулся на что-нибудь стоящее. Находка стоила того, чтобы выползть из утробы, самую малость опережая нытика Джека.

Вскоре мы уже обсуждали, как сыграем свадьбу.

Оставался еще вопрос отношений с ее отцом, и я должен признать, что сильно нервничал в тот день, когда они с Джанет явились пообщаться с нами в заднюю комнатку обшарпанного офиса на третьем этаже здания по Стэйн-стрит. Не все сочтут изыскателя достойным женихом для благополучной молодой красавицы.

Вообразите мое несказанное облегчение, когда профессор Жукер оказался толстеньким коротышкой с аккуратно подстриженной бородкой, которому не было никакого дела до общественного статуса. Он интересовался лишь тем, что умеет собеседник. Через десять минут мы уже оживленно болтали.

— Ну что ж, — проговорил он наконец, — а чем вы сейчас заняты, братцы?

Джек вздохнул.

— Ничем, — признался я.

— Никаких заказов?

— У нас *есть* на примете одно местечко, но это скорее конфиденциально. Мы раздобыли кое-какую инфу с корабля, чиркнувшего по краю темной туманности Монтомгери. Как вы знаете, там внутри температура практически нулевая.

Жукер кивнул.

— В туманности был обнаружен плотный объект, — продолжил я. — Звездой он оказаться не может, значит, это одиночная планета. Ей даже дали предварительное имя. Селентенис.

— Физика низких температур — всегда прибыльное занятие, — вставил Джек. — Нам бы только стартовый капитал...

По глазам Жукера было видно, что он уже заинтересовался и строит планы на будущее. Выяснилось, что физика низких температур — особо пленительная для него область, и он с энтузиазмом поддержал нашу мысль, что поле деятельности там еще непаханое. Абсолютного нуля слишком тяжело достичь, и туманность Монтомгери уникальна: никто прежде не сталкивался ни с чем подобным.

Жукер решительно вознамерился обследовать планету. Не давая времени на раздумья, он вытасил деньги и заявил, что намерен сопровождать нас.

Мы ухватились за его предложение, как утопающие за соломинку.

— Вы не пожалеете, — горячо заверил его Джек, по своему обыкновению взявшись за соломинку не с того

конца. — Вы получите свои деньги обратно. Все будет в порядке.

Профессор, похоже, пропустил его реплику мимо ушей. Джек завел разговор о необходимом оборудовании, а Джанет уселась на край стола и стала болтать ногами в воздухе.

Жукер тоже набросал список того, что хотел прихватить в экспедицию. Джек просмотрел записи.

— В Сан-Франциско есть места, где кое-что из вашего списка можно достать задешево, — заявил он. — Конечно, потребуются наше с Бобом участие, чтобы уломать на сделку.

— Сан-Франциско? — удивленно переспросил Жукер. — А тут, в Лондоне, разве не получится?

Джек передернул тощими плечами.

— Вы не поняли. Сан-Фран — лучшая в мире свалка для таких, как мы. Разница в цене того стоит.

— Ладно, вперед, — отозвался Жукер.

— Мне придется полететь с вами, — заметила Джанет, заговорив впервые за полчаса. — Подписать чеки.

— Э-э... — промямлил Джек, — ну да, кто-то ведь должен, я думаю.

И мы отправились в путь. Жукер, вероятно, был слишком доверчив, но, с другой стороны, что он терял? Попытайся мы его обмишулить, я бы лишился шанса на руку и сердце его дочери.

Но мы честно выполняли свои обязательства. Мы корпели в поте лица, собирая оборудование и устанавливая на верном нашем корыте картриджи для двигателей, с помощью которых надеялись допрыгнуть до

Монтгомери. В этом залог успеха изыскательской партии: не в корабле, поскольку у большинства опытных фрилансеров так или иначе откровенные развалюхи, а в картриджах. Чем дальше хочешь забраться, тем дороже картриджи тебе потребуются.

Несколько раз Джек и Джанет отправлялись в вылазки за оборудованием вдвоем. В чем Джек меня превосходит, так это в умении торговаться. А я впервые за всю жизнь был счастлив. Я размышлял, как все пойдет, когда мы вернемся. Оглядываясь сейчас назад, я немного стыжусь своей беззаботности.

И вот настал день, когда мы с Джеком и Жукером отправились к Накопителю, где предстояло провести несколько часов, получая разрешение на вылет. Короткая задержка в Накопителе доставляла мне не виданное прежде удовольствие. Там, как всегда, яблоку негде было упасть от изыскателей. Закаленные жизнью и покрытые шрамами, молодые и неопытные, ленивые и умные, а также, что самое удивительное, искренние даже после многих лет на этой ниве. Незабываемое зрелище: толпа людей, рвущихся на поиски счастья в галактических просторах. Налет цивилизации с них малость облупился, но вместе с тем попадались тут и совершенно уникальные типы.

Я разговорился со старым знакомцем, который заявил, что напал на след богатой жилы времякристаллов, камней, преломляющих во времени, а не в пространстве². Ох уж это Эльдорадо, предмет многолетних все-

² См. о них в более позднем романе Бэйли *Столпы вечности*, где использован отдаленно сходный сеттинг.

общих шуток! Естественно, он не мог мне открыть, где именно расположена жила. Он и так разоткровенничался сверх меры: еще пара лишних слов, и по следу его двигателей устремятся полдюжины конкурентов.

Прилетали возвращенцы: взбудораженные успехом, разочарованные или попросту смертельно вымотанные. Они заполонили таверны Накопителя: кто-то отключался, роняя голову на столешницу, кто-то заливал фрустрацию дешевым виски или пробовал отвлечься в обществе местных шлюх.

Вскоре безвкусная громкая музыка, лампы без абажуров и давно не мывшиеся сотрудники службы досмотра остались позади. Мы отчалили в галактический мрак, где звезды подобны электронам в плазме, а несколько тысяч разлетающихся из Накопителя кораблей напоминают неуязвимые нейтрино.

Прошло около месяца, и мы достигли края темной туманности Монтгомери.

Зрелище было удивительное. Из большинства наблюдательных точек Галактики звезды видны во все стороны, насколько хватает взгляда. Такие места, как эта туманность, редки: их окружает непроницаемая тьма. На самом-то деле пыль и газ, слагающие туманность, разрежены сильнее, чем любой вакуум, доступный в лаборатории, но протянулись они на сотни световых лет, так что звездный свет блокируют отовсюду.

Другая особенность туманности Монтгомери: в ней самой звезд нет. Никто не знает, почему это так. Внутренность туманности поэтому не разогрета, в отличие от большинства аналогичных вроде Угольного Мешка,

и, если нам повезло, окажется, что в глубинах Монтгомери тепловая активность отсутствует вовсе.

Мы стояли у обзорного иллюминатора и разглядывали близкую туманность. У Джека вид был унылый, а вот профессор Жукер просто лучился счастьем.

— Это обнадеживает! — восклицал он. — Это чрезвычайно обнадеживает!

Мы включили масс-детектор и, определив координаты участка туманности, где находилось самое крупное скопление вещества, двинули прямо туда.

И снова оказались во мраке: корабль рассекал носом непроглядную тьму.

Жукер с неутолимым интересом следил за показаниями сенсоров.

— Температура падает, — возвестил он.

— Ну а чего ж вы ожидали? — огрызнулся Джек.

Надо сказать, что, проведя месяц в полете, мы с Джеком оба дошли до предела. В тот день у меня было необычно хорошее настроение, и это, полагаю, злило Джека еще больше.

Жукер хмурился, наблюдая, как продолжает падать температура.

— У нас могут возникнуть проблемы, — предостерег он. — Да, знаю, мы приняли меры предосторожности, но учтите, что при околонулевых температурах физика материалов меняется, и ничего с этим не поделаешь.

— Я в курсе, — бросил Джек. — Вы ж не хотите сказать, что корпус треснет, ведь нет? Он атомно-силовой краской покрыт.

— Да, это, конечно, поможет. Ну ладно, поглядим. Возможно, придется подпитывать краску энергией, чтобы она сохраняла прочность.

Джек застонал, оглянулся на меня и хмыкнул.

— Если что-нибудь стряется, я просто лягу в койку и натяну на голову одеяло.

— Что же до меня, — сказал я, когда Жукер покинул комнату, — то, если начнет холодать, я стану думать о возвращении и объятиях Джанет.

Он окинул меня странным взглядом, словно соль шутки до него не дошла.

— Я так и думал, что ты это скажешь. Ты всю дорогу только о девчонке и болтаешь.

— А почему бы и нет? — ошетинился я. — Ты просто ревнючка.

— Гм. Не в этом дело. Мы о добыче обязаны думать, и ни о чем больше. Не превращайся в невротика, пожалуйста.

Я слегка удивился, но промолчал. Джек сел за панель управления и с отсутствующим видом пробежался пальцами по регуляторам. Он еще некоторое время с натушной деловитостью болтал обо всем подряд — с ним иногда такое случалось, — но постепенно увял и поскуchnел, а я и без того к нему не прислушивался.

Профессор Жукер проводил почти все время, отслеживая показатели сенсоров на корпусе. Они не были полностью отведены под мониторинг состояния корабля, так что сканеры дальнего охвата он распределил по всем направлениям. Ему не терпелось выяснить,

сколько энергии просачивается через газопылевой покров.

Настал день, когда профессор торжествующе воровался в рубку.

— Я уже час наблюдаю за детектором на корме, — заявил он. — С той стороны ничего не приходит!

Ничего. И со всех остальных направлений — тоже. Мы были отрезаны от внешней вселенной. Область пространства диаметром несколько сотен световых лет, полностью лишенная энергии.

Но еще несколько дней пути оставалось нам до Селентениса.

Профессор Жукер мог с уверенностью заявить, что ни один фотон лучистой энергии никогда не касался поверхности этого мира за всю историю до нашего прибытия. Мы обшарили ее лазерными лучами с расстояния сотен миль. Вскоре удалось провести уточненную оценку: планета не только не получала энергии извне, но и по каким-то причинам не источала собственного тепла.

Ни единой калории, ни одного кванта тепла на всей планете.

Она пребывала в полном одиночестве, лишенная тепла, жизни, движения. Мир безвременной смерти.

— Вот оно, ребята! — возгласил профессор Жукер, что есть силы похлопав нас обоих по спинам. — Бестемпературный Мир! Уверяю вас, здешняя материя радикально отличается по свойствам от привычной нам. Это волшебное место.

Мы осторожно стали опускаться на поверхность.

Все оказалось так, как и предсказывал Жукер. Кораблю нужно было активно помогать, чтоб он на части не развалился. Первый час на планете отняла установка микрообогревателей во всех частях судна, и это была нервная работенка.

Наконец мы с ней покончили и слегка расслабились. Собравшись в рубке управления, мы обратили к равнине внешние телесканеры.

Прожекторы, установленные на корпусе, очертили освещенный круг диаметром около сотни ярдов. За его пределами не было ничего, но там *ощущались* уходившие в вакуум тьма и холод.

Внутри круга почва выглядела почти ровной, но какой-то изломанной, ненадежной, с кочками и ухабами, происхождение которых обещало доставить свои загадки. В одном месте у периметра я заметил овражек. И цвет: унылый, тускло-зеленый.

А небо? Над головами попросту ничего не было видно. Напомню, что в обычном смысле неба у Селентениса нет, поскольку снаружи планеты не достигает ничто, а значит, для всех практических целей можно считать, что над ее поверхностью ничего нет.

Суммируя свои впечатления от этого мира, я мог бы лишь назвать его суицидально тоскливым.

Но, разумеется, у нас не было времени глазеть по сторонам, поддаваться поэтическим порывам или даже приходить в восторг. Нас ждала серьезная работа, которой мы и занялись без промедления и вопросов.

Жукер с радостью принял на себя командование большинством экспериментов, и действовал он куда методичнее, чем могли бы мы. Конечно, в том не было ничего удивительного, он же профессор, но, наблюдая за ним, я размышлял, как большинству изыскателей, судя по всему, попадает в руки лишь малая часть доступной информации, поскольку их собственные знания неадекватны задаче оценки потенциала планеты во всех отраслях, кроме пары-тройки. Глядя, как работает профессор, я приближался к пониманию подлинного научного метода, разительно отличавшегося от нашей привычки хватать то, что плохо лежит.

Энтузиазм профессора был колоссален. Мы шаг за шагом собирали аппаратуру для экспериментов снаружи и снова затаскивали ее внутрь, если появлялись подозрения, что оборудование пострадало от бестемпературных условий. В конце концов мы наладили минимальный обогрев, но до той поры мне и Джеку пришлось нешуточно попыхтеть.

После этого оставалось только помогать Жукеру в десятках намеченных ученым опытов. Он захватил с собой образцы всех материалов, какие смог достать, и теперь исследовал их поведение при полном отсутствии тепла. Мы были вынуждены продержать образцы снаружи продолжительное время, чтобы тепло полностью утекло из них, но затем, когда начались эксперименты, Жукер нарадоваться не мог.

— Ребята, — восклицал профессор, — вот с чего должны были начинаться исследования в области материаловедения. До этого момента природа вещества

была замаскирована постоянным присутствием тепла. Впервые мы можем получить представление о том, как оно себя ведет в состоянии покоя!

Вскоре после этого он разрядил в планету миллион вольт. Он накапливал его в бортовом генераторе несколько часов, а опустошил за миллисекунду. Прошли часы, а напряжение не понизилось и на вольт. Планета налилась электричеством; ток сновал по миру, где все вещества обладали сверхпроводимостью, а сопротивление было нулевым.

Джек впечатлился.

— Ничего себе, ты только подумай! — заметил он. — Через миллион лет ток все еще будет тут!

Лично я уже не мог дождаться часа отбытия. Как справедливо указал гость моей вечеринки, эта планета тяготит своей мертвенностью. Если думаете, что Луна безжизненна, значит, Селентениса еще не видели.

На третий день я взялся строить конкретные планы.

— Чем ты займешься, когда мы с Джанет поженимся? — спросил я у Джека однажды, когда профессор возился в кладовой. — Если хочешь, можешь оставаться с нами. Мы наверняка купим большой дом за деньги, которые выручим после этой экспедиции и от всего, что тут найдется.

Он замахал руками.

— Может быть. Никогда не знаешь, как повернется.

— Ты что хочешь этим сказать? — спросил я, приглядываясь к нему.

— Да так, ничего.

— В любом случае, — сказал я, — мы будем тебе рады.

Возможно, я дал слишком щедрое обещание, но у меня душа пела, побуждая забыть прошлые горечи. Я сел почитать, а Джек принялся бесцельно слоняться кругом.

Вдруг он проговорил:

— Пойдем, профу нужны новые данные с вольтметра. Пойдем наружу.

— Это и одному можно сделать.

— Да, но... идем-идем, тебе полезно прогуляться.

Я встал и вместе с ним пошел в кладовую. Мы натянули скафандры и выбрались через воздушный шлюз наружу.

Я окинул коротким взглядом круг света. Когда поймешь, насколько пустынно безвоздушное холодное пространство за пределами скафандра, все происходящее в нем воспринимается на слух особенно остро, включая работу дыхательного модуля. Мы двинулись к вольтметру, который Жукер оставил в постоянном контакте с поверхностью, чтобы следить за сверхпроводником.

Показатели не изменились, как и во все предыдущие часы. Примерно миллион вольт.

— Как и следовало ожидать, — удовлетворенно констатировал я.

— Боб, — нервно начал Джек, — я хочу тебе кое-что сказать.

— Что?

— Про меня и Джанет.

У меня заledenели кишки.

— Ты что имеешь в виду — про *тебя* и Джанет?

— Она не выйдет за тебя замуж. Мы с ней... в общем, мы сошлись.

Я целую минуту не осознавал смысла услышанного. Потом до меня постепенно дошло, и в голове вихрем закружились мысли.

Я не отвечал. Я продолжал смотреть на него.

— Честное слово, я не хотел, — быстро проговорил он. — Оно как-то само собой получилось. В поездке в Сан-Франциско. Мы ничего не смогли с этим поделать.

Он избегал моего взгляда.

— Ты что же это хочешь сказать, — прошипел я, — вы *поженились* втайне от меня?

— Ну, э-э, нет, но по сути...

Он попятился, видя, что во мне пробуждается ярость.

— Оно как-то само собой...

— Само собой! — выплюнул я. — Ты увидел возможность и стал на нее давить со всей дури, я уж тебя знаю! Ты наверняка поработал на славу!

Вид у него сделался жалкий, как всегда, стоило мне его застигнуть с поличным.

— Но на этот раз, — прорычал я, сбиваясь с дыхания, — на этот раз...

При этих словах я оценил сообразительность Джека. Когда он признавался, что напакостил, то обычно делал это на расстоянии или так, чтобы потом некоторое время не напоминать о своем существовании. Но куда он денется на корабле?

Поэтому он и выманил меня наружу. Он понимал, что нужно любой ценой замедлить мою реакцию, чтоб ему

было проще выкрутиться. Я тоже это понимал, как ни разъярен был. Рано или поздно наступает момент, когда злиться уже нет сил.

Но я, может, и понимал это интеллектуально, а эмоционально все еще полыхал.

— На этот раз я собираюсь убить тебя, — закончил я.

Джек развернулся и кинулся наутек, но движения в громоздком скафандре давались ему нелегко. Все как обычно. Я пытался не отстать и не споткнуться, преследуя его. На самом-то деле я не собирался его убивать. Я только хотел его сцапать, затащить обратно на корабль и измолотить в кровавый пудинг.

В таком намерении я был искренен, и братишка, должно быть, почувствовал это, припустив еще отчаянней. Сначала он метался из стороны в сторону, делая частые случайные повороты и пытаясь использовать преимущества ухабистого ландшафта, но я настигал. Вдруг он бросился прямо на периметр круга света.

Я раскусил его стратегию. Он настроился какое-то время шнырять во мраке, где я его не найду. Когда решит, что я уже остыл, то вернется.

У края освещенного участка действия Джека стали целеустремленными. Он достиг замеченного мною ранее мелкого оврага и начал спускаться. Выбравшись по стенке с другого края, он оказался бы в безопасности.

Это мнение Джека было ошибочным.

В почве под нашими ногами бродил миллионвольтный ток. Электричество выбирает кратчайший маршрут, поэтому, пока мы перемещались по поверхности, ток не мог бы пронзить нас. Вы и на Земле наверняка замеча-

ли, что птицы без опаски сидят на проводах электросети.

Карабкаясь по противоположной стороне овражка, Джек потянулся ухватиться за другую стенку, чтобы легче было забраться наверх. Его тело превратилось в перемычку.

Миллион вольт мгновенно замкнулся через нее.

Я увидел вспышку, но из интеркома ничего не слышалось. Я продолжал бежать, но, достигнув овражка и заглянув в него, не увидел ничего сколько-нибудь крупного.

Я автоматически оглянулся на вольтметр, установленный позади. Напряжение ощутимо спало.

Учитывая, как Джек себя вел всю жизнь, такой конец рано или поздно просто обязан был его постигнуть. Однако я оставался его братом, и меня расстроило случившееся.

Это было еще не всё.

Когда я вернулся рассказать о происшествии Жукеру, то решил, что опущу детали про Джанет. Неуместно было бы разглашать историю ее отца.

Меня охватила тоска, смешанная со странным чувством собственного ничтожества. Подступило одиночество. Я почувствовал, что оказался там же, откуда начал, но на сей раз даже он не составил мне компанию.

Жукер это заметил. Он выразил искреннее сочувствие.

— Не позволяй этим чувствам тобой завладеть, — посоветовал он мягко. — Случившегося не воротишь. В будущем еще много всего предстоит.

Я мрачно кивнул. Жукер не знал, что палка эта о двух концах.

Селентенис давил на меня все сильнее.

Мы с Жукером продолжали работу. Нам удалось накопить огромное количество данных: графики, диаграммы, сводки измерений свойств бестемпературных материалов. Результаты отвечали всем нашим ожиданиям.

Жукер уже некоторое время раздумывал, как переместить образец селентенийского вещества на Землю, и счел такую задачу посильной. Он собрал в кладовой холодильную установку, облачился в скафандр и вышел. Спустя несколько минут он вернулся с осколком тускло-зеленого камня, который охлаждал водородным льдом.

— Я отколол эту штуку от одной из крупных глыб, — пояснил он. — Теперь можно провести по-настоящему подробное исследование.

Перенеся осколок в кладовую, он опустил пакет с водородным льдом в контейнер с четырехслойной корпусной защитой. Затем осторожно внедрил в лед электроды: непростая работка, ведь холодильная установка была громоздкой. В миг, когда зонды коснулись образца, экраны нескольких осциллографов ожили, по ним заматались кривые.

— Камень, как и остальное вещество планеты, несет электрический заряд, — объяснил мне Жукер. — Посмотрим, изменился ли он с того момента, как я пропустил разряд через почву.

Отойдя на шаг, он посмотрел на осциллографы.

Его взгляд застыл, став отстраненным.

— Боже мой, — пробормотал он.

— Что такое? — спросил я. Скачки кривых удивили и меня, но ведь этот мир сам по себе необычен.

— Роберт, это мозговые волны.

Меня как током ударило, и я понял, почему кривые показались мне отдаленно знакомыми. Разумеется, мне случалось видеть электроэнцефалограммы.

— Альфа-ритм проявляется совершенно четко, — прокомментировал Жукер, вглядевшись в сигналы. — Другие несколько искажены, но это, скорее всего, потому, что мы регистрируем два или больше ритма на одном графике. — Он говорил все быстрее. — Ты понимаешь, что происходит? Это Джек! Когда разряд пронзил его, произошла модуляция тока электрическими ритмами его нервной системы. — Он возбужденно хлопнул в ладоши. — А подумать только, *на что* еще способна бестемпературная среда!

— Вы хотите сказать... он еще жив?

Профессор с сомнением покачал головой.

— Так можно зайти слишком далеко, и...

Он осекся. Волны на экране осциллографа вдруг изменились, как происходит с энцефалограммами при перемене режима умственной активности.

Дальше отрицать очевидное было невозможно. Профессор Жукер вооружился частотным анализатором для разделения ритмов, потом подключил к нему микрофон и динамик. Мы и нескольких минут не провели за

сканированием частотного диапазона, как наткнулись на речевую частоту Джека.

Я поднес микрофон ко рту трясущейся рукой.

— Джек?..

Спустя пару секунд прозвучал знакомый голос.

— Боб, это ты? — неуверенно произнес он.

Мы с Жукером уставились друг на друга, предельно шокированные. В дальнейших расспросах отпала нужда. Модуляция миллионовольтного импульса оказалась исчерпывающей. Вся личность Джека, все его мысли и воспоминания перенесли туда, а теперь с тихим гудением беспрепятственно кружились в замкнутой всепланетной цепи. Какой фрагмент Селентениса ни отсекай инструментами, а все они будут содержать Джека.

Вот как я стал сторожем брату своему. В конце концов, мы ведь намеревались забрать пробы вещества на Землю. Что ж нам было еще делать, как не увезти его с собой?

Я услышал, как вдалеке слабо стукнула, открываясь и закрываясь, входная дверь дома: ушел еще один гость. Покосился на обломок зеленого камня, воспринимая его — в оболочке из водородного льда и предоставленной Жукером аппаратуры — скорее не глазами, а воображением. Задумался, каким бессильным и молчаливым стал теперь Джек.

За все годы, что мы провели вместе, я ни разу не давал себе труда пересмотреть наши с Джеком отношения: вплоть до тех последних дней на Селентенисе и обратного полета к Земле.

Любил ли я вообще когда-нибудь своего брата?

Сложный вопрос. Не думаю, что между братьями возможна любовь. Мы принимаем существование друг друга как данность. Были в нем черты, неприятные мне, но всякий раз, когда я на него злился, чувство это быстро проходило.

С другой стороны, когда бы ни случалось мне возненавидеть своего брата, сразу следом появлялось тошнотное ощущение, что я слишком на него похож.

Разница в том, что когда я мошенничаю, то забочусь замести следы.

Ну что ж, я снова выбрался сухим из воды. Джанет моя, так ведь? Она даже не заговорила с каменным обломком. Ни разу. Она вышла за меня замуж.

Сука? Если угодно. Может показаться странным, что я ее по-прежнему защищаю. Но человеческая натура — штука хрупкая. Выбирай лучшее, отбрасывай худшее.

Нет смысла притворяться.

Мы вели вполне достойную жизнь на вырученные от экспедиции на Селентенис средства. Как уже говорилось, я остепенился, и это меня устраивает.

Придвинувшись к контейнеру, я произнес:

— Джек, ты уверен, что с тобой все в порядке?

— Ну, — отвечал он, — у меня мысли в последнее время немного путаются. Наверное, тепло просачивается.

Я кивнул. Неизбежный процесс. Впрочем, если бы температура обломка возросла сколько-нибудь заметно, вещество камня утратило бы сверхпроводимость, и Джеку пришел бы конец.

— С другой стороны, — продолжил он, — ты же знаешь, что главная моя версия все еще там, на Селентенисе. Я — эдакий отсоединенный фрагмент.

— Ты все еще полностью функционален как ее копия, Джек.

— Знаю. Но... гм... иногда меня одолевает желание воссоединиться с собой. Слиться с основным током.

— Ты хочешь вернуться?

— Был бы не против.

— Ну, не знаю, Джек, — сказал я после паузы. — Джанет может не понравиться мысль о новых расходах на картриджи для очередной экспедиции в туманность Монтгомери.

— Хочешь сказать, что не отвезешь меня туда? — спросил он жалобно.

— Ты же знаешь, что я бы это *сделал*, чего б мне оно ни стоило. Но нужно учитывать еще и Джанет.

— Приведи ее сюда, наверх, — требовательно проговорил он. — Я ее уломаю, Боб. Я знаю, я могу это. Мы ведь были однажды близки, помнишь?

Не было нужды мне напоминать.

— Ты знаешь, какая она. Ее сюда и под пытками-то не заставишь подняться. Она никогда не придет.

Повисло молчание, но мне чудилось, что я улавливаю болезненные отзвуки. Наконец Джек заговорил снова, сдвленным голосом:

— Боб, послушай, я... я хочу вернуться на Селентенис. Я уверен, что если она согласится со мной встретиться, я ее уговорю. Но дело не только в этом. Я просто хочу с ней поговорить, ты же понимаешь. Нехорошо, что она меня так вот игнорирует. Я знаю, она те-

перь твоя жена, но... Я всего лишь хочу попрощаться, и только-то. Ты не можешь меня за это винить.

Меня искренне тронули его слова.

— Пожалуйста, Боб, *пожалуйста*, уприси ее сюда прийти. Всего разок.

— Я попробую, — пообещал я.

Из динамика донесся слабый вздох.

— Приведи ее сюда, и больше я тебя ни о чем не попрошу.

Я повернулся и вышел в некрашеную дверь, спустился по скрипучей лестнице, вернулся в сферу досягаемости звуков, света и ароматов парфюмерии жилых комнат и немногочисленных оставшихся гостей. На ходу я лениво прикидывал в уме стоимость нового путешествия к Селентенису.

Я дождался, пока уйдут все гости, и лишь после этого изложил Джанет свою идею. Она резким, недовольным жестом оправила на себе платье.

— Слишком дорого, — отрезала она. — Мы не можем бросаться такими деньгами.

— Но он мой брат.

Она раздраженно пригладила прическу.

— Ты не можешь найти... другого способа избавиться от этой каменюки? Выбросить ее в море или что-нибудь еще? Вообще говоря, я давненько уже подумываю ее выкинуть.

Она поднялась, поправила блузку и склонилась перед зеркалом, критически изучая макияж. Я в ужасе уставился на нее.

— Джанет, — начал я, увидев, как она проводит по брови влажным пальцем, — он хочет поговорить с тобой.

— Ты меня не одурачишь, я не поднимусь туда!

— Он просит совсем немногого, — взмолился я. — Это личность, Джанет, личность человека, с которым ты... была когда-то знакома. Разве для тебя он ничего не значит? Он хочет лишь попрощаться. Никаких неприятностей не будет.

Она развернулась на шпильках и вышла из комнаты. Сам не свой, я вскочил и кинулся за нею, упрашивая прислушаться. Не просите объяснить, что со мной было. Для меня в ту минуту не осталось в жизни более важных задач, нежели исполнить последнюю волю моего брата Джека. Я битый час говорил с Джанет у нас в спальне, не закрывая рта, и с каждой минутой упорство Джанет ослабевало.

Наконец я проговорил:

— Он все еще *жив*, разве ты не понимаешь?

Конечно же, именно этого она никогда и не понимала. Вероятно, подумалось мне, людей она вообще живыми не считает.

— А я тут при чем? — возмутилась она, борясь со слезами.

Но потом сдалась, поднялась на ноги и поплелась вместе со мной в заднюю часть дома.

Я чувствовал, как ей страшно подниматься по чердачной лестнице, и придерживал ее за руку. Бедная девочка, промелькнуло у меня в голове. Я открыл дверь

и провел ее за собой на чердак, где пахло плесенью и стоял неумолчный низкий гул.

Она озиралась, испуганная чужеродностью всего окружающего. Она была как рыба, выброшенная на берег.

— Джек, — произнес я, — Джанет здесь.

Последовала едва уловимая пауза, и из динамиков прозвучал хриплый голос, потрясший даже меня напором горечи и ненависти.

— Наконец-то приперлась, грязная шлюха! — сказал голос. — Как охеренно благородно с твоей стороны!

Бестелый голос на миг умолк, точно собираясь с силами, потом изверг парализующий поток ругательств и оскорблений. Сквозь эту брань просачивались подлинные чувства, которые Джек копил в себе так долго: разочарование и отвращение. Я осознал, что Джанет значила для него не меньше, чем для меня: она заполнила собой пустоту в его жизни, как случилось и с моей пустотой. Именно *поэтому* Джек настаивал на том, чтобы поговорить с Джанет.

Он никогда не сдается. Не мытьем, так катаньем добывается своего.

Джанет испустила слабый вопль ужаса, развернулась и убежала. Я услышал клцанье шпилек по лестнице.

— Ты зачем это сделал? — взорвался я.

— Ей не помешает парочка годных кошмаров, — сардонически ответил он. — Кстати, я хочу тебе кое в чем признаться. Ты помнишь все, что я тебе понарасказывал про нас с Джанет, что я ее у тебя увел? Так вот, это была ложь!

Больше я от него ничего не добился. Я остался стоять как громом пораженный. Джанет я про ее измену никогда не расспрашивал: боялся показаться ревнивцем.

Когда Джек сознался, я вдруг сообразил, какая это была невероятная глупость — поверить, что Джанет закрутила с ним интрижку, что, если уж на то пошло, она вообще могла мне изменить. Она просто не такая.

И все же я поверил ему. Джек точно просчитал ход моих мыслей и даже многолетнее молчание. В этом извращенном смысле он был подлинным гением.

За те несколько секунд я осознал весь масштаб трагедии Джека. Зависть, вылившаяся в жестокую провокацию. Затем, после непредвиденного исхода, бесконечные раздумья. Бедный братишка: у него же явно крыша поехала.

Я метнулся вниз по лестнице, но Джанет уже покидала дом. Она не потрудилась даже забрать красивую одежду и дорогие ювелирные украшения. Упаковала небольшой чемодан, хлопнула входной дверью, не сказав ни слова, и была такова.

На следующий день я попросил профессора Жукера приехать. Не слишком задержавшись на Джанет, я рассказал ему про Джека.

Он задумчиво покивал, выбил пепел из трубки и отложил ее.

— Ты прав, — произнес он, — к тому же надеяться сохранять ему жизнь бесконечно мы не можем. Температура неминуемо вырастет, пускай и на долю малую, а ему не будет утешения в мысли, что основной ток про-

должает странствовать по Селентенису. Спасти ему жизнь — веление обычной гуманности.

Жукер оплатил закупку дорогих картриджей, и я улетел. Что касается Джека, то я не стал даже спрашивать, по-прежнему ли он хочет вернуться. Я не собирался предоставлять ему выбора, поскольку понимал, что когда он исчезнет, я смогу вернуть Джанет себе.

Опустив корабль на Селентенис, я вышел, постоял немного у воздушного шлюза, взял рукой в перчатке зеленый обломок и зашвырнул его подальше.

Я даже не увидел, где он приземлился.

Прощай, братец Джек, и долгих тебе лет жизни! Темная туманность Монтгомери обширна и малоподвижна, так что годы твои, надо полагать, действительно будут долги. Ты проживешь до тех пор, пока не нагреется Селентенис, и, вероятно, все еще будешь здесь, когда исчезнет Земля.

Благодари окружающий тебя мрак. Когда сквозь него начнут мерцать звезды, твое долгое бдение окончится.

Что же до меня, то я счастливей в собственных плоти и крови. Какое-то время я буду радоваться Джанет, затем позволю своему телу тихо сгнить.

Порой я слышу в ночи ее всхлипы, но тянусь к ней, обнимаю и утешаю, и все приходит в порядок.

Семя зла

1

Бесконечное время.

*Этернус*³, лишенный эмоционального восприятия, не мог даже ненавидеть Своих создателей; однако Ему было ведомо одиночество. Уникальный и единичный, Он страстно желал присутствия кого-нибудь другого, помимо Себя.

Его существование не имело ни конца, ни начала. Его окружала неустанная вселенская вибрация творения и распада, длившаяся без малейших пауз, пока галактики рождались и умирали, словно снежинки в крутящемся мираже вьюги. Созерцая нескончаемую активность, *Этернус* видел расы, империи, миры, наблюдал, как возносятся они и низвергаются обратно в ненасытную бездну; и Он завидовал мириадам существ, чьим жизням был дарован смысл уж одним тем, что жизни эти обязаны окончиться. Его же существование окончиться не могло, Ему были ведомы равно вечность и бесконечность, в коей исчезают все смыслы и структурные мотивы.

³ æternus — бессмертный, вечный (лат.).

Этернус не имел вещественной структуры, а был запечатлен на ткани пространства и времени, так что воздействовать ни на какие материальные объекты не мог. Однако Свое внимание Он фокусировал по желанию где угодно, даже внутри атомов. И Он мог *позвать*: обратиться к душам без их ведома, склоняя их к общению с С собой.

Он выискивал некое сочетание событий, которое позволит извлечь кратковечное существо с вещественного плана бытия и переместить его в бестелесную вечность, единственным обитателем которой являлся сам *Этернус*. Лишь таким образом мог Он надеяться испытать чувство чужого присутствия, и лишь к этому Он стремился. Обозревая вещную юдоль, Он видел, что все доброе так или иначе разрушается, а зло переживает его. Поэтому внимание *Этернуса* сосредоточилось на определенной устойчивой последовательности, сотканной из алчности и страсти, и Его зов разнесся над волнами творения и распада. Призыв. Клич.

2

В начале двадцать второго века Солнечная система отреагировала на появление иномирского гостя с меньшим изумлением или шоком, чем то могло бы произойти в веке двадцатом. СМИ вначале освещали это событие материалами на первых полосах, но по прошествии нескольких дней стали уделять ему меньше внимания и сосредоточились на откровениях высокой моды нового сезона. Интерес научного сообщества, однако, не утихал, хотя и не сопровождался чрезмерным

восторгом. Причины такой сравнительной холодности заключались, во-первых, в моде, а во-вторых, в том, что достижения астрономии и неуверенный прогресс космических полетов за последние полтора века уже давно позволили установить наличие в межзвездном пространстве обширных количеств биохимического вещества. Казалось неизбежным зарождение жизни в любых сколько-то приемлемых для нее условиях, и биологию теперь рассматривали как дисциплину не более уникальную для Земли, чем для тихоокеанского острова. Учитывая сказанное, контакт с инопланетной формой жизни представлялся гарантированным, хотя определить, когда точно это произойдет, не брались; консенсусное мнение гласило, что в течение ближайшей сотни лет или около того.

Поэтому в течение двух недель, пока чужака эскортировали на плазменном крейсере к исследовательской станции за орбитой Луны, а оттуда (после надлежащего бактериологического обследования) — в оживленный комплекс госпиталя и исследовательского института имени Игнатовой на берегах Темзы в Лондоне, ученые, прикомандированные к пришельцу, проявляли при общении с ним более или менее единодушное бесстрашие. По всему судя, этот образец среди своих инопланетных сородичей ничем выделяться не должен.

Единственный исследователь, не поддавшийся характерной для двадцать второго столетия тенденции подчеркнутой отстраненности, был хирургом, а звали его Джулиан Феррдж. Джулиан испытывал к чужаку более существенную привязанность, ведь именно его скальпели уже исследовали тело инопланетянина на

операционном столе. Однажды, вскоре после этого события, в просторном зале, залитом светом погожего дня через кольцо окон на уровне пола, взгляд Джулиана обвинительно-настойчиво перебегал от одного коллеги к другому. Присутствовали Ральф Рид, филолог, уже добившийся феноменальных результатов в обучении чужака английскому, Хан Соку, физик, Курдон, гипертрофированно вежливый и подчеркнуто официальный администратор, и Ханс Майер, космолог, надеявшийся получить от чужака ответы на Основные Вопросы мироздания.

Каждый из них, если не считать Курдона, располагал целой командой ассистентов. Самому Джулиану помогало полдюжины специалистов по биохимии, биологии и медицине, хотя выполненные до настоящего времени операции были незначительны: чужака снабдили специальным органом, позволяющим дышать земной атмосферой, и дополнительной вибрирующей мембраной, с помощью которой инопланетянин мог имитировать человеческий голос. Тем не менее существо это побывало в его власти, на его милости, а его химические тайны — на расстоянии взгляда. Задумываясь об этом, Джулиан снова и снова чувствовал дрожь возбуждения.

Ибо один относящийся к визитеру факт мог считаться надежно установленным. Возраст чужака составлял миллион лет.

Миллион лет. Слова эти эхом отдавались в сознании Джулиана, пока он разглядывал шестого посетителя зала: самого чужака.

Наибольшим сходством с ним из тварей земных обладала бы, вероятно, исполинская черепаха, если ее модифицировать телесно для придания черт насекомого или ракообразного существа. Высокий панцирь тускло поблескивал на послеполуденном свете. Под ним виднелось сложное переплетение волосатых ног и мандибул, а время от времени просверкивал металл какого-то артефакта. Новообретенный газовый мешок, с помощью которого инопланетянин перерабатывал земной воздух для нужд своего метаболизма, неуклюже свисал с тыльной стороны тела, едва заметно пульсируя.

Чужак, представившийся выходцем с Альдебарана, объяснил, что его имя можно перевести на земной язык как Бессмертный. Вполне уместное прозвание. Чего Джулиан не понимал, так это реакции коллег или, точнее сказать, отсутствия оной.

Бессмертный завершил долгую речь. Говорил он вежливым, немного заговорщицким тоном, резко контрастировавшим с внешностью массивной черепашьей туши. Воцарилось и затянулось задумчивое молчание.

Наконец Курдон произнес:

— Итак, вы просите предоставить вам бессрочный вид на жительство на Земле?

— Это так, господа.

— Что же вы предлагаете нам в обмен на такую привилегию? — вмешался Джулиан нетерпеливо. Коллеги неуверенно покосились на него. Все они слегка нервничали в присутствии нескладного тощего врача, склонного врываться в разговор при любой возможности, надменного и вспыльчивого.

— Ничего, — ответил Бессмертный тем же спокойным рассудительным тоном. — Как вам уже известно, я беженец с войны, развернувшейся на расстоянии некоторого количества световых лет отсюда. Столь яростен был этот конфликт, что я оказался последним выжившим из своей расы. Я прошу убежища. Нежелательных последствий вам ожидать нет надобности: это мое местопребывание врагам неизвестно. Я лишь хочу поселиться здесь и зажить тихой мирной жизнью на цивилизованной планете.

— Вы нам льстите, — сухо заметил Майер.

Джулиана ответ чужака не устроил.

— Вы можете щедро отблагодарить нас за гостеприимство, — возразил хирург. — Во-первых, ваш корабль способен к перемещениям в межзвездном пространстве, а наши нынешние суда — нет, и вполне понятно наше желание исследовать ваш двигатель, чтобы, если получится, воссоздать его. Возможно, у вас имеются особые знания, которыми вы сумеете продвинуть нашу технологию и в других направлениях. Вдобавок, и это наиболее существенно в данном случае, вы практически бессмертны. Вы наверняка уже знаете, что век представителей нашей расы прискорбно краток. Нам очень интересны секреты вашего метаболизма.

Бессмертный поцелкал мандибулами, прежде чем ответить.

— Это другое дело, — проговорил он извинительно, следя за своим голосом. — Честно говоря, я не намеревался торговаться. Мое желание — получить права гражданства на этой планете, включая право распоряжаться своей собственностью таким образом, каким

мне заблагорассудится. Вам несложно будет понять, что я не заинтересован преподнести вашему народу в дар секрет межзвездного двигателя. Я выбрал эту планету потому, что она малоизвестна и расположена в глуши.

Ральф Рид откашлялся.

— Доводы Бессмертного представляются мне вполне резонными, — мягко заметил он. — Было бы неуместным варварством с нашей стороны предоставлять ему право жительство в обмен на преходящие ценности вроде двигательной или какой-нибудь иной технологии. Если уж подходить к вопросу с позиции торга, то уже одно его присутствие здесь — достаточно щедрая плата. Бессмертный представляет инопланетную расу, совершенно чужую культуру, а его присутствие обогатит нашу собственную культуру. Разве я не прав?

Остальные согласно пробормотали что-то. Джулиан вскипел.

— Чушь! Мы стали такими декадентами, что сами не понимаем преимуществ своей позиции? Наверняка...

Курдон заткнул его.

— А теперь, а теперь, Феррдж, напомню вам, что такие вопросы следует обсуждать согласно установленному протоколу. Не забывайтесь.

Он посмотрел на Бессмертного, явно смущенный вспышкой напарника, и так же отреагировали остальные. От Феррджа последние несколько дней были одни хлопоты, и Курдон сожалел, что не дал себе труда изучить этого человека детальнее. Он поднялся, дав этим понять, что беседа окончена.

— Ну что ж, мистер, э-э, Бессмертный, мы, конечно, не вправе принимать подобные решения сами. Придется вынести вопрос на обсуждение с лицами, имеющими сообразные полномочия. Однако позвольте заверить вас, что я буду ходатайствовать, чтобы вашу просьбу удовлетворили.

— Благодарю.

Курдон задержался у дверей, поторапливая остальных. Последним шел Джулиан. Выходя, он оглянулся на Бессмертного. Джулиан был в ярости от собственного бессилия. Под панцирем проклятой черепахи скрыта величайшая драгоценность Вселенной, и похоже, что обратиться до нее ему не позволят.

Настанет день, молча пообещал он себе. Настанет день, когда я снова уложу его на операционный стол, и на этот раз он так легко не выкрутится.

Бессмертный обрадовался, когда его наконец оставили в одиночестве. Он опустился на специально сооруженный для него диван, расслабился и постарался собраться с грустными мыслями.

Он предался ностальгическим воспоминаниям о других, приятных периодах своего долгого существования. О чудесной цивилизации под кроваво-красным солнцем, Арктуром, где он недавно провел десять тысячелетий.

Он поведал землянам историю, которая была в целом правдива, но не полностью. Действительно, он не так давно чудом ускользнул из жестокой битвы. За миллион лет он привык ускользать от преследователей, которые рано или поздно подбирались с любой из сторон.

Но он почувствовал, что в кои-то веки утомлен. Он больше не испытывал готовности к бесконечному бегству, некогда овладевшей им. Он предчувствовал, что этот мир станет его последним приютом, и такая мысль порождала в нем смирение, смешанное со страхом. Однако он надеялся провести здесь счастливо остаток своих дней, как бы ни были они долги.

Как бы ни были они долги. Возможно, не так долги, как ему сейчас кажется. Порывистый Джулиан Феррдж — чем не первый охотник? Если не принять мер предосторожности, хирурга затянет в безжалостную и бесконечную трагедию, которая заменяла Бессмертному жизнь.

Он продолжал размышлять. Солнце клонилось к горизонту; за низкими окнами промелькнул красный шар, немного сходный с любимым Арктуром. Бессмертный не спал и ждал в темноте, пока оно взойдет снова.

3

Лондон двадцать второго века имел форму чаши.

В самом центре архаичным напоминанием продолжали стоять старые парламентские здания. Вокруг них раскинулись многочисленные правительственные департаменты, сливаясь на значительном удалении с традиционными зонами торговой активности, протянувшимися к северу вдоль Тоттенхэм-Корт-роуд, к западу и востоку по обоим берегам реки, а к югу до Ватерлоо. Здания эти, однако, были скромных пропорций и сохранили консервативный стиль двадцатого века. Дальше от центра уровень застройки постепенно по-

вышался, так что на периферии этой ступенчатой имитации хабитата высота пригородных зданий достигала почти мили. Хабитатные пригороды, лишенные четкой линейной планировки, при близком рассмотрении напоминали трехмерные джунгли и, в сущности, ими являлись, поскольку лондонцы вновь открыли для себя улады садоводства. По мере удаления они сливались в блистающую изогнутую поверхность, придающую городу сходство с просторным стадионом. Когда солнце восходило над периметром, великая чаша улавливала его лучи, когда же опускалось за край, свет продолжал проникать через мириады промежутков, создавая внутри панораму теней и сияния.

Аэроплат Джулиана снизился к чаше, смешался с траффиком аппаратов, мельтешащих над городом подобно мошкаре, и опустился на крышу. Офис Курдона находился в Сентр-Пойнт, здании двадцатого века, затерявшемся среди других, более современных. Джулиан миновал приемный зал и проследовал в кабинет администратора.

Курдон ожидал его. Приветствие было холодным.

— Я догадываюсь, о чем вы намерены просить меня, и боюсь, что ответ вас не порадует, — начал чиновник.

Джулиан энергично прошагал к предложенному креслу и опустился в него. Он испытующе взглянул на Курдона.

— Итак?

— Бессмертному предоставили первый в истории вид на жительство для внесистемного мигранта. Через пять лет, если не возникнет возражений, он получит полноценное западноевропейское гражданство. Переходя к

интересующим вас вопросам: вид на жительство выдан без дальнейших условий. Бессмертный отказался обсуждать тему технологических консультаций.

— Вы спрашивали его насчет секрета долголетия?

— Да, я адресовал ему ваш запрос, но и в этом он не проявляет стремления сотрудничать. Он намекнул, что секрет биологической перманентности, как он его называет, не принесет нам пользы.

Джулиан презрительно поджал губы.

— Честно говоря, я бессилён понять вас, государственных мужей. Чья это планета, наша или его? А как насчет корабля? Звездолет должен быть конфискован.

— Но почему? Это его собственность. Мы обязаны подчиняться требованиям законодательства.

— Законодательства! Законы таковы, какими мы их установили. Куда Бессмертному обратиться с протестом? Никуда. Он на полной нашей милости. Впрочем, корабль не слишком важен. Бессмертие важнее. Именно об этом следует задуматься.

— Не уверен, что могу с вами согласиться. Полагаю, Бессмертный прав. Бессмертие может оказать катастрофический эффект. Все, что мы создали, распланировано согласно характерному для нас ныне сроку жизни. Лично я вполне им доволен.

— Да пожалуйста, — фыркнул Джулиан. — Но не все в этом мире так благодущны. Можно же каким-нибудь образом выведать у него эту тайну? На какие средства он намеревается здесь существовать? Или правительство и об этом позаботится?

— Вообще говоря, нет. Ему предложили пособие, но Бессмертный отказался. Он рассчитывает зарабаты-

вать на жизнь написанием книг и раздачей интервью. Кажется, в Сент-Джонс-Вуд домик себе прикупить хочет.

Хирург мрачно поразмыслил.

— Я вам скажу, что я об этом думаю, — заявил он. — Вся эта затея с его гражданством — чушь собачья. Черт побери, вы к нему относитесь, словно к человеку, но он не человек! Он пришелец из космоса. Если не расскажет нам то, что мы хотим узнать, мы у него это силой вырвем, физиологическим обследованием. Вы только дайте мне пару недель наедине с его телом, и я все разужаю.

Он обошел молчанием весьма вероятную возможность, что Бессмертный и сам не знает, какой механизм поддерживает его в бессмертном состоянии, подобно тому как среднестатистический человек не сможет описать процессы собственного обмена веществ. Не упомянул он и того, что подобное обследование, скорее всего, причинит субъекту весьма значительный ущерб. Курдона и так взбесило, что Джулиан вообще заикнулся об этом.

— Феррдж, вы забываетесь! Подобные действия совершенно неприемлемы! Что скажут в остальном мире? Вы подумайте, что в Бонне скажут!

Джулиан пренебрежительно отмахнулся от этой попытки притянуть к делу вечные склоки между двумя столицами Западной Европы: Лондоном и Бонном.

— Было время, когда требования прогресса считались настоящими, — заметил он. — Теперь у нас появилась беспрецедентная возможность увеличить

сумму нашего знания, но это, кажется, никого даже отдаленно не интересует.

— Времена меняются. — Эти слова Курдона Джулиану представились оскорбительно лицемерными. — Мир успокоился. Достигнуто всепланетное согласие по всем основным вопросам. Проблема имущественного неравенства нашла приемлемое решение. Зачем гнаться за далекими мечтами? Жизнь так приятна. Почему бы не насладиться ею?

Джулиан был превосходно наслышан о концепции Золотой Послеполуденной Эпохи в развитии человечества, которая обрела недавно такую популярность. Насколько мог он судить, Золотая Послеполуденная Эпоха принесла с собой беспредельную скуку. Он был сыт ею по горло. Он предпочел бы родиться в прошлом, когда действия индивида еще что-то значили, а закон был препятствием, которое следовало обойти и, при удаче, сорвать значительный куш.

В этом случае куш будет очень значительным.

Он поднялся.

— Ничто не вечно. Времена переменятся снова. И тогда это существо вынуждено будет само о себе позаботиться.

Джулиан устремился к выходу из кабинета. Курдон сидел и смотрел в стол.

* * *

Вечером аэроплат Джулиана перенес его к южным ярусам Лондонской конурбации. Он припарковал маши-

ну в гараже на высоте пятисот футов от земли и вошел в соседнюю квартиру.

Собравшиеся там либо приходились ему близкими друзьями, либо достаточно симпатизировали воплощаемой Джулианом философии, чтобы им можно было доверять. Они образовали тесно спаянный кружок, находившийся в разительном несоответствии с нормами современного общества. Так или иначе, а каждый из них преследовал одну цель: жить вечно.

Они выслушали отчет о встрече с Курдоном, исход которой несложно было предугадать, и отнеслись к нему с циничным спокойствием.

— Трус и декадент, — констатировал Дэвид Ол. — Впрочем, такова жизнь.

Джулиан отпил вина из большого бокала.

— Придется брать дело в свои руки.

— *Mon Dieu*⁴, это как-то радикально, нет? — заметил чей-то голос.

— Мы уже обсуждали такую возможность.

— Да, но ты что, серьезно?

— Конечно же, серьезно, дурачина! — Джулиан сердито зыркнул на говорившего. Это был Андре, расхлябанный и непредсказуемый французик. — Думаешь, я на пустые грезы свое время трачу?

Андре пожал плечами.

— Кому духу не хватит, сразу покиньте собрание, — потребовал Джулиан. — Если подумываете нас заложить, вперед. Сделайте это. Мы будем все отрицать, и на том дело закончится. — *А потом, через несколько*

⁴ Боже мой (франц.).

лет, все равно это устроим, прибавил Джулиан мысленно.

Он не стал ждать ответов и, присвоив бутылку вина, удалился в угол комнаты, где растянулся на кушетке и присосался к горлышку. Пил он быстрыми жадными глотками.

Урсула Гайль отделилась от группы и улыбнулась, глядя на него ясными ореховыми глазами.

— Ты действительно собираешься это проверить?
— спросила она с легким немецким акцентом.

— Естественно. — Он схватил ее за руку и притянул к себе на кушетку.

— Но риск? Нас могут заложить. А я? Представь, что я предательница.

— Если так, я убью тебя.

Она едва слышно фыркнула, придвинулась к нему и потерлась носом о щеку.

— Вот это мне в тебе и нравится, Джулиан. Ты такой *порочный*. Вряд ли в тебе хоть одно доброе побуждение бродит.

— Доброе разрушается, а злое переживает его. — Он на миг сконфузился и потряс головой. Что заставило его ввернуть эту фразу? Наверное, уже опьянел немного.

Она отметила его неуверенную походку в рейде через комнату за следующей бутылкой.

— Ты не слишком много пьешь? Я думала, тебе завтра рано утром оперировать.

— Какое это имеет значение? Сейчас всеми инструментами электроника управляет. Я часто оперирую, когда пьян в дымину. Еще ни одного пациента не потерял.

Выпивка и звуки музыки из маленького проигрывателя расслабили его, окутали приятным теплом. Он испытывал сладкое предвкушение, чувствовал, что уже решился, и мосты позади сожжены. Его почти наверняка поддержат остальные. Что терять? Свободу? Жизнь? Это в любом случае будет у них отнято спустя несколько десятилетий. А призом может оказаться вечная жизнь.

В его уме уже начали оформляться наброски финального плана. Еще несколько лет придется выждать. Сейчас слишком рано действовать, да и подготовиться нужно как следует. Лучше всего на корабле, решил он. Оборудовать яхту всем необходимым и уплыть в океан для завершения работы: там их не найдут.

Потом он задался вопросом, а может ли вообще чужацкий метод бессмертия быть приспособлен к человеческому организму. Все понимали, что вероятность этого довольно невелика. Но кто они, как не сорвиголовы, ударившиеся в философию действия, не говоря уж — преступления? Джулиан сардонически усмехался, взвешивая эту мысль.

Спустя некоторое время он увел Урсулу в соседнюю спальню, где они энергично и страстно удовлетворили друг друга. Потом ее легкое дыхание во тьме вдруг сменилось словами:

— Чем ты пожертвуешь ради бессмертия, Джулиан? Этим тоже пожертвуешь?

— Я пожертвую всем, чего от меня потребуют, — ответил он. Она больше не задавала вопросов. Они лежали, уставясь в темный потолок, и пытались вообразить бесконечное будущее.

Минуло пять лет, прежде чем Джулиан счел обстоятельства подходящими.

Бессмертный неплохо интегрировался в человеческое общество. Масс-медиа о нем вспоминали редко, он вел отшельническую жизнь в большом доме, интерьере которого придал георгианские черты — этот стиль чужаку, судя по всему, понравился более прочих. Деньги он зарабатывал литературным творчеством. Джулиан внимательно изучил все его книги, особенно объемистую *Альдебаранскую общественную организацию*, но ничего полезного оттуда не вынес. История формирования у вымершей расы *гедонистического рангового порядка*, как это, видимо, называлось, его не интересовала. Перу Бессмертного также принадлежали крепкие, но не слишком оригинальные научно-фантастические романы с некоторыми соблазнительными деталями; биохимию он в них обходил стороной.

Вечером восемнадцатого июля 2109-го Джулиан и его пособники нанесли удар. Аэроплат, перелетая из тени в свет, приблизился к северным пригородам и нырнул в хабитатные джунгли.

Джулиан пилотировал машину, четверо других разместились в салоне. Аэроплат проследовал через трехмерный лабиринт роскошно отделанных стен, окон, дверей, потолков и садов, разросшихся изобильно почти на каждой крыше. Спустя некоторое время они достигли жилища Бессмертного.

Хотя во многих окнах соседних домов уже зажглись огни, домик Бессмертного был погружен во тьму. Джулиан опустил аэроплат на крышу, плоскую и лишенную насаждений, близ входной двери. Вылез, подошел к двери, дернул за ручку. Дверь была не заперта.

Он уже проверил наличие в доме сигнализации под видом журналиста, пожелавшего взять интервью. Очевидно, ее там не было, что Джулиан счел непростительным просчетом чужака. Он дал знак остальным. Группа сплотилась у него за спиной и стала спускаться в сумрачные недра здания.

Джулиан ненадолго задерживался оглядеть изящные комнаты. У Бессмертного, вне сомнений, неплохой вкус. Мебель была странных форм, изготовленная под чужацкие, а не человеческие пропорции, но в целом жилище это вполне могло принадлежать культурному, высокообразованному англичанину.

Чужак обнаружился в гардеробной комнате на нижнем этаже. Он спал. Джулиан знал, что инопланетянин иногда засыпает беспробудно на неделю. Выудив из кармана небольшой цилиндр, он выпустил в воздух комнаты невидимый газ. На людей вещество не оказывало воздействия, альдебаранца же погрузило в еще более глубокое забытие. Бессмертный теперь точно не проснется.

Джулиан разработал этот трюк, опираясь на свой опыт медицинского исследования чужака. Они подняли тело и водрузили его на носилки. На удивление легкая ноша.

У двери на крыше Джулиан еще раз быстро огляделся. Вряд ли за ними наблюдают. Он нетерпеливым жес-

том поторопил спутников. В считанные секунды ношу погрузили на аэроплат.

Вынырнув из хабитатной зоны, они снова выскочили на открытое пространство и устремились к югу.

Почти одновременно с этими событиями сработала сигнализация, установленная Курдоном.

Пять лет назад, обеспокоенный настойчивостью Джулиана, он принял меры. Жилище Бессмертного наспиговали жучками.

Но служба наблюдения, расхолодившись от бездействия, промедлила с реакцией на весть о присутствии незваных гостей в доме. Следуя протоколу, они сначала связались с администратором.

Курдон выслушал сообщение у себя дома с изумлением и, поначалу, недоверием.

— Дайте мне на них посмотреть.

Оператор спокойно ответил:

— Они уже покинули дом. Мы отслеживаем перемещения их аэроплата. Они летят в сторону Гринвича. Их можно задержать в любой момент.

— Нет, рано. Если у них хватило наглости похитить Бессмертного, заговор, несомненно, разветвленный. Проследим, куда он нас выведет.

Похитители затерялись на возносящихся террасах южной окраины города. Полицейские платы следовали за ними на просчитанном удалении, как рыбы среди морских кораллов.

В запутанном переплетении построек они вскоре отстали, но не слишком обеспокоились. Спустя несколько минут след, несомненно, удастся взять снова, и на этот раз уже у цели.

Так и вышло. Однако именно этих нескольких минут им и не хватило. Они обнаружили аэроплат и дом, у которого тот был припаркован, пустыми. Первой реакцией полицейских было обследовать соседние здания и проверить, не перебрались ли похитители в другой аэроплат. Спустя некоторое время они наконец сообразили, что те с таким же успехом могли пересесть на водный транспорт и смешаться с речным траффиком, устремлявшимся в открытое море.

Курдон наблюдал за происходящим из своего дома и чертыхался.

В Средиземном море, на борту яхты *Руди Дучке* с фортепиано в салоне, Джулиан столкнулся с затруднительной ситуацией.

Коротко говоря, его спутники струсили.

— *C'est dangereux, mon ami*⁵, — меланхолично заметил Андре. — Они уже наверняка ищут нас. А если они догадаются, что мы увезли его в море?

— А как им об этом догадаться, идиот? — огрызнулся Джулиан. — У них эта вероятность среди самых отдаленных, и всё. Что касается морской погони... ты хоть представление имеешь, сколько кораблей в океанах мира в любой заданный момент времени? Блин, да их не меньше миллиона, я думаю.

— И все же, — осторожно возразил Дэвид Ол, — мы не можем считать себя в безопасности, пока это существо на нижней палубе — или его останки — не за бортом. Как долго?

⁵ Это опасная затея, мой дорогой (франц.).

— По меньшей мере несколько месяцев, поэтому отставьте панику. И заруби себе на носу, что считать себя в безопасности ты *никогда* не сможешь. Хватит трусить, Бога ради!

При первой же удобной возможности я от них избавлюсь, пообещал он себе. Толку от них никакого, стоило фантазиям начать воплощаться в жизнь, а эти придурки уже штаны обмарали. Кроме Урсулы. Ее в расход пускать нет смысла. Она круче их всех вместе взятых. Странные люди эти женщины.

В действительности запланированные исследования Бессмертного были только первым этапом операции. После этого потребуется распорядиться добытым знанием. Почти наверняка это отнимет годы.

Он планировал пройти через Суэцкий канал в Индийский океан, где западноевропейское влияние слабело, а вероятность задержания пропорционально уменьшалась. Покончив с Бессмертным, он намеревался сойти на сушу для дальнейшей работы. Индия манила его коррупцией: он был уверен, что сможет там укрываться, сколько потребуется, и получить доступ ко всем необходимым для реализации проекта ресурсам.

Сочтя, что отдохнул достаточно, Джулиан взялся за дело.

В сопровождении Дэвида Ола, у которого был опыт биохимической работы, он спустился на среднюю палубу, оборудованную для всех запланированных задач.

Аппаратура, установленная там, позволяла при желании разъять чужака мышцу за мышцей, нерв за нервом, молекулу за молекулой.

Они осмотрели пристегнутого к операционному столу Бессмертного. Чужака окружали электронные манипуляторы, которыми предстояло пользоваться при экспериментах: Джулиан не доверился бы в такой ответственной работе своим рукам, к тому же полагал, что придется докопаться до клеточного и молекулярного уровней. Половина лаборатории была отведена под биохимические анализы и построение моделей нервной системы. Если бы возникла потребность в дополнительном оборудовании, его, по мнению Джулиана, всегда можно было закупить в Индии.

— А если мы так ничего и *не сумеем* найти? — заметил Ол.

— Вряд ли. Я склонен полагать, что бессмертие Бессмертного не является естественным свойством его вида. Это бы попросту не имело смысла, ведь так? Любое биологическое существо обязано умереть, иначе его экосистема не могла бы работать. Полагаю, вечная жизнь была достигнута искусственно, и если я прав, мы сможем выяснить, как именно.

Джулиан щелкнул тумблером, и лаборатория наполнилась гудением установок.

— Для начала проверим, не переменилось ли строение у нашего приятеля и не пожелает ли он обесмыслить всю нашу работу.

Он отмерил пипеткой несколько кубических сантиметров пахучей жидкости и ввел ее в орган непосредственно под панцирем Бессмертного. Инопланетянин, которого пристегнули панцирем вверх и обнажили переплетенную массу придатков, открыл полупрозрачные

молочные глаза и слабо пошевелился. Глаза изогнулись и сфокусировались на Джулиане.

— Ты совершаешь ошибку... — слабо проговорили голосовые связки.

— Это *ты* совершил ошибку, — ответил Джулиан. — Ты знаешь, чего мы хотим. Отдай нам его, и мы пощадим тебя.

— Нет. Я не... не могу.

Джулиан помолчал.

— Я хотел бы задать тебе несколько вопросов, — произнес он затем. — Ты ответишь?

— Да...

— Во-первых, можно ли обнаружить секрет твоего бессмертия? То есть — проявляет ли он себя в свойствах твоего тела, поддающихся анализу?

— Да...

— Можно ли его испытать на себе?

— Да, и куда легче, нежели тебе кажется.

Возбуждение Джулиана нарастало.

— И в чем же он состоит? Если уж ты так разговорился, почему бы не рассказать все до конца?

Бессмертный дернулся.

— Молю тебя, не ищи бессмертия. Забудь свою страсть, оставь меня в покое.

— Я понял! — воскликнул Джулиан в нежданном порыве вдохновения. — Твое тело содержит определенную субстанцию или еще что-нибудь, не так ли? Чтобы испытать ее на себе, я должен изъять ее из твоего тела, не так ли?

Бессмертный внезапно застыл в неподвижности, словно отчаявшись.

— Ты близок к верному ответу. Но, прошу, откажись от своих намерений. Ты не понимаешь. Это твой последний шанс сохранить благоразумие.

— Я одно понимаю: ты цепляешься за свою шкуру. Увы, в этой вселенной любой дефицитный ресурс со временем переходит к более сильному претенденту на него. — Он посмотрел на Ола. — Ничего не говори другим. Нужно проверить все факты, прежде чем открывать им проблематичную информацию.

Ол кивнул. Лицо его помрачнело.

— Тогда за работу. Спокойной ночи, Бессмертный. Занавес опускается.

Он подпустил из баллона еще газа, воздействующего на чужака как мгновенный анестетик. Бессмертный дернулся разок и снова застыл.

* * *

Курдон наконец настиг их в заливе Акаба.

Потеряв след в Лондоне, чиновник принялся лихорадочно идентифицировать и разыскивать все суда, проходившие по Темзе за те два дня. Их были тысячи. С Джулианом Феррджем *Руди Дучке* ничто не связывало, и лишь ценой значительных усилий сумел Курдон убедить израильскую береговую охрану провести, строго говоря, незаконный поиск.

К тому моменту исследования Джулиана еще не продвинулись дальше рудиментарных анализов биохимии срезов тканей, взятых из недвижимого тела чужака. Бессмертному очень повезло: он, по существу, не пострадал.

Джулиан и Дэвид так углубились в работу, что даже не услышали, как со свистом пролетает над палубой аппарат берегового патруля. Но когда наверху начались крики, среди которых выделялся резкий голос Урсулы, Джулиан наконец отвлекся.

— Иди наверх и прикажи им заткнуться, Дэвид, — сердито приказал он. — У меня нет сил спорить с этими придурками.

Он повиновался было, но в тот же момент распахнулась дверь, и на пороге выстроились патрульные в форменных беретах. Они долго созерцали эту сцену, и загорелые их лица бледнели.

— Чего надо? — гневно вскричал Джулиан. — Убирайтесь отсюда, идиоты! Вы что, не видите, мы заняты! Патрульные вскинули оружие. Игра была окончена.

* * *

На суде Джулиан прибег к излюбленному последнему аргументу негодяев, а именно патриотизму.

Он заявил, что руководствовался не эгоистическими, а общечеловеческими соображениями.

— Пускай мягкотелы правительства, — говорил он, — все равно найдутся те, кто полагает, что человечество должно прогрессировать любыми доступными средствами. Моя работа, если бы ей суждено было продолжиться, принесла бы миру неисчислимые богатства.

Романтика этих заявлений помогла смягчить приговор, чего он, собственно, и добивался. Сообщникам Джулиана дали по десять лет в исправительном учреждении. Сам Джулиан, как главарь, получил пятнадцать.

После освобождения, пятнадцать лет спустя, Джулиан вынужден был радикально пересмотреть свою позицию. Он перестал быть молодым человеком лет тридцати с небольшим. Ему исполнилось сорок восемь. И хотя в тюрьме он поддерживал физическую форму, сохраняя активность и поджарое телосложение, песок продолжал утекать из часов.

Он не мог надеяться на повторение эскапады пятнадцатилетней давности. В разум его закрадывалась мысль, что вся затея была безумием и следует вернуться к нормальной жизни, или тому, что от нее сохранилось. Но эта мысль, которая ранее показалась бы ему рациональной, была мгновенно отвергнута. Он понимал, что явление Бессмертного произвело в нем трансформацию, а цели, к которым он стремился прежде, представлялись теперь бледными и бессмысленными. Одна-единственная цель сохраняла навязчивую значимость: достичь вечной жизни, в сравнении с которой нынешняя — только тень.

Бравируя наглостью, Джулиан добился новой встречи с Бессмертным. По правде говоря, поступок то был отчаянный: последняя попытка склонить чужака к сотрудничеству.

Разговор прошел в несколько напряженной атмосфере, но не из-за чувств, какие испытывали друг к другу Бессмертный и Джулиан, а из-за присутствия на месте беседы Курдона с филологом Ральфом Ридом и двух полицейских. Те держались подчеркнуто враждебно.

Такое отношение к себе Джулиан игнорировал без малейших усилий.

— Ты понимаешь, зачем я здесь, — сказал Джулиан инопланетянину. — Я пришел, чтобы снова попросить тебя поделиться тайной бессмертия с человечеством.

— Человечеству она не нужна, — заметил Бессмертный. — Только тебе.

— Не только мне. Другим тоже. Долго ли сможешь ты хранить ее при себе? В настоящее время ты под защитой общества. Но общества меняются. Ты разве не понимаешь, какая опасность грозит тебе в будущем? Почему бы тебе не поделиться с нами хотя бы информацией, если не средствами ее воплощения. Возможно, мы сумеем синтезировать вещество или воспроизвести биологические условия, или что бишь там дарует тебе вечную жизнь. Так ты отведешь от себя угрозу из будущих веков.

— Я предпочту положиться на удачу, — ответил Бессмертный задумчиво-нейтральным тоном. — К счастью, такие безжалостные и целеустремленные персоны, как ты, редки.

— Редки, — взорвался Джулиан, — но существуют!

Он вскочил. Внезапно он увидел себя глазами Бессмертного: бабочка-поденка, кратковечное создание, чья жизнь бессмысленна, и остается только терпеливо дожидаться, пока она оборвется. Он почувствовал себя ничтожным идиотом.

— Ты, мерзкий жук-переросток! Однажды кто-нибудь из нас до тебя доберется!

Он вылетел из комнаты. Ральф Рид посмотрел ему вслед и вздохнул с облегчением.

— Какая необыкновенная личность! Почти невероятно, чтобы хирург был таким... таким злым. Но он несомненно талантлив. Говорят, тысячи жизней спас.

Курдон в продолжение разговора молча курил. Теперь он задумчиво выпустил дым из трубки.

— Феррдж дал понять, что не считает Бессмертного равным людям — при всем уважении к вам, Бессмертный... и пытается построить свою защиту на этом утверждении. Но едва ли и все спасенные им пациенты для него что-либо значили как люди. Люди для него не существуют. Он их воспринимает как объекты для своих экспериментов.

— Многие так думают, особенно ученые-экспериментаторы. Но они не похожи на Феррджа.

— Да. Он другой. Им движет не научная объективность, а что-то еще. Нечто абсолютно, исключительно эгоистичное.

* * *

Когда Джулиан направлялся к своему аэроплату, на его пути оказалась Урсула Гайль.

— Я за тобой следила, — сказала она с лукавой улыбкой. — Мне стало интересно. Что ты задумал?

— Ничего. Ничего интересующего тебя, во всяком случае.

Она указала ему на бар в самом низу длинной широкой извилистой лестницы.

— Пойдем. Позволь, я тебя угощу.

Он позволил ей завести себя в бар и неуверенно поплелся в угол, где им подали бутылку белого вина.

Он посмотрел на нее. Пятнадцать лет ни одной женщине на пользу не пошли. Но Урсула по-прежнему выглядела моложаво и сохранила особую красоту, которая так будоражила его.

— Значит, ты не планируешь нового похищения?

— Нет.

— И не будешь договариваться с Бессмертным?

— Не получилось. Я как раз прибыл попытаться.

Она рассмеялась низким печальным смехом.

— Не беспокойся, я не хочу влезать в твои безумные затеи. Другие того же мнения. Но, в отличие от них, я не жалею, что ты меня в это впутал тогда. Какой смысл?..

— Она покачала перед собой бокал. — Вообще-то я ждала твоего появления. Думала, мы могли бы...

Она взглянула на него знакомыми яркими ореховыми глазами, в прежней знакомой манере. Джулиан поспешно отвернулся. Поднялся и вышел из-за стола.

— Прости, Урсула, времени в обрез. Сама допивай вино.

И быстро ушел, не оглядываясь.

Джулиан в разговоре с Бессмертным обронил фразу, ставшую основой его стратегии.

Общества меняются. Он уже потерпел неудачу в одном. Чтобы снова попытать счастья, следует просто переместиться на несколько веков в будущее.

Технология гибернации человеческого организма уже была отработана, и анабиоз при желании можно было поддерживать неограниченно долго. Ее отточили на тысячах людей, страдавших неизлечимыми болезнями и надеявшихся исцелиться после пробуждения. После запуска процесс не требовал дополнительных затрат

энергии и обеспечивал Джулиану личное выживание, в котором он мог рассчитывать только на себя.

Он инвестировал большую часть своих осязаемых сбережений в капсулу, призванную перенести его во времени. Он был готов преследовать Бессмертного тысячелетиями.

Конечно, приходилось считаться с риском. Правительство, проявив идиотское (на взгляд Джулиана) благодушие, не стало изымать компактный звездолет чужака и изучать технологию, способную вывести человечество в Галактику, а просто позволило инопланетянину припарковать его в гараже за домом. Бессмертный мог покинуть Землю еще до пробуждения Джулиана. Но Джулиан не думал, что тот так поступит: альдебаранец вроде бы совсем отуземился, а если верить его книгам, то эмигрировать ему нынче особо некуда.

Но, имея в виду эту возможность, Джулиан действовал в строгом секрете. Его капсула времени содержала два отсека: камеру гибернации, которую можно было использовать и для жилья, и еще одну, более просторную, в основном воспроизводившую и даже усложнявшую условия лаборатории на *Руди Дучке*. Капсула обладала исключительной прочностью. Ее материал не ржавел, не корродировал и не страдал от погоды. Это была новая форма углерода, близкая по свойствам к алмазу, но слишком дорогая и чрезмерно долговечная для нормальных конструкций.

Базовые механизмы отсчета времени были изготовлены из того же вещества. Джулиан принял все меры достижения бессмертия, доступные на тот момент земной технологии. Капсула и большая часть ее содержи-

мого, включавшего многие хирургические инструменты, уцелеет и продолжит функционировать, даже если Лондон будет уничтожен и исчезнет с лица земли. Он, однако, не рассчитывал на такой длительный отпуск. Джулиан установил механизм на первое пробуждение пятьсот лет спустя, понимая, что за такое время даже самые благородные общества способны переродиться в предельно беззаконные.

Шли столетия. Общество Западной Европы претерпело ряд перемен, которые Бессмертный в основном предвидел и удачно к ним приспособился. Он стал чужаковатым, малозаметным, но постоянным лондонским жителем. Удивительная черта человечества (и, как мог заверить Бессмертный, многих других видов) заключалась в том, что, вопреки жадному интересу к делам Вселенной в крупном масштабе, интересовалось оно в долгосрочной перспективе только собственными внутренними делами. Бессмертный в совершенстве освоил науку не влезать в такие дела.

Но в одном важном аспекте Джулиан недооценил его, как ранее — Курдона. Бессмертный не потерял осторожности. Он старался не упускать из виду Джулиана. Когда вести о нем неожиданно перестали поступать, Бессмертный разослал агентов по миру, стараясь выяснить, куда тот мог податься. Но не узнал ничего. Джулиан Феррдж как в воду канул.

Бессмертный был дотошен и нетороплив. У него имелось крупное преимущество над врагами: время, которым он располагал в избытке. Жизнь его немало покидала, и он уже сталкивался с атакой из гibernации.

Именно к такому способу, заключил Бессмертный, и прибег Джулиан Феррдж.

Поиск укрытия хирурга не требовал срочности. Бессмертный занялся им косвенно. Он начал с того, что собрал множество незначительных, на первый взгляд, фактов, и проследил структурные мотивы перестройки Лондона за прошедшие десятилетия. Его интуитивное предположение, что капсула времени спрятана в Лондоне, быстро подтвердилось; проведя небольшое исследование юридических тонкостей права собственности на те или иные подозрительные участки, он обнаружил точное местонахождение хирурга. Случилось это спустя приблизительно век после того, как Джулиан лег в анабиоз.

Однажды ночью аэроплат в стиле двадцать третьего столетия появился в древней, наполовину скрывшейся под землей части города. Освещение здесь работало плохо, бледные контуры аппарата едва просматривались. После долгого полета аэроплат опустился в пыльном закоулке рядом с полуразваленным зданием бывшего склада.

Из кабины выбрался Бессмертный. В его манипуляторных конечностях были зажаты многочисленные инструменты неизвестного землянам типа. Пластик и штукатурка поддались напору, и возникла небольшая дыра, похожая на крысиную нору, через которую он пролез внутрь.

Там было непроглядно темно и на удивление холодно. Бессмертный щелкнул переключателем, и загорелся слабый, едва доступный человеческому глазу свет.

В руинах заброшенного здания он наконец отыскал гладкую холодную капсулу.

Бессмертный включил другой принесенный с собой режущий инструмент. Тонкий луч не воспламенил бы и спички, зато смог аккуратно разделить углеродные связи материала и вырезать из него ровную секцию. Внутри, в наполненном аргонном цилиндре, обнаружился Джулиан, бледный и мертвый.

Пришелец с Альдебарана не был убийцей. Действовал он превентивно, а не наступательно. Отыскав хронометрический механизм, Бессмертный минуту повозился с ним и отсоединил. Устройство реактивации включилось. Теперь анабиоз Джулиана не окончится без посторонней помощи. Удовлетворившись этой работой, Бессмертный установил на место вырезанную секцию стенки капсулы, убрал все прочие следы своего проникновения и отбыл.

6

Лондон разрушался и обновлялся. Шли тысячелетия, изменилась даже география, но на месте Лондона всегда стоял город, за исключением периода, когда там разлилось озеро. Все это время Бессмертный обретался на периферии человеческого социума, соорудив для себя образ вечного отшельника, Мудрого Старца на Холме, Оракула, в общем, любыми средствами прикрываясь от суеверных посягательств.

Во многих случаях капсула времени Джулиана становилась объектом изучения — обычно это происходило при регулярных перепланировках города. Каждый раз,

когда представлялось вероятным, что ее вскроют (взлеты и падения технологии не всегда позволяли это), вмешивался Бессмертный и упрасивал власти воздержаться от этого шага. Его стараниями капсулу наконец переместили на склон холма к северу от города.

Но вот и век *Homo sapiens* подошел к концу.

Бессмертный уже давно наблюдал знамения этого конца, но своих давних хозяев не предостерегал. Человеческие ученые так и не постигли в полной мере законы эволюции. Они не осознавали, что естественный срок жизни ограничен как у индивида, так и у всего вида, и это определяется наследуемыми генами. Природа любит, приведя определенный вид к господству, смыть его в канализацию и заменить новым, испробовав что-нибудь другое. Поэтому эволюционные трансформации иногда происходят внезапно. *Homo sapiens* возвысился над приматами за десятки тысяч, а не миллионы, лет⁶, и смерть вида подступила так же быстро, как зарождение его. Генетические часы замедлялись, рождения стали реже, общество коллапсировало, жизненная сила людской расы исчерпалась.

Но не успели еще вымереть последние люди, а Природа уже подыскивала им замену: *Lupus sapiens*, волка разумного.

* * *

⁶ По современным представлениям, это неверно: человек разумный отделился от прочих гоминидов приблизительно полмиллиона лет назад, формирование же рода *Homo* датируется эпохой за 2,5 млн лет до нашей.

В грубой хижине на расстоянии нескольких миль от руин Бессмертный прервал долгую медитацию. Он пришел к выводу, что приютивший его вид вымер, а восхождение нового вида-доминанта принесет хлопоты, и пережить этот период будет сложно; пора двигаться дальше.

Когда он оживился, искусственные голосовые связки слабо зашелестели. Прошло уже почти четыре тысячелетия с тех пор, как он в последний раз менял их, и мембрана прогнила. Надо выбрать время избавиться от нее.

Он отодвинул засов. Скрипнула деревянная дверь, ворвался поток холодного воздуха. Он выполз на пустошь и направился к развалинам, выглядывая, не появятся ли хищники — волки. С ними у Бессмертного установилось своеобразное напряженное перемирие, но он понимал, что в любой момент его могут атаковать снова.

Он достиг развалин без приключений. Те мало изменились с последнего визита, разве что волки понемногу растаскивали кирпичи для укрепления своих лагерей. Но звери еще не освоили металлургию, и гараж звездолета не пострадал, хотя на нем были заметны следы грубых орудий. Омытый дождем идеальный купол выглядел неестественно чистым среди замысловатых каменных руин. Замок недовольно скрежетнул, и в тусклом свете Бессмертный начал готовить корабль к отлету.

Он проводил техосмотр каждые несколько веков, и корабль был еще в довольно неплохом состоянии, хотя

замена некоторых компонентов представляла трудности (кое-какие материалы в Солнечной системе вообще отсутствовали). По истечении трех суток он счел корабль готовым к межзвездному полету — в той мере, в какой это вообще было возможно. Оставалось лишь проложить курс по звездным картам: работа на несколько часов. Но Бессмертному не давала покоя еще одна, как ни малосущественная, деталь. Давным-давно он заточил своего старого врага, Джулиана Феррджа, в темнице, которую тот сам для себя построил. Совесть не позволяла Бессмертному обречь этого недруга на вечную не-то-жизнь-не-то-смерть. Мир, в котором пробудится тот ныне, неприятен и, скорее всего, быстро его убьет, но Феррдж заслуживает своего шанса.

Бессмертный вывел из гаража небольшой вспомогательный летательный аппарат, подзарядив аккумулятор от звездолетной сети, и откинул купол. Спустилась тьма, мерцали звезды. Тыльная часть корпуса исторгла искры, аэролет набрал высоту и полетел на север, над огнями волчьих костров. Бессмертный представил себе происходящее внизу и укрепился во мнении, что на Земле ему больше не место.

Достигнув гробницы Джулиана, Бессмертный некоторое время расчищал почву и выросшую растительность, потом прорезал отверстие по контуру, намеченному в давние времена. Внутри покоился Джулиан, ничуть не изменившийся; время не тронуло его. Бессмертный взглянул в белое, как пергамент, лицо и пошевелил мандибулами в жесте, отвечавшем грустной усмешке. Он не испытывал презрения к человеку. Джулиан был отважной мошкой, ухитрившейся сохранить крохотную

жизнь в попытке тягаться с долгоживущим альдебаранцем, но обстоятельства для него выпали слишком уж неблагоприятные. Что до его алчности и зависти, то о них Бессмертный особо и не задумывался.

Механизм реактивации оказался исправен. Бессмертный снова включил его и установил таймер на несколько часов от настоящего момента, потом полетел назад к своему кораблю. Прокладка курса отняла несколько больше времени, чем он рассчитывал, и только ранним утром Бессмертный пробудил двигатель звездолета от долгого сна. Окинув последним ностальгическим взглядом планету, так долго и в то же время столь недолго служившую ему приютом, он стартовал. Дряхлая машина слабо постанывала, раскачиваясь на эфирных течениях пространства. Бессмертный проверял показания аппаратуры, тревожно высматривая признаки неполадки.

Катастрофа произошла, не успел он подняться и на несколько сотен футов. Корабль оказался *слишком* стар, несмотря на верное техобслуживание с его стороны. С кормы донесся зловещий хлопок. Кабину заполнили токсичные газы. Звездолет дал крен, Бессмертный в панике завозился с панелью управления.

* * *

Джулиану повезло проснуться еще до того, как Бессмертный предпринял попытку сбежать с планеты.

Система анабиоза была настолько эффективна, что организм полностью восстановился за очень короткое время. Когда к Джулиану вернулось сознание, он обна-

ружил, что крышка цилиндра, где довелось ему почитать так долго, откинулась автоматически, и внутрь уже поступает воздух.

Вначале онемевшие конечности слушались плохо, но, вылезая из цилиндра, он уже напряженно размышлял о том, что теперь предпринять. Быстро оглядев капсулу времени, он осознал, что положение явно нештатное: в стене проделана аккуратная дыра, часть оборудования, материал которой не предохранялся углеродными связями алмазной прочности, пришла в негодность, автоматический регистратор, рассчитанный на тысячу лет, остановился. Вдобавок по ту сторону отверстия виднелись деревья и молодая поросль, колышущаяся под ветром на склоне холма. Деревья и цветы были незнакомые.

С губ Джулиана сорвался вопль муки. Нетрудно было догадаться, что случилось: чужак перехитрил его. Отключил систему оживления и погрузил его в сон на бесчисленные эпохи. К этому моменту инопланетянин уже наверняка покинул Землю — быть может, много веков назад.

Разочарование и отчаяние при этой мысли едва не лишили его рассудка. Лишь одно обстоятельство спасло его от необратимой эмоциональной травмы: подойдя к проему и обнаружив, что капсула времени погребена под холмом, он выглянул наружу, принялся к незнакомым ароматам, принесенным воздушными течениями, посмотрел вверх... и увидел, как что-то падает с неба, оставляя по себе дымный след. Перед тем, как аппарат врезался в землю, Джулиан опознал в нем корабль Бессмертного. Его настроение немедленно пе-

ременилось. Не теряя времени, он засек место падения, выхватил оружие и инструменты из герметичных контейнеров и кинулся в погоню.

Корабль разбился примерно в трех милях от капсулы времени. Явившись туда, Джулиан увидел, что Бессмертный выполз наружу и потерял сознание. Чужак лежал на ковре из зеленых и пурпурных цветов.

Джулиан стремительно адаптировался к новой обстановке. Эпохи, проведенные в капсуле, субъективному его восприятию представлялись считанными минутами, и перестраиваться на новый лад не требовалось. Он запасся анестезирующим спреем на случай, если Бессмертный придет в себя и попытается оказать сопротивление, но компоненты либо разложились, либо вытекли, и при нажатии на распылитель ничего не произошло. Отшвырнув баллончик, он поразмыслил, как доставить Бессмертного к своему убежищу, и принял решение использовать сани.

Он срезал ножом несколько ближайших молодых деревьев и со второй или третьей попытки изготовил грубое транспортное приспособление. Сочтя его пригодным для этой задачи, Джулиан нырнул внутрь недовольно скрипевшего звездолета.

По маленькой кабине были раскиданы странные предметы. Он пообещал себе вернуться за ними позже. Ему снова повезло: на корабле нашлась идеально подходящая веревка, и Джулиан поспешно взялся за работу. Скрепив жерди длинными побегами, он перетащил чужака на волокушу и крепко связал его. Пару раз Бессмертный, казалось, пытался перевернуться, и голосо-

вая мембрана издавала слабое жужжание. Джулиан не обращал внимания.

К нижней части панциря Бессмертного был пристегнут инструмент с узким стволом длиной около фута, похожий на оружие. Джулиан забрал его себе и принялся изучать. Устройство не было приспособлено к человеческой анатомии, но, ощупывая его, он нашарил рычажок. Нацелив ствол на дерево, он щелкнул рычажком. Пространство между стволом и деревом рассек тускло-красный луч цвета раскаленного железа, дерево вдруг изменило цвет, распалось на фрагменты и обрушилось.

Он улыбнулся и повесил оружие на пояс, рядом с другими пушками.

Перетаскивая сани по ухабам и торфяникам в сторону капсулы времени, он обильно потел от натуги, но держался. Оставалось меньше мили, когда из ближних кустов послышался громкий шелест, а следом на тропе появились два существа, унаследовавших Землю.

Они были гротескно человекоподобны, поскольку уже умели перемещаться на двух лапах почти так же легко, как на четырех, а передние лапы начали адаптироваться для хвата, и на них возникли грубые пальцы с крупными подушечками. В одной лапе передний волк сжимал каменный топорик.

Джулиан ошеломленно уставился на волков. Волки ошеломились не меньше. Потом вожак стряхнул оцепенение, пригнулся, зарычал и ринулся на человека, целеустремленно воздев топорик. Джулиан поспешно бросил сани и схватился за пистолет на поясе. Сверкающие желтые глаза буравили его мозг. Он прицелился и выстрелил.

Громкое эхо выстрела раскатилось по пустоши. Волк рухнул и остался лежать, слабо подергиваясь. Из раны потекла кровь. Второе существо помедлило, развернулось и кособоким побегом дало деру.

Джулиан старательно прицелился и снова нажал на спуск. Выстрела не произошло. Чертыхнувшись, он потянулся за пушкой Бессмертного и красным лучом срезал убегающего волка.

Обследовав пистолет, он обнаружил, что все остальные патроны тоже испортились. Сам не зная того, он сыграл в русскую рулетку наоборот и наткнулся на единственную спасительную пулю. В этот день ему и впрямь сопутствовала удача. А с оружием Бессмертного защищаться будет несложно, лишь бы заряда хватило.

Настороженно оглядываясь, он возобновил продвижение. Он уже сообразил, что животные, встретившиеся на пути, произошли от волков, но не стал размышлять о значении этого. Перед ним стояла задача, требующая всесторонней концентрации.

Больше волки не попадались до самого укрытия. Забравшись внутрь, он принял некоторые меры предосторожности: отыскал вырезанную Бессмертным из стены панель и с помощью инструментов приладил ее обратно. Целеустремленной атаки она не выдержала бы, но у Джулиана еще оставался инопланетный лучемет.

После этого он перетащил Бессмертного во вторую комнату и привязал к главному операционному столу. Покончив с приготовлениями, он решил отдохнуть, и за это время Бессмертный пришел в себя.

Он понял, что к чужаку возвратилось сознание, хотя тот не издал ни звука. Вместо этого Бессмертный, казалось, принялся озиаться, точно оценивая сложившуюся ситуацию. Наконец Джулиан встал и начал проверять аппаратуру. Бессмертный нарушил молчание, и его голос из-за поврежденной диафрагмы прозвучал хрипло:

— Полагаю, тебя бесполезно отговаривать?

— Абсолютно бесполезно.

Но про себя Джулиан забеспокоился. Большая часть оборудования была в порядке — предметы, сделанные из неподвластных распаду материалов, например, хирургические инструменты. И вместе с тем — почти бесполезна. У него практически не осталось реагентов, так что химические опыты представляли значительную трудность. По сути, все доступные ему исследования сводились к анатомии.

Его опять начали захлестывать депрессия и страх провала, и он с усилием взял себя в руки. Вероятно, попытка в любом случае окажется наиболее эффективным методом поиска ответов на интересующие его вопросы.

Он подошел к Бессмертному и начал раскладывать инструменты.

— У меня нет анестетиков, — сказал он извинительно. — К несчастью, нервная чувствительность твоего вида довольно высока, не так ли? Не лезь на рожон, Бессмертный. Чем скорее пойдешь на сотрудничество, тем быстрее все закончится и меньше боли причинит.

Говоря так, он задумался, насколько сильная боль могла бы убедить его самого отказаться от бессмертия.

Скорее всего, никакая. Несомненно, у Бессмертного столь же мощная мотивация.

Тем не менее он приступил ко вскрытию чужака, распластанного на столе, точно перевернутый вверх брюшком жук-переросток. Некоторые его манипуляции преследовали цель пытки, и ее одну, но большая часть действий была направлена к изучению анатомии и нейрофизиологии Бессмертного. Бессмертный издавал сдавленные крики и извивался, насколько позволяли ему путы, но не более того. Джулиан помнил, что убивать его нежелательно, и действовал как можно осторожней, однако не чрезмерно. Он рассудил, что бессмертное создание наверняка способно перенести весьма ощутимый физический урон. Спустя некоторое время он абстрагировался от боязни запытать пленника и всецело отдался наслаждениям научного познания.

Прямо под мозгом чужака покоился сферический предмет, похожий на жемчужину, диаметром дюйма два.

Сверкающий шарик был окружен массивным переплетением нервных узлов, но ни аксоны, ни дендриты, по впечатлению, не вступали с ним в непосредственный контакт. В целом эта часть нервной системы напоминала гнездо с единственным прекрасным, совершенным яйцом. Джулиану сфера показалась искусственной, а не частью организма Бессмертного, и он какое-то время присматривался к ней.

— А что, если я удалю жемчужную сферу, которая заключена у тебя прямо под мозгом? — спросил он, проверив, в сознании ли чужак.

Ответа не последовало. Тогда Джулиан, действуя медленно и осторожно, исполнил свою угрозу. Он поднес жемчужину к свету, зажав микрометром, и восхищенно уставился на нее. Шарик словно бы излучал в его разум некую энергию. Он был похож на свечу, сияющую в полнейшей тьме.

Голосовые связки Бессмертного испустили дрожащий вздох.

— Значит, конец, — произнес инопланетянин медленно, словно отодвигая туманную завесу боли.

— Это оно? — пробормотал Джулиан. — То, что я искал?

— Семя... Семя Зла.

Джулиан взвесил жемчужину на ладони. На ощупь та была холодная и гладкая.

— Тебе нечего больше скрывать, — проговорил он. — Может, объяснишься наконец? Я был бы тебе за это признателен.

Бессмертный, приложив значительные усилия, заговорил.

— Я не себя хотел уберечь, а *тебя*. Позволь же мне последнюю такую попытку. Семя, которое ты держишь на ладони, и есть снадобье бессмертия, как вы его называете. Говоря точнее, это устройство, обеспечивающее биологическую перманентность. Достаточно всего лишь каким-нибудь способом привести Семя в контакт с твоим телом. Например, проглотить. Затем оно переместится в наиболее подходящее место и начнет трансформацию всех телесных функций, совершенствуя организм до тех пор, пока он не придет в... вечное биологическое движение. Все обычные процессы рас-

пада будут заторможены, а потом обнулены. Однако Семя обладает и более впечатляющими свойствами. К примеру, оно исцеляет большинство ран, нанесенных хозяину, и даже если тело будет полностью уничтожено, Семя продолжит существование в спящем режиме, пока не войдет в контакт с биологическим материалом, даже обычным перегноем. После этого оно попытается воссоздать твое тело и с большой вероятностью добьется успеха. Поэтому носитель Семени практически бессилен умереть, даже самоубийство ему не поможет. Единственный способ обрести забвение — подстроить все так, чтобы Семя было изъято из тела и перешло кому-нибудь другому. Тогда оно забудет старого хозяина и присягнет новому; оно способно адаптироваться к любому живому организму во Вселенной.

— Пока что твою попытку меня разубедить никак не назовешь успешной, — заметил Джулиан.

— Ты узнал, какова будет вечная жизнь. Что сделало бы ее невыносимой?

Джулиан поразмыслил.

— Боязнь ее лишиться?

— Да нет же. Вина. Чувство вины за такую кражу.

Джулиан рассмеялся без малейшего веселья.

— Я что, похож на человека, которому оно свойственно?

— Нет. Но ты изменишься. Меняются все обладатели Семени. По прошествии нескольких миллионов лет — или уже нескольких тысяч — ты все начнешь воспринимать в ином свете. Да-да, пожалуй, достанет уже нескольких столетий, чтобы тебя обуяла вина, которой ты обречен будешь терзаться вечно, или до тех пор, пока...

Речь Бессмертного оборвали хриплые стоны агонии.

— Интересно, каким образом было изготовлено столь замечательное устройство, — пробормотал Джулиан, равнодушный к терзаниям Бессмертного.

Чужак, однако, пересилил себя и продолжил объяснять:

— Я расскажу тебе все, что знаю. Происхождение Семени теряется во тьме истории, но легенда о нем выглядит правдоподобной. Говорят, его создала раса существ — ее имени даже я не ведаю, — стремившихся *покарать преступника*.

Внимание Джулиана отвлеклось: снаружи в стену убежища кто-то скребся. Он поспешил к проделанной Бессмертным дыре, приложил ухо к заслонке и услышал шорох лап. Волки? Или какое-то другое животное?

Вскинув лучемер, он вернулся к Бессмертному. Последняя фраза чужака озадачила.

— Продолжай! — скомандовал он.

— Мои силы на исходе, — ответил Бессмертный. — Тем не менее... да, так вот, существа, о которых я упомянул, были в затруднении. Им следовало покарать величайшего преступника в истории, индивида, совершившего невероятные злодеяния — и при этом безумного. Они решили, что целесообразнее всего будет исцелить его, а потом заставить вечно терзаться виной за содеянное. Бессмертие решает обе проблемы. И даже более того. Еще один аспект бытия, которое ты так стремишься обрести, — неустанная погоня: на тебя все время будут охотиться другие жаждущие бессмертия, зная, что секретом его владеешь только ты. Таким образом создатели Семени запустили причинно-

следственный механизм, частью которого стали мы с тобой. Куда бы ни попадало Семя, оно притягивает к себе самых отъявленных злодеев. Сколько их угодило в эту ловушку? Никто не знает. О, вечная охота на бессмертного!

— Любая ценность стоит того, чтобы за нее сражаться, — заметил Джулиан. — Что же до раскаяния, так ужасающего тебя, то я к нему совершенно иммунен.

— *Сейчас?* Да. Но ты изменишься. Я еще не поведал тебе самого жуткого. Самое жуткое, что в конце концов ты одним своим существованием начнешь притягивать к себе других бедолаг, которые угодят в ту же западню и понесут аналогичное наказание. Так случилось и со мной. Я не всегда был безобидным отшельником, каким знаешь меня ты, Феррдж. О, если бы ты только... Я был стократ тебя порочней. Я похитил Семя, как ныне похищаешь его ты. И я страдал, как будешь страдать ты. Умоляю, *не принимай Семя*. Лучше умереть, Феррдж, *лучше умереть!*

Джулиан воспринял увещевания Бессмертного как продиктованную отчаянием последнюю уловку. Даже эти заявления о чудесных свойствах Семени могут оказаться ложью. Вполне возможно, что в шарике яд. Джулиан решил рискнуть.

— После всего, через что я прошел? — произнес он. — Нет, я не отступлю.

Шарик сперва показался ему слишком объемистым, чтобы проглотить, но ради эксперимента он положил Семя в рот. Как только шарик коснулся губ, то словно ожил и наэлектризовался. Двигаясь словно бы по собственной воле, шарик соскользнул в глотку и опустился

в желудок, и Джулиан ощутил его там большим тяжелым камнем, который постепенно рассосался.

Во всем его теле словно образовались просторные полости, по которым эхом раскатился удар тяжелого колокола.

Ему показалось, что он теряет связь с окружающим миром, погружается во что-то необъятное и непредставимое. Он словно бы завис в бескрайней пустоте, и вдруг образы всех людей, с которыми он водил знакомство, пронеслись через его разум последовательностью быстрых сполохов. Дольше остальных удержалась Урсула Гайль, такая, какой видел он ее в последний раз, над бокалом вина, с грустными ореховыми глазами, устремленными на Джулиана. Он увидел, как все они давным-давно канули в небытие, и почему-то позавидовал им. После этого масштаб еще укрупнился, и он постиг, что ему даровано откровение. Он узрел последовательность событий, малой частью которой стал сам, последовательность, начатую задолго до создания Семени. Давным-давно, в необъятной дали времен, существовала раса, которой тоже удалось сотворить бессмертное существо — *по-настоящему* бессмертное, а не такое, как владельцы Семени, ведь само Семя, конечно, по прошествии миллиардов лет тоже прекратит существование. Они добились этого, запечатлев искусственное сознание на ткани пространства, откуда его не вытравить вовек.

И это сознание призывало его. Именно его клич и явился первоначальной причиной создания Семени. Когда-нибудь, каким-нибудь образом, одного из соблазнившихся Семенем, быть может, удастся вознести с

материальной плоскости туда, где пребывает *Этернус*, к жизни без каких-либо смыслов жизни, к жизни без конца.

Голос *Этернуса* обратился к Джулиану:

Ты единственный сын мой возлюбленный, в котором мое благоволение.

Услышав эту ересь⁷, он страшно испугался при мысли о том, что может оказаться таким избранным вечным спутником.

Вдруг все исчезло, развеялось, точно кошмар, и он остался стоять рядом с Бессмертным. Чужак продолжал говорить, но голос его слабел:

— Слышишь, Феррдж? Слышишь Волков? О, не бойся, ты с ними поладишь. Ты выдвинешься в вожаки. Помню, когда я впервые тебя увидел, то сразу почуял в тебе волка. Добро пожаловать к своему *истинному* племени. И, кстати, спасибо, что освободил меня. Если повезет, кто-то из них до тебя быстро доберется. Впрочем, Семя принудит тебя сражаться. Это тоже одна из его функций...

Джулиан поспешно проговорил:

— Что можно сделать, чтобы избавиться от Семени?

Но Бессмертный не ответил, и стало ясно, что альдебаранец наконец-то мертв.

Снаружи завывали волки.

⁷ Обыгрывается Мф. 3:17.

Об авторе

Баррингтон Дж. Бейли (Barrington J. Bayley) родился 9 апреля 1937 года в Бирмингеме, Великобритания. Образование получил в Шропшире; был клерком, типографским рабочим, шахтером, репортером. В восемнадцать лет поступил на службу в Королевские ВВС.

В фантастике Баррингтон Бейли дебютировал в 1954 году рассказом «Combat's End». Некоторую известность ему принесли рассказы, которые печатались в журнале Майкла Муркока «New Worlds». Впоследствии, в 1960-х годах, совместно с Муркоком, Баррингтон писал произведения для юных читателей. В 1970 году была опубликована его первая книга «Звездный вирус» (Star Virus), а в 1972 году увидели свет «Фактор уничтожения» (Annihilation Factor) и «Империя двух миров» (Empire of Two Worlds). Вскоре известность получили романы Бейли «Курс на столкновение» (Collision course) и «Падение Хронополиса» (The Fall of Chronopolis). Среди других романов Бейли — «Душа робота» (1976), «Одеяния Кайна» (1976), «Большое колесо» (1977), «Звездные ветры» (1978), «Столпы вечности» (1982), «Дзен-ружье» (1983), «Лес Пелдайна» (1985).

Скончался Б.Бейли 14 октября 2008 года.

7

Наперегонки с чидами
Sporting with the Chid, 1979
Перевод К. Сташевски

Пушка Господа
The God-Gun, 1979
Перевод К. Сташевски

37

51

Корабль, плавающий в океане космоса
Fishing Trip, 1962, Под псевдонимом P.F. Woods, в журнале Science Fiction Adventures, No. 26, 1962, стр. 101-114; в 1974 году под своим именем и под названием The Ship That Sailed the Ocean of Space.
Перевод З. Бобырь,
сб. «Тайна мистера Визеля», М., 1990.

Подземные путешественники
The Radius Riders, 1962
Под псевдонимом P. F. Woods
Science Fiction Adventures,
No. 27, 1962, стр. 90-105.
Перевод Б. Рогозина, ж. Если 7, 1999.

68

93

Человек с транзитного рейса
Man In Transit, 1972
В сборнике New Worlds Quarterly #4,
составитель М. Муркок, издательство
Berkley Medallion, 1972, стр. 156-165,
под псевдонимом Alan Aumbry.
Перевод К. Сташевски

108

Месть волшебника Вазо
Wizard Wazo's Revenge, 1979
Перевод К. Сташевски

Бесконечный прожектор
The Infinite Searchlight, 1979
Перевод К. Сташевски

125

135

Целостность
Integrity, 1964
В журнале New Worlds SF,
№ 144 September-October 1964, стр. 55-68,
под псевдонимом P. F. Woods
Перевод К. Сташевски

Идеальная любовь
Perfect Love, 1979
Перевод К. Сташевски

157

176

Олицетворение
The Countenance, 1965
New Worlds Science Fiction,
January 1964, стр. 47-63,
Под псевдонимом P. F. Woods
Перевод К. Сташевски

205

Ловушка жизни
Life Trap, 1979
Перевод К. Сташевски

Прощай, дорогой брат
Farewell, Dear Brother, 1964
New Worlds Science Fiction, April 1964,
стр. 51-71, под псевдонимом P. F. Woods
Перевод К. Сташевски

215

248

Семя зла
The Seed of Evil, 1973
В сборнике New Writings in SF 23, 1973 года,
издательство Sidgwick & Jackson, составитель
Кеннет Балмер, стр. 155-190.
Перевод К. Сташевски

Об авторе

297

Баррингтон Бейли

Семя зла

Сборник рассказов

Иллюстрации Дианы Кузнецовой

Количество знаков в книге: 369 950

Тираж 30 экз

Зарубежная

фантастика

